

ВЕЛИКАЯ ВОСЬМЁРКА

АНДРЕЙ
НЕМАНОВ

ДЕНИС
МЛЮНИН

18+

**Данил Манонин
Андрей Неманов
Великая Восьмёрка**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55716452

SelfPub; 2020

Аннотация

Наша вселенная намного шире, чем мы можем себе представить. И кажется, что всё так далеко от нас, что мы никогда не достигнем тех бескрайних просторов. Но что, если я скажу вам: вселенная намного ближе, чем кажется? И она прямо влияет на наши судьбы, пусть мы этого и не замечаем...

Содержание

Пролог

«Вселенная создана такой, какая она есть. И произошло это так, как произошло. Мы не вправе это осуждать...»

Давным-давно, когда на Земле еще не появилась жизнь (потому что Земли тоже не было, как и всего остального), существовали лишь двое: АД'М и Эйба. Они были братом и сестрой, детьми самого Существования. Единственные, кто существует во всех мирах, вселенных, реальностях. Они содержали в себе всё, что возможно и невозможно увидеть во круг, принимая при этом форму некой туманности.

Неисчислимое количество лет¹ они существовали лишь вдвоём, изучая мир, пытаясь найти берега бескрайнего океана вакуума, пустоты. Наконец, они пришли к выводу, что одиноки, а эта пустота бесконечна. Изучая себя, они познали своё настоящее могущество, придумали свой язык для простейших разговоров. А так же узнали, что могут породить что-то новое, дать потомство.

АД'М, углубившись в изучение этой темы, понял, что каждый из них может при большом старании в одиночку выработать достаточно энергии для синтеза новой жизни, но также можно разделить старания на двоих, слившись в половом акте, при этом испытав великое удовольствие. И АД'М возжелал этого удовольствия. Ничего не сказав о первом

¹ Дорогой читатель! Предупрежу, что буду выражать временные отрезки в Земных годах. Так будет привычнее и удобнее.

способе, он подробно описал условия второго Эйбе, уверив её в том, что других вариантов просто нет. Спустя время Эйба решилась войти в половую связь...

Медленно и осторожно они совмещали свои тела, зацепляясь каждым атомом, пуская сотни импульсов, обмениваясь нейронами. Обоим этот процесс скоро пришёлся по нраву. Единственные, кто мог издавать свет и звук, они пускали волны по всему пространству. Эйба вдруг начала циклично изменяться в размерах, то отдаляясь от брата, то входя в него на максимум. В порыве страсти она прокричала

– Er Et Latnerim!²

– Aiba Er Et kol Latnerim!³ – ответил брат.

Они слились воедино, при этом начиная раздваивать и соединять кванты. Это способствовало выработке такого количества энергии, что никто и никогда не смог бы хранить или использовать её всю в полной мере. Их соитие продолжалось еще два миллиарда лет. И вот, АД'М наконец оплодотворил сестру...

Спустя несколько миллионов лет Эйба родила шестерых детей. Их назвали Дольф, Лай'Кес, Вь'Юкин, Морфиус, Силенна и Дай'Эна. Дети росли быстро, быстро учились, позна-

² «Я тебя люблю!»

³ «Я тоже тебя люблю, Эйба!»

ли всё, что было известно их родителям. АД'М и Эйба вдохновились большим потенциалом детей и решили, что нужно продолжать род, чтобы ещё более населить мир идеальными существами, Neil Quare, так они называли себя. На этот раз Мать всего без раздумий сама предложила Всеотцу повторить любовное соитие. Наблюдали за процессом все дети, кроме Вь'Юкина, который вопреки предубеждениям заявил, что отдаст жизнь на то, чтобы исследовать всю Вселенную, дойти до её края, а потому отправился в глубины бесконечной пустоши. Наблюдение проходило на протяжении длительного времени. Детей переполняли чувства. И азарт. И интерес во всех смыслах.

Они принялись изучать природу этого явления, названного ими “Хентуал”, что в переводе на наш с вами язык может означать «секс». Дольф, Морфиус и Силеня рассудили, что Хентуал должен проводиться с должной осторожностью и только для зачатия новой жизни, ведь он требует от партнёров огромных усилий, отнимает их жизненную силу и может убить. Лай'Кес и Дай'Эна не согласились со своей роднёй и втайне решили вступить в любовный контакт.

Поначалу всё шло гладко. Дай'Эна, слегка дрожа, шептала Лай'Кесу: “Latner”⁴, “Penciv”⁵, “on Retyun”⁶. Но вдруг, когда они почти дошли до финала, их тела задёргались, атомы

⁴ «Любимый»

⁵ «Дорогой»

⁶ «Неповторимый»

начали быстро соединяться и разъединяться друг от друга. Крик удовольствия сменился страшным воплем, вызванным нестерпимой болью. Вопли услышал Морфиус. Вместе с Силеной они поспешили помочь, но было поздно. На их глазах Дай'Эна и Лай'Кес потеряли свои отличные друг от друга формы, смешались в одну туманность, закружились в вихре, а затем сжались... И взорвались...

Вселенную озарил поток света, ударная волна оттолкнула всех находившихся поблизости. Трое Neil Quare решили остановить Xentual родителей, рассказать им об опасности и трагичной участи Дай'Эны и Лай'Кеса. Но опять опоздали. Аккурат в то же время АД'М оплодотворил Эйбу. К счастью, на этот раз всё прошло благополучно.

Выслушав детей, родители ужаснулись. Эйба начала упрекать брата в легкомысленности, в том, что он не постарался до конца изучить и описать детям природу Xentual, заявила, что отныне они не будут больше размножаться, так как это слишком тяжело и опасно. Treip Omnesit, троица мудрецов, в которую вошли старшие дети, поддержала мать. АД'М был вынужден принять условия, но в глубине сознания затаил большую обиду, так как не желал забывать великого удовольствия, получаемого от Xentual с Эйбой.

Летели миллионы лет. Останки Лай'Кеса и Дай'Эны перестали удаляться от Neil Quare, образовали некое сияние, украсившее бескрайнюю пустоту. Позже Treip Omnesit заметили, что сияние будто вращается вокруг них. Они яв-

лялись центром их маленького мирка, который был назван “Neil Frooim”⁷.

Пришло время, Эйба родила пятерых детей: Дэната, Лесандею, Анкратана, Эв’Айлину и Шак’Хида. После родов она заметно уменьшилась в размере, стала слабой, будто состарилась. Она больше не стремилась к изучению Вселенной, всё меньше говорила с родственниками. Трейр Омнесит решили углубиться в изучение явления рождения новой жизни и поняли: помимо усилий, роды требуют от рождающего частичку его самого.

В теории троица могла бы восстановить здоровье матери, будь у них для этого ресурсы. Но ресурсов нет: они – единственные их источники во вселенной. По крайней мере, Neil Quare придерживались такого мнения до сего момента. Сейчас же, от безысходности, хотелось верить, что они ошибались.

Дольф начал всматриваться вдаль, чтобы найти на всём сияющем просторе единственную яркую точку – Вь’Юкина, свет которого по-прежнему не мерк. Найдя наконец эту точку, он отправил в её сторону поток нейронов. Так он хотел передать информацию о текущем положении Вь’Юкину, чтобы он, при обнаружении каких-нибудь объектов, сообщил об этом братьям. Чтобы облегчить страдания Эйбы, троица начала собирать энергию из сияния. Её, несомненно, было мало, но другого выхода не было...

⁷ «Совершенный мир»

Воспитание детей доверили АД'Му. Сначала он тихо и покорно заботился о них. Затем, когда заметили слабость Эйбы, ему запретили приближаться к сестре. Это не понравилось Всеотцу, про себя он начал осуждать первенцев за неблагодарность и недоверие. Потом, найдя в своих раздумьях великую бессмысленность, ведь сказать прямо он им не мог, ещё больше обозлился на всех, а также начал оправдывать свои действия. Сказал себе, что постепенное ослабление матерей – это нормально, это вынужденная мера. Ведь из одной жизни рождается множество: какой смысл до конца сохранять одну жизнь, если из-за этого пропадает целое поколение?

Конечно, спустя время он опомнился и решил смириться. Но перед этим он выговорил все свои мысли старшему из своих нынешних воспитанников – Дэнату. Дэнат, не знающий почти ничего о Xentual, нашёл идею о жертвенности довольно логичной. Он оглянулся вокруг, посмотрел на Neil Frooim, на то, что единственный Neil Quare, заинтересованный в продолжении рода, подвергается нападкам со стороны остальных только из-за их нежелания ничем жертвовать, рисковать жизнью. Это разозлило Дэната больше, чем кого-либо до этого. Он захотел отомстить Treip Omnecit за их эгоизм, нарочно вступить в Xentual с Эйбой. Но для начала нужно было отвести от неё старших братьев и сестру. Поэтому он пришёл к Эв'Айлине с вопросами.

Среди плодов второго соития Эв'Айлина была старшей из

сестёр. С недавнего времени она вызвалась учиться у троицы, чтобы в будущем стать столь же мудрой. Дэнат задал вопросы о текущих планах троицы, о том, чем они обычно занимаются большую часть времени. Узнав об отправлении сигнала Морфиусу, он наконец нашёл, от чего оттолкнуться. И для выполнения своего плана попросил о помощи младшего из Neil Quare, Шак'Хида...

Силена и Вь'Юкин собирали все подходящие для восстановления Эйбы ресурсы. Neil Frooim был полон останков Лай'Кеса и Дай'Эны. Но лишь некоторые осколки могли в какой-то мере повлиять на их организм. Незадолго до этого Силена выяснила, что их организмы – сложнейшие строения из мельчайших частиц – “Lia Arthem” – «единицы жизни», которые известны у нас, как «атомы». Но атомы не простые. Эти могут принимать разнообразное строение, в небольшой отрезок времени изменять своё поведение. И пока эти частицы находятся в организме Neil Quare, они могут быть полноценными «единицами жизни». Но стоит им покинуть организм, то, если в короткий срок не поместить их обратно или в любое другое живое тело, они потеряют свойства вариативности, застынут в последней принятой форме. И троица искала все застывшие осколки, всё ещё способные дать энергию, вызвать реакцию. В общем, всё, что угодно, лишь бы поспособствовать синтезу новых Lia Arthem.

Вдруг, откуда ни возьмись, появляется Шак'Хид и что-то

нескладно бормочет о сигнале, о скором возвращении Вь'Юкина. Морфиус успокоил брата и попросил его рассказать всё по порядку. Шак'Хид неуверенно рассказал о том, как получил сообщение от Вь'Юкина, как его голос звучал внутри. Втроём Neil Quage отправились к краю Neil Frooim, по дороге захватив с собой Дольфа и Эв'Айлину. С края Дольф обычно наблюдал за Вью'Кином, распластав себя как можно шире, чтобы не упустить от него поток нейронов.

Дольф начал гореть, накапливая в себе силу. Накопив её достаточно, он выпустил поток нейронов с чудовищной скоростью. Он хотел переспросить Вь'Юкина. Немного погодя, он поймал ответный поток и сразу повернулся к Шак'Хиду:

– Shak'Nid Et on Tegtam! V'Ukin on Funzesim Whaquee!⁸

Шак'Хид растерялся. Не знал, что делать. Он понимал, что любое следующее действие сразу станет подозрительным. Поэтому он промолчал. Все начали расходиться, остался только Дольф. Он задался логичным вопросом: откуда брат знал голос Вь'Юкина? Задав этот вопрос Шак'Хиду, в ответ он получил только неловкое молчание. Заподозрив неладное, он пошёл на крайние меры: влез в сознание брата, начал перебирать информацию и наконец наткнулся на план Дэната.

Обман раскрылся, Дольф рванул к Эйбе. Вдруг его настиг

⁸ «Ты ошибся, Шак'Хид! Вь'Юкин ничего не нашёл!»

новый поток нейтронов. Дольф даже остановился и оглянулся на светящуюся вдали точку.

– thaqee Tegtamun?! V’Ukin Funresim...⁹

В тот же момент Вселенную огласил дикий вопль Эйбы. Все Neil Quare оглянулись на неё. Дэнат осуществил свой план. Но третьего Xentual Эйба выдержать не могла. Более того, она затянула сына. Процесс был похож на тот, что было у Лай’Кеса с Дай’Эной, только в миллиарды раз сильнее.

Вопли... Вихрь... Всплески энергии... Слепляющий поток света... И взрыв...

Глава 1, Зарождение Вселенной

Шак’Хид

Я... Ничего не помню... Кто я? Что я делаю? Что я делал до этого?.. Что произошло?! Повсюду... свет. Он закрывает собой всё остальное. Всё вокруг вертится. Не могу ничего разобрать. Сколько времени я в таком состоянии? Столько вопросов... Так! Надо собраться!

Теперь по порядку. Что я могу вспомнить? Я помню, как меня звали до этого... да, верно! Меня звали Шак’Хид! Уже отлично, хотя, постойте... Помню ещё что-то. “Neil...”, так меня тоже называли. А что это означает? Неужели забыл? Хотя нет! Помню! Кажется, «Вечный» или «Бесконечный», нет, точно, «Нескончаемый»! Получается, я вспомнил своё

⁹ «Неужели правда?! Вь’Юкин нашёл...»

полное имя: Шак'Хид Нескончаемый. Теперь, что же произошло?! Я помню только всплеск света, шум. А перед этим разговор с кем-то, похожим на меня. О необходимости «населить Вселенную», о великом долге. Получается, я причастен к, похоже, одному из самых важных событий в мире...

Световая завеса начинает рассеиваться, я всё чётче могу разглядеть окружающие меня объекты. Наконец, я увидел бескрайние просторы, наполненные светом и раскалёнными обломками какого-то огромного объекта. Сам я несся куда-то с гигантской скоростью. При этом я не могу управлять полётом, будто меня оттолкнуло. Я лечу так быстро и в то же время будто не двигаюсь. Кажется, так будет вечно...

Некоторые обломки, с помощью действия некой внутренней силы, начали принимать формы, близкие к шару. Stilazec – так я назвал появляющиеся раскалённые шары, начали вращаться вокруг других, многократно больших по размеру. Со временем такие шары остыли, перестали быть похожими на свои большие экземпляры. Большие Stilazec не хотели затухать, постоянно вырабатывали энергию, излучали свет. Я нашёл этот факт поводом разделить два типа шаров. Остывшие назвал “Zeefrit Grovc”, «Холодные земли».

Stilazec вместе с Zeefrit Grovc начали вращаться вокруг некоего огромного яркого шара. В итоге получилось подобие диска со спиралью. Такое явление я назвал “Speriile”. Отда-

лившись от скопления шаров, я смог разглядеть тот Speriile получше, а также увидел многие другие, которые, оказываясь, имели разнообразные формы: спирали, окружности... Форму некоторых даже нельзя было объяснить.

Длительное время я летел по пустоте мимо Speriilec. Сила, что оттолкнула меня, была очень мощна. Настолько, что даже сейчас, когда моя скорость снизилась в разы, я всё равно не мог самостоятельно сдвинуться с курса. Наконец, впереди показался диск. Было очевидно, что я влечу в него. Обрадовавшись, я погрузился в сон: так я коротал время каждого полёта. Благо, в этом бескрайнем океане можно видеть объекты за миллионы лет до их приближения, а значит, и предсказать все их перемещения за время сна.

Проснулся я уже среди систем Stizalec. Здесь у меня вызвали интерес Zeefrit Grovc. Некоторые не были такими уж холодными. Падающие на них кометы принесли воду. Света и тепла, исходящего из Stizalec, хватало, чтобы нагревать шары. В таких условиях в воде начала зарождаться новая жизнь.

Океаны наполнились растительностью и обитателями. Сначала новые существа, как и растения, развивались в воде, затем начали перемещаться на сушу. Я заснул ещё на некоторое время. Проснувшись, я увидел, что на Grovc уже ходят разумные существа. В основном это были Majure, гуманоиды. Они многим отличались от остальных обитателей, ведь неразумные существа старались превзойти друг друга силой.

Гуманоиды же выделялись своим умением приспособливаться к различным условиям, использовать окружение в свою пользу лучше, чем кто-либо ещё. Таким образом, гуманоиды стали доминирующими формами жизни на многих планетах. Неужели всё это сделал я? Я создал этот мир? Всю эту красоту? Невероятно!

В очередной раз я проснулся недалеко от гигантской си-ней Stezale. Вокруг него обращались две холодные Grovc и одна тёплая. Она была дальше всего от Stezale, и на ней сформировались условия, которых не было нигде. У Grovc была очень огромная атмосфера. Постоянное тепло и огромное количество воды превратили деревья в гигантов километрами высотой и шириной. Они раскидывали свои ветви на огромные расстояния. В отличие от многих других заселённых гуманоидами Grovc, эта была населена разумными птицами огромных размеров. Они были более продвинутыми, чем любая раса, встречаемая мной ранее. Раса жила на деревьях, как в огромных городах, она строила себе жилища в стволах деревьев и выращивала растения на листве. Более того, птицы смогли достать из-под земли ценную горную породу, из которой они получали лучшие инструменты и прочие приспособления непонятного назначения. Я был так впечатлён, что не захотел расставаться с этим шаром. На счастье, моя скорость достаточно уменьшилась, поэтому я смог своими усилиями развернуться и начать двигаться в сторону

Гров. Почти, ещё немного, вот-вот подлечу...

Вдруг издалека прилетел с колоссальной скоростью огромный раскалённый астероид и со всей силой ударился о шар. Он был почти такого же размера, поэтому от столкновения произошёл громадный взрыв. Гров дала трещину, из земли хлынула лава, деревья начали в секунду сгорать вместе с миллиардами птиц на них. Вскоре шар раскололся на куски. Взрыв отбросил меня и закрутил. Я начал удаляться от системы, пытался вернуться. Но безуспешно. Обломки Гров сталкивались, разлетались на мелкие куски, окончательно уничтожив всё живое. Однако, один кусок всё-таки остался цел. Он был небольшой, но на нем росло дерево, которое до катастрофы возвышалось над прочими деревьями. Видимо, оно было самое древнее, поэтому неразрушимое. Дерево не умерло, скорее всего, всё из-за сильного магнитного поля, которое образовывала гора. Гора стала своеобразным ядром новой маленькой планетки, сохранив в магнитном поле достаточно кислорода. Дерево своим мощным фотосинтезом быстро заполнило поле кислородом в избытке, а на дереве продолжили жить птицы. Увидев это, я твёрдо решил, что должен когда-нибудь вернуться на это дерево. Как я его назвал, «Великое Древо». Снова не в силах противостоять инерции, я решил погрузиться в ещё один сон.

Почувствовав, что я начал терять свою скорость, понемногу останавливаясь, я проснулся. Ближе всего ко мне находилась маленькая системка. Эту систему освещал желтый карлик, крошечный по Вселенским меркам. В системе было восемь Grovc. Все эти шары были мрачными и пустыми. Кроме одной.

У меня не было выбора. Одна единственная Grov с жизнью в системе, да что там, во всех ближайших скоплениях...

Глава 2, Голодные годы

Алексей Клёнов

– Лёха, а ну пригнись! Ты хочешь всех нас убить? – прошептал мне Женя.

– Если хочешь сдохнуть, то так и скажи! Только сдохни не в пасти монстра, а у нас дома, нам хоть мясо достанется! – проворчал отец.

– Тс-с-с, тихо всем! Я что-то слышу... – заглушил всех Филипп Мохнатый.

Все огляделись. Вокруг никого не было, лишь какая-то птица, вроде как, ворона, но с белым пятном на груди, заходящим также на крыло, весьма жутко прокричала, взлетела и задела крыльями тусклые иглы ели. Я спокойно сглотнул и сжал в руках копьё...

Но для начала вернёмся назад. Эту историю нужно было начать с начала. В общем, застали меня с семьёй самые, что ни на есть, голодные годы. У людей в моём посёлке не было ничего. Вообще ничего. Никакой еды. Как рассказывал ныне покойный старожил Иваныч, двадцать четыре года тому назад случилось что-то непонятное, из-за чего всё пошло наперекосяк. Иваныч умер в семьдесят седьмом году жизни. Он рассказывал, как в сорок люди только начинали жизнь, как раньше дышалось легче. Воздух был сладок и приятен. Сейчас в сорок люди похожи на трупы. Но это если повезёт, ведь до сорока ещё дожить надо. Этот голод... Он унёс и продолжает уносить жизни многих людей. Деревья перестали расти, стали погибать. Лишь ели по-прежнему пытаются сохранить иглы. Но и те очень тусклы. Видно, скоро придёт и их час. Про более мелкие растения я вообще молчу. На самом деле, я таких и не видел. Говорят, они давно исчезли. Единственный способ добычи еды – это охота. Всё бы хорошо, но после того таинственного события ближайшие леса наводнили монстры.

Монстры напоминали кошек, только в разы больших в размере, со светло-рыжим окрасом и пятнами по всему телу. Они очень быстры и сильны. После их появления почти все прочие лесные зверушки были сожраны. Чудовища начали поедать друг друга. Проблема в том, что эти существа могут мгновенно разделиться на двух таких же, но чуть меньших в размерах. Таким образом популяция их, даже с канниба-

лизмом, не менялась. А вскоре они поняли, что под носом имеют весьма вкусное мясо. Поэтому начали терроризировать посёлок.

Было бы у нас оружие, более эффективное, чем копыта и луки... Иваныч рассказывал, что в его время у людей было нечто особое, что называлось огнём. Огонь мог улучшать качество еды, давать свет по ночам, а также стал бы эффективным оружием против монстров. Более того, с помощью огня могли работать многие вещи, оставленные тем поколением. Однако огонь внезапно пропал. Его не могли разжечь никаким способом. Обыденная вещь стала недостижимой. Теперь мы были вынуждены греться на солнечном свете, на зиму уходить под землю, в утеплённые всеми меховыми полотнами, что у нас были, комнаты. Все запасы в посёлке были съедены за пятнадцать лет. Нам с этим повезло: в посёлке находилась фабрика не скоропортящейся продукции. Но и её запасы истощились. Последние восемь лет были для нас просто адом. Люди пытались употребить в пищу всё, что можно. Все домашние животные были съедены уже давно. Оставалось только идти в леса на охоту. Тут-то мы и столкнулись с главным бичом.

Эти твари нападали много раз. Сначала мы прятались по домам, потом, смекнув, что они – единственное более или менее доступное мясо, начали окружать посёлок стенами из кольев. Во время строительства забора они несколько раз обегали нас с тыла, убивали и разрушали стены. Но мы би-

лись, не смели отдавать им свои жизни. Погибших братьев и сестёр, отцов и матерей, мы со слезами на глазах съедали, ведь еды не было совсем. О похоронах речи и не заходило.

Кое-как мы возвели стену. На поле, которое отделяло посёлок от леса, мы вырыли много ям с кольями. С тех пор они иногда навешиваются к нам, но внутрь попасть не могут. Нам иногда удаётся напороть одинокого монстра на колья и затем заколоть копьями, но очень редко. Такое событие – просто праздник. Еды, правда, всё равно не хватает. Мы истощаемся на глазах. Сбежать многие тоже пробовали. Посёлок наш окружён лесом. К остальному миру вела одна, сейчас уже заросшая, дорога. Уверен, из тех, кто пытался пересечь лес, никто не выжил. Иначе за нами уже приехала бы помощь.

Мне тогда было только 12 лет, причём, для своего возраста я был отсталым в развитии. Игрался с мелкими детьми шести-семи лет, когда мои сверстники помогали взрослым найти пропитание. Вообще, в нашей компании так же был мой четырнадцатилетний друг Женя. Его отец, Филипп Мохнатый, считал сына ошибкой, никогда его не любил. Всё из-за того, что у Жени были врождённые проблемы с руками. Они были непропорционально тонкими. Казалось, кожа была просто натянута на кости. Такими руками он не мог держать почти ничего. Охотник из Жени вышел бы ужасный. Поэтому Филипп, как самый успешный охотник в посёлке, отец ещё двух сыновей и дочери, которые все пошли по сто-

пам отца, возненавидел сына за слабость.

Таким образом, мы, двое недоразвитых, сидели в тылу, пока наши отцы и братья, и даже некоторые сёстры, воевали с монстрами за территорию. Но я на самом же деле лишь притворялся, чтобы проводить время в посёлке. Я много времени читал. Все книги, газеты, журналы, которые находил. Особенно меня заинтересовала одна статья в газете. Там учёный физик описал принципы работы радио. И у меня сразу родилась мысль: мы могли бы послать сигнал, сообщить о нашем положении! Всего-то нужен радиопередатчик и источник энергии. Я рассказал всё Жене.

– Лёх, радиопередатчик был на чердаке у меня дома! Очень старый, но, может, его можно починить! – вспомнил он.

Мы вприпрыжку побежали к Жене домой. Прямо на входе мы столкнулись с Филиппом. Поначалу я подумал, что это монстр, и дёрнулся назад. Потом, разглядев хоть и исцарапанное, но человеческое лицо, я успокоился. Филипп носил шкуру убитого им монстра. Историю о той охоте пересказывали у нас. Ей вдохновляли новых охотников. Да, Филипп Мохнатый не был первым убийцей монстра. Этот монстр также не был самым крупным. Но Филипп убил больше всего монстров, а эта шкура – трофеем самой запоминающейся охоты. Тогда он дрался со зверем в одиночку и, выждав мо-

мента, когда он решил раздвоиться, в прыжке рубанул его топором. Монстр умер, так и не закончив раздвоение. Поэтому тело было вытянуто вширь, а головы было две. Удар пришёлся прямо промеж двух голов. С тех пор он всегда одевает двухголовую шкуру, веря, что она даёт ему удачу на охоте.

– Чего бегаєте, мелкие? – сказал низким голосом Филипп.

– Мы просто хотели, – промямлил я.

– Чего хотели?

– Послать сигнал о помощи, у вас на чердаке есть радио-приёмник...

– Серьёзно? Вы совсем от голода с ума сошли? Люди вам детей малых доверили, а вы бегаєте, радио им подавай!

– Но ведь нас могут услышать!

– Услышать? Не смейся! Давно бы уже услышали! Нет, па-рень, мы сами по себе!

– Кстати, пап, а ты что с топором? Вы на охоту? – спросил вдруг Женя.

– Не твоё это дело! Ты, раз одарён такими ручищами, так и сиди дома!

– Но пап! Я хочу пойти с тобой! Со своими братьями!

– Ты совсем с детьми отупел? Мы должны брать тебя, грёбанного инвалида, обузой, защищать тебя от монстров, и самим под когти бросаться?

– Нет! Я сам за себя постою!

Филипп усмехнулся, но при этом не изменил строгого выражения лица.

– Сам! Ты издеваешься? Сдохнуть хочешь?! Лучше сразу удавись! Вон, верёвка валяется. Так хоть толк от тебя будет, мясо какое-никакое...

– Пап!

– И не называй меня так! У меня только два сына. Ты – паразит, что восемь с половиной месяцев сидел в утробе Варе, а затем чуть не унёс её жизнь при родах!

Филипп взял меня и Женю за руки, рванул к выходу и вышвырнул нас на крыльцо. Женя от толчка упал. Я помог ему подняться и кинул взгляд на Филиппа, затем оглядел улицу. Там столпились люди. В основном это были охотники. Странно, обычно они не ходят такой группой. Филипп подошёл к толпе, пошептался о чём-то с охотниками и снова подошёл к нам:

– Ладно! Вы идёте с нами. Оба! Мы отправляемся на большую охоту, попытаемся пройти лес насквозь, заодно убьём много монстров. Только учтите! Защищать вас никто не будет, сами по себе! А если начнёте мешать, клянусь, убью без раздумий!

Он фыркнул, повернулся к толпе и, подняв топор над го-

ловой, прокричал:

– Вперёд, охотники! Мы отправляемся!

Так я и оказался на охоте. Первый раз, и сразу на кону поставлено всё. Понятия не имею, что я тут делаю. Я не создан для этого. Мне бы остаться и осуществить мой план с сигналом, но перечить Филиппу было нельзя. Было видно, он злился. Поэтому отказаться – суицид. Отрубил бы мне что-нибудь. Пока мы шли через поле, я упрекнул Женю в его нездоровом влечении пойти с семьёй. Он ведь совсем не был готов, ни физически, ни морально. Это сейчас он думает, что всё очень просто. Столкнувшись со зверем, он сразу подкосится в коленях. И тогда будет поздно. Ещё и меня затаянул. Для нас это верная смерть! Женя слушать меня не хотел, радостно шёл, неся на плече маленькое копыё. Должно быть, он совсем забыл о моём плане...

С этого я и начал...

Я беспокойно сглотнул и сжал в руках копыё. Осторожно переходя через сухие кусты и переступая упавшие стволы деревьев, мы продвигались вглубь леса. Он будто не кончался.

Солнце склонялось к горизонту. Через некоторое время мы набрали на тропинку.

– Ага! Это дорога к хижине Владимира Маратыча! – бодро сказал отец, – тут и переночуем!

Отца с улыбкой на лице похлопал по плечу его друг, имя которого я забыл. Всё потому, что его мало кто называет по имени: в посёлке зовут Безмолвным, потому что на одной из охот монстр разорвал ему горло. Его успели донести до посёлка и зашить рану, но с тех пор он не может говорить. Филипп Мохнатый, глянув на моего отца, выдал мимолётную улыбку.

Среди деревьев виднеется дом. Значит, мы пришли. Я с облегчением выдохнул. Дойдя до этого обветшалого сооружения, мы остановились у утыканного кольями забора. Филипп нагнулся к кучке камней, взял один и бросил в щиток, подвешенный на высоком столбе. Камень с силой ударился о щиток, издав грохот. От шума в хижине что-то зашевелилось. Скрип двери, топот ног по каменной дорожке, скрежет ключа в скважине... И калитка открылась.

– Ого! Чего это вас так много-то? – воскликнул худощавый седой старик лет сорока шести. – Никак пройти этот лес вздумали?

– А что, брат, не веришь в наши силы? – весело ответил отец.

– Семён Павлыч!

– Владимир Маратыч!

Они расхохотались и обнялись, затем Владимир Маратыч прошёлся между охотников, приветствуя и похлопывая по плечам знакомые лица.

– Ну вы даёте! Здесь, стал быть, все мужики с посёлка?

– Все, кто достиг десяти лет и может стоять на ногах.

– Вон, даже сопляков-инвалидов взяли. – язвительно улыбнувшись, сказал Филипп.

Владимир Маратыч посмотрел на нас с Женей и расхохотался.

– Эх, Филипп, Филипп. Сколько лет, а ни черта не меняешься!

– Как и ты, старый хрен!

– Ну же, дай руку. Хочу пожать. Помнишь, когда в последний раз здесь бывал? Ты тогда ещё заметил, что одна часть забора шатается.

– Ну, и что?

– Я вбил получше, подпорки прочные поставил. Да и колья заодно поточил, раз уж начал. В общем, потом пришли эти твари. Они, видимо, специально лишь одну сторону ослабляли. Думали, не замечу, и тогда бы они прорвались. Да я и не заметил, так бы, старый дурак, всё наше преиму-

щество и просрал. Вы бы, конечно, со временем отбили этот дом, посадили бы сюда другого. Но ушло бы на это много сил. А ты, Филипп, взял да предотвратил всё это дело. Монстры потыкались об забор, поняли, что их замысел впустую, и разбежались. Одного даже удалось приколоть к стене. Мясо было вкусно, как никогда. Наверное, вкус прибавляло осознание сложной победы...

– Да какая победа, Владимир! Просто вижу – говорю!

– Хорош скромничать, Филипп! Давай же руку!

Владимир Маратыч сам нетерпеливо взял Филиппа за руку и крепко её пожал. Филипп второй рукой похлопал друга по плечу.

– А, кстати! Я ещё такую штуку соорудил! Вы такого ещё не видели!

– Ну, так чего стоим? Прикажешь нам тут заночевать? Впусти нас, а там уже и поговорим по-человечески.

– Ой, и правда! Заходите, заходите, мужики!

Мы начали заходить внутрь. Двор был засыпан всякой всячиной. Посередине стояла огромная воронка, к которой, к тому же, были проведены водосточные трубы с крыш дома и гаража. Горлышко воронки было заткнуто пробкой, а под конструкцией стояли бутылки и банки с водой. Из крыши дома шёл столб, на верхушке которого находились лопасти

мельницы. Дверь гаража была приоткрыта, внутри виднелся точильный камень, снаружи стояла скамейка, на которой лежали обработанные палки.

– А... А зачем вам столько копий? – спросил я, не выходя из образа умственно отсталого.

– Ну, сынок, что за вопросы! Я живу здесь, посреди леса, по соседству с монстрами. У меня важная миссия – содержать этот дом, защищать его от незваных гостей. Вот представь, пошёл твой отец с друзьями на охоту. Ходили они по лесу, искали зверя. Да не заметили, как ночь наступила. И никуда не спрячешься, не в землю же зарываться. Тут-то мой дом и пригождается. Приходишь, бросаешь камень во-он туда (Владимир Маратыч указал на подвешенный щиток), и я впускаю, по возможности накормлю и уложу спать. Вот, как-дом-то важен! Логично, что нужно хорошенько его защищать.

– Да не ломай ты язык! – сказал отец, – он у меня немного того, ну это... Как его?..

– Отсталый, – уточнил Филипп.

– Да-да! Вот, точно! Слово не мог вспомнить...

– Жаль мне его, на вид здоров, по нему и не скажешь, что у него отклонения, – сжалившись, сказал Владимир...

Этой ночью мне не спалось. Всё-таки первый мой поход. Сейчас всё выглядит отлично, но я понимал, что скоро, по-

кинув дом, мы окажемся в этом жестоком мире... Что некоторые погибнут... Мне не хотелось уходить, покидать безопасные стены. С другой стороны, без этого мы вскоре умрём с голоду. Здесь мало что можно сделать. Этого я и боялся. К тому же, как тут заснёшь, если вокруг столько всего интересного. Внутри хижина Владимира Маратыча была ещё причудливей, чем снаружи. В углу стоял прибор, на котором дёргались стрелочки, а из самого прибора вверх уходил столб. Видимо, тот самый, с мельницей. От прибора отходили провода, ведущие к разным стойкам, на которых стояли уже новые приборы. В крыше имелся прорез, заделанный стеклом. Только необычным. Это стекло было изогнуто. Свет луны, падающий на него, распространялся по всей комнате, тем самым создавая какое-никакое освещение. Это было просто удивительно! Я и подумать не мог, что возможно сделать ночь такой светлой.

Почти все мужики уже спали, расположившись кто где: на койке, на изодранном диване, в кресле, на ковре или просто на полу. Не спали лишь Филипп, Безмолвный, Владимир Маратыч и ещё двое. Они обсуждали разное. Мне стало ужасно любопытно, и я попытался аккуратно, притворяясь спящим, подползти к участникам диалога. Владимир Маратыч показывал друзьям новые разработки. Подойдя к прибору, он дёрнул рычаг, отчего машина начала тихо жужжать.

– Чего эт за штука? – спросил Филипп.

– Это, мой дорогой друг, то, что может спасти нас от многих недугов. Духовка! Помнишь, как в детстве жареное мясо ел, а?

– Да, как можно забыть!

– Ну вот, этот замечательный прибор нужен для жарки мяса!

– Как же так? Ты что, огонь смог добыть?

– С огнём, конечно, не вышло, но прибор и без огня работает. По проводам энергию получает, с помощью энергии нагревает внутренние стенки. Внутрь запикиваешь мясо и ждёшь. На выходе получается нечто восхитительное! Особенно, если на мелкие кусочки порезать, чтоб лучше прожарилась.

– То-то я чувствую, вкус у сегодняшнего ужина другой был...

– А как же! Мягкое, сытное, приятное на вкус. Плюс к тому, при жарке убивается множество вредных бактерий. У нас теперь будет меньше отравлений. Безмолвный, вспомни Линочку! Помнишь, как она мучилась от той заразы?

На лице Безмолвного сделалось неприятное выражение лица.

– Ну так вот, с этим прибором мы избежим подобных случаев! – строго и крайне убедительно заявил Владимир Ма-

ратыч.

– Хорошо, если так, – сказал Филипп, – надо, стал быть, и в посёлке такие же штуки соорудить!

– Точно! Но вот что ещё я вам покажу!

Старик подвёл слушателей к другому столу. Он стоял дальше, его закрывал подвешенный на перекладине ковёр. Отсюда я не мог увидеть, что они рассматривали. Но и незаметно подползти бы не получилось: пришлось бы огибать всю хижину. Поэтому я лег на землю и с задержанным дыханием пытался услышать, о чём же они всё-таки говорят. Прележав так несколько минут, я вдруг родил в своей голове отличную мысль: ждать, пока все заснут, а потом подойти и посмотреть. Что может быть проще!

Не смея засыпать, я долго ждал. Так долго, как только мог. Голоса стихли, все улеглись и заснули. Лунный свет, и то начал меркнуть, хижина потихоньку погружалась во тьму. Я аккуратно поднялся, чтобы не задеть соседа, встал на ноги и на цыпочках начал своё движение. Подойдя к столу, я аж ахнул от удивления. На столе стоял ещё более причудливый прибор, а также лежали необычные разукрашенные копья с проводами на остриях. Я захотел осмотреть копье, понять устройство механизма. Сначала лёгким движением руки я хотел прогладить остриё, чтобы проверить его на ровность и остроту...

Но вдруг меня кто-то ударил по руке. Обернувшись, я увидел в ночной тьме лицо и, приглядевшись, узнал Владимира Маратыча. Я испугался, но потом взгляделся в его лицо повнимательней. На нём не было выражения злости, скорее это было выражение лица учителя, смотрящего на оплошность ученика.

– Э-э-эх, ты! – протянул Маратыч, показывая на табличку «опасно» – щас бы убился к чёрту! Нельзя, нельзя трогать ничего без моего разрешения! Запомни, парень! Как тебя, кстати, зовут-то?

– А-Алексей...

– Лексей, стало быть... Хорошее имя, деда моего так звали. Что ж, вижу, очень ты любопытный!

Я промолчал.

– Ты не подумай, я не сержусь!

Снова молчание. Я отвёл глаза.

– Да что ты, Лексей! Успокойся! Я ж просто сказал быть осторожным. Подойди!

Я замер на месте.

- Да хватит мяться! Иди сюда, расскажу об этих штуках...
- Х-хорошо...

Я медленно подошёл к столу с копьями. Владимир Маратыч положил руку мне на плечо, а другой показал на копьё.

– Это, друг мой, наш шанс спастись! Копья с наэлектризованными остриями! Имея огонь, мы с лёгкостью смогли бы противостоять монстрам. Но без огня приходится туго. Благо, я смог использовать ветер и солнце, чтобы получать энергию. Энергию же можно использовать во многом: приготовление еды, обогрев жилищ, освещение, даже оружие. Представь, что, вооружившись такими копьями, народ пойдёт на монстров. При ударе электрический ток перейдёт в тело, сожмёт мышцы, что выиграет время. Эх, будь у меня возможность собрать ещё больше энергии, я смог бы сделать напряжение настолько высоким, чтобы удар был смертельным. Но это уже грёзы. Да и зачем, если, по-моему, и такого разряда достаточно для доминирования над тварями.

– Я с вами согласен...

– Молодец, если понимаешь такие вещи. Знаешь, я решил сделать один наэлектризованный кинжал, но никто не захотел его брать: думают, не эффективное оружие. Поэтому, вот, держи-ка!

Владимир Маратыч протянул мне красивый кинжал, который, видимо, был когда-то сделан под заказ: на лакированной деревянной ручке красовались причудливые узоры, лезвие было украшено позолотой. И довольно аккуратно к нему был прикреплён знакомый прибор. Кинжал сам прилетел мне в руку. И лёг в неё, как родной.

– Не смей его терять! Потеряешь его – потеряешь жизнь!
Ну ладно, сынок, хватит на сегодня, пора спать...

- Постоите...
- Что такое?
- Вы слышите?
- Нет, если ты не имеешь в виду храп и сопение...
- Нет-нет! Постукивания, шуршание...
- Ничего такого... Хотя погоди-ка! Верно, что-то шуршит...

Владимир Маратыч округлил глаза и выбежал на улицу. Пару секунд спустя он ещё быстрее ворвался обратно и схватил со стола ржавый колокольчик. Усердно звоня в него, Маратыч заорал:

– Живо вставайте! Подъём!

Все повскакивали со своих мест, всё ещё опьянённые прерванным сном.

– Беритесь за оружие, живо! – продолжал Владимир Маратыч. – Они уже здесь!

В этот момент от сильного толчка дверь с грохотом распахнулась и в неё влетело два монстра, которые сразу бросились на ближайших людей. У них не было ни единого шанса.

Не успев опомниться, бедолаги уже лежали в крови, с разорванными острыми когтями телами. Следующие за ними уже успели взяться за оружие, а потому не дали себя в обиду...

Но только в течение нескольких секунд...

Следом стали забегать все новые и новые монстры. Они лезли изо всех щелей, пробивались в окна, в чёрный ход. Люди собрались в круг, растопырили копыя во все стороны, лучники встали на столы и начали, не переставая, стрелять. Все те, кому Владимир Маратыч презентовал электрические копыя, схватились за них и вышли вперёд. Кроме Филиппа – он не расставался со своим топором. А сейчас я на миг увидел похожий электризирующий прибор, что и на копьях. Видно, Владимир Маратыч успел до этого усовершенствовать топор.

В таком построении мы были непоколебимы. Монстры просто не могли подобраться: перепрыгивая первый ряд копий, они сразу натыкались на второй. А если слишком долго накапливали силу для прыжка, получали стрелу в морду. Мы с Женей стояли почти в центре круга, без возможности принять участие в бою. Казалось, всё прекрасно, план общего похода оправдал себя, такими темпами мы пробьёмся через непроглядный лес...

Вдруг стеклянная часть потолка, находившаяся прямо над

нами, треснула. Дом погрузился во тьму, на нас повалил дождь из осколков, а затем из монстров. Хитрые же твари! Они упали аккуратно в центр, туда, куда мы не ожидали удара. Первый же монстр своим телом растолкал толпу, разбив тем самым наш оборонительный строй. Успев забрать ещё две жизни, он и сам был убит. Но следом за ним быстро начали сыпаться всё новые монстры, при этом наплыв с боков тоже не прекращался. Сколько же их там! Люди не успевали реагировать. Твари поломали столы, ослабив лучников, начали разрывать людей в клочья. Я схватил Женю и запрыгнул под обломки стола. Он попытался вырваться и рвануть в бой. Но я крепко держал его, зная, что ничем хорошим это не кончится. Он будет лишь одним из кучи трупов.

Мы сидели и смотрели на ужасную картину. Люди, пытаюсь разглядеть во тьме хоть что-то, погибали в страшных муках. Монстры рвали их клыками и когтями. Вокруг крики, стоны, звуки дробления костей, жуткий рык зверей, а в воздухе стоял резкий, сводящий с ума, запах крови и внутренностей.

Вдруг я заметил, что пара зелёных глаз, светящихся во тьме, резко обернулась на нас. Мы задрожали, предчувствуя скорую гибель. Зверь начал разгоняться, в секунду пересёк полдома и, оттолкнувшись от упавшего на колени человека, прыгнул на нас. Всё, что я успел за эту секунду, – это вытащить кинжал, выставить его перед собой и зажмурить-

ся...

Послышался рык, перешедший в стон, разряд электричества. Мои руки облила тёплая жидкость. Я раскрыл глаза, увидел перед собой огромную клыкастую морду. От страха я аж дёрнулся назад. Только миг спустя я понял, что морда не показывает признаков жизни, а причиной этому является торчащий из неё кинжал. Я вытащил спасительный подарок и обратился Жене:

– Надо бежать отсюда!

Напуганный, на этот раз он не противился моему решению. Мы вылезли из-под стола и побежали к двери, в которую уже никто не вбегал. Вслед мы услышали голос Филиппа Мохнатого:

– Ну что, слизняк? Понял, что ты ничтожество? И теперь бежишь, как трус? Бросаешь своих?

Женя обернулся и захотел рвануть обратно, чтобы доказать, что отец ошибается. Но я вовремя остановил его, схватил за руку и потащил за собой.

– Ты ничем не поможешь, это бессмысленно! – сказал ему я.

– Я так и думал! Ты не стоишь ничего! Будь ты проклят!
Будьте вы оба прокляты! – закричал вдогонку разъярённый Филипп.

Мы видели лишь то, как он, стоя посередине дома, куда попадает лунный свет, встретился взглядом с большим монстром. Недолго думая, зверь прыгнул на Филиппа, а тот с размаху выставил свой топор вперёд, повторяя события, подарившие ему двухголовую шкуру. Но на этот раз он стоял чуть дальше. Видно, не надеялся на то, что зверь начнёт раздваиваться. А он начал. И сделал это столь аккуратно, что казалось, будто топор разрубил монстра на двух целых. От сильного выпада Филипп упал. Два маленьких зверя приземлились сзади и сразу ударили в спину. Дальше мы ничего не видели. Всё это время я вытаскивал расплакавшегося Женю из дома.

– Нет! Пусти! Я должен ему помочь!

– Бессмысленно! Надо бежать!

– Не-е-ет!

Я дал ему пощёчину. Он сразу вытер слёзы с глаз. Дав ему лежавший на земле обломок копья, я подтолкнул его к дыре в заборе. Уже у забора на нас побежал ещё один зверь. Мы легли меж вкопанных в землю кольев и, пользуясь временем, за которое он пытался нас достать, искололи его.

Далее наш путь лежал через непроглядный лес. Мы бежали быстро. Обламывали ветки. Сталкивались о пни. Врезались в стволы деревьев. В глазах начало темнеть. Сказывалась бессонная ночь. Голова закружилась. Да и поддерживающий меня Женя тоже поминутно слабел. В итоге, в очередной раз споткнувшись и упав в яму, мы потеряли сознание...

Меня разбудил Женя. Поднявшись и почесав болевшую голову, я осмотрелся. Мы упали на какие-то закрытые полотном ящики. Оказывается, это была не яма. Странно, мы находились в какой-то пещере. В потолке пещеры была огромная дыра, однако, отделанная какой-то металлической окружностью. Короче говоря, вся конструкция была похожа на люк.

Я сразу понял, что мы попали в секретный бункер. Никого, кроме нас с Женей, поблизости не было.

– Я решил поискать ответы в ящиках. – сказал Женя. – Где-то откопал ломик и вскрыл один ящик. Вот, посмотри!

В ящике были разложенные по алфавиту пробирки, которые когда-то были наполнены белой жидкостью. Но сейчас она уже засохла. Сначала я не понял, что это, но потом прочитал надпись на пробирках: «Овца». До меня сразу дошло, что это сперма овцы. Я вскрыл еще пару ящиков, там нахо-

дились семена коровы, свиньи, лошади. Для чего им хранить столько спермы животных? Надеюсь найти ответ, мы пошли вглубь пещеры.

Вскоре мы пришли к железной двери. Дверь была раздвижная, но без электричества заела. Еле раздвинув створы, мы забрались внутрь. Помещение определённо являлось какой-то лабораторией. В лаборатории тоже не было ни души, только разбитые банки. Везде битое стекло и много засохшей крови на стенах. Тут мы нашли зал, посередине которого стояли две огромные капсулы, такие огромные, что туда мог поместиться жираф, или даже слон. В углу стоял генератор, в топливном отсеке которого было три отверстия для неких батарей. В них уже были вставлены разряженные батареи, Вытащив их, мы начали с призрачной надеждой на чудо искать такие же. И чудо свершилось. На стене висел шкафчик с заряженными батареями. Вставив их, я дёрнул рычаги включения от самых значительных комнат лаборатории. В тот же миг в этих комнатах загорелся яркий свет.

В зале с капсулами я нашёл терминал, зашёл в папку «Звуковые записи», начал прослушивать. На записях говорилось об экспериментах в генной инженерии, воссоздании взрослой особи животного из спермы и клонировании.

Последняя запись

День... да кому это вообще нужно? Кто будет слушать этот бред? Правильно, никто. Поэтому я буду говорить, всё что думаю.

Эти психопаты думают, что можно воссоздать взрослое, чёрт побери, животное, имеющее все органические функции и не отличающееся от настоящей версии ничем, имея только сперму этого животного и смешанную биомассу. Только вдумайтесь! Это еще ладно. Но клонирование... Это уже верх шизофрении!

Я уж не говорю о прочем безумии, что творится здесь. Один идиот привёз живого тигра на базу, так ещё и оставил его без присмотра. Тигр был голодным, ну и разорвал на мелкие куски трёх работников, включая самого дебила.

Это место ужасно. Пожалуй, не буду более вести запись, всё равно от неё нет толку... Эта лаборатория – бесполезное вложение денег. Завтра же увольняюсь.

Звук включения огромного прибора

Постойте, что там такое? Поверить не могу! У них получилось! Они воссоздали леопарда!

Ух ты, да там два леопарда, еще и клонирование прошло успешно!

Стойте, их уже три!

Чёрт, уже пять! Капсула не выдержит, она трескается!
Уже восемь леопардов, нет! Они выбрались!

Ох, сука! Они выпустили Васе кишки, нет, Вася!

Дьявол, сколько крови! Их всё больше!

Спасите, кто-нибудь! Они пробираются ко мне!

Передайте моей жене, что я люблю её. Моё имя Александр Му-а-а-а-а!

Крики боли и звуки раздавливаемых костей

Далее запись оборвалась. Я стоял в шоке, смотря на лежащее неподалёку обглоданное тело...

Я всё понял, этот инцидент – причина голода в посёлке. Леопарды... так вот, как они называются... разбежались по округе и закрыли пути отступления. Более того, они помешали какому-то эксперименту с кислородом. Я нашёл очень мало информации об этих исследованиях. Говорилось о прототипе химического оружия. Свалились же нам эти учёные на голову... Леопарды помешали эксперименту, в итоге в атмосферу было выброшено огромное количество этого «бракованного» кислорода, в котором нельзя зажечь никакой огонь. Всё стало явным. И здесь я решил исполнить свой план. Здесь мы как-нибудь да сможем связаться с остальным миром!

Найдя радиорубку, мы были в восторге. Она была сде-

лана отлично. В книгах всё описывалось намного, намного примитивней. Насколько же мы откатились в развитии, если сравнить нас с остальным миром... У которого есть огонь и электричество, радио и телевидение...

Включив машину, мы попытались настроить частоту. По подсказкам из документов мы узнали частоту, на которой можно связаться с некой «Материнской лабораторией». Настроив сигнал, мы попытались передать хоть что-то.

– Прошу, отправьте помощь! – неустанно повторял я. – Мы находимся в Еловом бору, это посёлок под Казанью!

Нетерпеливо ожидая ответа, я в течение двух дней каждые пять минут повторял просьбу о помощи, снова и снова... Пока не закрыл лицо руками и, пытаясь сдержать слёзы, повалился на стул.

– Слушай, Лёх, не расстраивайся! – похлопал меня по плечу Женя.

– «Не расстраивайся»? В кой то веке у нас появилась надежда на спасение. И, уже почти получив его, всё, будто, сорвалось с крючка! Оказалось, спасение – лишь иллюзия, а надежда – пустая трата времени, попытка утешиться, смотря на иллюзию...

– Ты что? Это всего пара дней! Они по тысяче причин могли не прослушать наше сообщение! Что ж, ты будешь

сдаваться?! Ты – единственный человек, который решил связаться с миром, пытался придумать эффективный способ пробраться через лес, пока другие просто шли напролом, выступая с луками против этих... леопардов, как говорилось в их описании, одних из самых быстрых зверей на планете... И ты сдашься, не вытерпев на второй день?

– Ну, вообще-то он прав, Жень, – сказал вдруг кто-то позади нас.

Мы повернулись. Позади стоял Владимир Маратыч, весь в крови, своей и животной. У него было перевязано плечо. Видно, что ему было очень больно, но, сжав зубы, он терпел, совершенно не придавая особого значения своим ранам. Его волновало что-то другое.

– Эх, детишки... Знали бы вы, сколько времени я пытался связаться с ними. Несколько лет! Но нет, они забыли про нас!

– Вы уже несколько лет пытались связаться с ними? То есть, вы знали о лаборатории? – проворчал Женья.

– Да, знал... Всё это время... На самом деле я и не жил в Еловом бору. Тогда, в 1993, устроился охранником сюда, в лабораторию... И я даже успел проработать там месяца четыре, до того, как всё перевернулось...

– Но почему вы не рассказали остальным? – спросил я.

– Я тогда надеялся на быстрое спасение. А потому, в инте-

ресах государства, я не должен был ничего разглашать. Поэтому в первое время я просто пытался передать сообщение. Потом понял, что нас не слышат. Не знаю, почему. Может, из-за инцидента волны в атмосфере иначе перемещаются. А может, нас просто не хотят слушать. Материнская лаборатория считала местные эксперименты невыгодными и не ведущими к успеху, даже грозилась прикрыть это место. Ну вот, нате, пожалуйста. Случайность сделала всё сама.

– Но, поняв всё это, вы всё же сохранили верность корпорации?

– Хе-хе, не-е-е! Плевал я на них! После осознания моего положения я решил изменить стратегию: использовать материалы лаборатории, чтобы создать безопасные условия проживания и средства, с помощью которых можно выбраться отсюда. К тому времени я уже жил в той хижине. Когда-то там жил лесник, но он стал лёгкой добычей для монстров...

– Леопардов? Вы же наверняка знаете, как они называются?

– О, так вы тоже узнали! Молодцы, наблюдательные парнишки!

– Чем кончилась бойня? – вдруг спросил Женя, – кто-нибудь выжил?

– Должно быть, выжили, а как же! Правда, жаль, что так мало. Из всех сорока семи мужчин только одиннадцать, по крайней мере, столько было, когда я...

Когда я сбежал...

– Вы сбежали? Но почему?

– Слушай, сынок, я сразу понял, что ты не умственно отсталый, но задавать такие вопросы... Следует принять, я – единственная их надежда на спасение. Пусть они того и не знают, но это так. Ведь я могу дать им технологии, с помощью которых они бы выжили и смогли выбраться из этого ада. Никто больше не знает о лаборатории. И до сих пор никто её не находил. А если кто и найдёт, скорей всего не сможет никак применить местные приборы. Только я кое-как разбираюсь в них! И умирать мне было просто непозволительно...

– А мой отец? Что стало с ним? Он жив? Не говорите, что он погиб! – вскрикнул Женя.

– Не знаю, сынок, говорю же, не видел последние моменты...

Женя опустил голову и захныкал.

– Владимир Маратыч, что нам делать сейчас? – спросил я. – Восстанавливать хижину?

– Нет, слишком много времени я просрал на эту развалюху. Лучше было укрепиться в лаборатории... Короче, мы отправимся в посёлок. Встретимся там с выжившими и расскажем об этом месте. Но прежде соберём всё нужное, что возможно нести, не замедляя шаг. По дороге зайдём в хижину, там тоже много разного...

Почти всё готово, мы собрали небольшие сумки, сложив туда источники энергии, запчасти, лампочки и ещё некоторые необходимые для создания приборов предметы. Прямо перед уходом я рассматривал документы о химическом оружии и эксперименте с кислородом.

– А что, если вернуть местную атмосферу к прежнему состоянию? – спросил я у самого себя.

Подойдя к прибору, закачал туда «бракованного» кислорода, а после постарался обогатить кислородом каждую молекулу, чтобы его было достаточно для реакции горения. Но, видно, это было слишком сложно для двенадцатилетнего парнишки, который вырос в обществе, что откатилось в развитии на... Двадцать тысячелетий?

Моя ошибка сломала аппарат. Внутри капсулы произошёл взрыв. Стекло треснуло и комнату наполнил какой-то газ. Я побежал к двери, по дороге споткнулся о валяющийся стул. Потом долго не мог открыть дверь. В глазах двоилось, всё переливалось радугой. Наконец, выбежав из самодельной комнаты пыток, я отдышался. Впервые в жизни этот неполноценный противный воздух я вдыхал с наслаждением.

Поднявшись, я постучал себя по виску. Зрение больше не искажалось. На вид всё было нормально. Лишь немного погодя я начал ловить себя на странных мыслях в голове. Всё,

больше не буду и близко подходить к этим аппаратам, от них одни беды! Надо помочь семье и остальным выжить.

Уже уходя из лаборатории, я нашёл небольшой контейнер. В нём что-то лежало... Это была завернутая в фольгу мясная котлетка. Я был настолько рад, что аж в голове будто прошёл разряд тока. Котлета может спасти мне жизнь, я не должен её бросать. Потому я взял котлету с собой.

По дороге к хижине я пару раз спотыкался о корни деревьев, в чём меня упрекали спутники. Но я не обращал на них внимания. Всё глядел на сумку, в которой лежала котлетка.

Дойдя до хижины, мы увидели страшную картину. Дневной свет раскрыл все её ужасы в полной мере. Во дворе лежал ещё живой леопард. Но, видимо, ненадолго. Из его брюха торчало обломанное копьё, одна нога была оторвана. Он скулил, дрожал от боли, стараясь вытащить копьё.

– Ему недолго осталось, – сказал Владимир Маратыч, – много крови потерял.

Я, словно не понимая, что делаю, подошёл к зверю, сел прямо у его морды. Меня попытались поднять, но я оттолкнул их руки. Зверь слабо рыкнул, но был не в силах сделать ничего больше. Я положил руку на его голову и, утешая, погладил. В глазах зверя проступили слёзы.

– Тс-с-с-с... Тише... Всё хорошо... – прошептал я.

Другой рукой я достал свой кинжал и приставил его к горлу леопарда. Миг спустя кинжал прошёл сквозь его голову.

Хижина была похожа на склад мясокомбината, только всё мясо находилось в крайне неделикатном положении. Отдельно валялись желудки, почки. Словно гирлянды, повсюду висели кишки. Трупы леопардов лежали прямо на людях, с открытыми переломами и с торчащими из тел копьями и стрелами. Под одним из таких мы нашли Безмолвного. Его труп был в ужасном состоянии: ноги оторваны, внутренности наружу, а лицо застыло в ужасной мине.

– Покойся с миром, дружище! – пробормотал Владимир Маратыч.

После ночёвки в погребе и утреннего отделения самых лучших кусков мяса, чтобы прийти в посёлок не с пустыми руками, я снова сел в погреб и достал котлетку. Смотря на неё довольно долго, я думал уже её съесть, чтобы утолить свой сильный голод. Но смотря на этот кусочек фарша, я видел нечто большее. Я видел светлое будущее, видел цель. Цель, к которой надо стремиться. Ради которой можно жертвовать многим. И всё это в одной котлетке. У меня открылись непередаваемые чувства, которые можно назвать лишь одним словом – любовь. Я так сильно её полюбил, что не мог с ней расстаться, тем более съесть. Поэтому лишь нежно её

поцеловал и положил на дно сумки.

Мы шли тихо, как только могли. Один раз вдалеке пробежал леопард. Хорошо, что сумки закрывались плотно и не пропускали запахи. Иначе пленяющая вонь мяса сразу бы нас погубила. Ещё немного, и мы выбрались на опушку. Наконец этот лес кончился. Наконец впереди виднелся родной дом.

Мы рванули с места и побежали со всех ног. Владимир Маратыч еле успевал за нами. Подбежав к воротам, мы постучали в них палкой. На стену взобрался один из наших и закричал:

– Открыть ворота!

Внутри нас встретили почти все жители. Их было мало. Слишком мало. Большую часть занимали женщины и дети, боеспособных мужчин буквально можно было посчитать по пальцам. Среди знакомых был мой отец и те двое, что получили электрические копья. Мы скинули с себя сумки и присели на земле. Вдруг толпу растолкал Филипп Мохнатый, вышел вперёд. Он был сильно потрёпан. Руки были перевязаны во многих местах, а также не было правого глаза.

– Вы ещё посмели прийти сюда, мелкие засранцы? – прокричал он. – Вы бросились бежать, пока ваши друзья поги-

бали!

– От нас с самого начала не было толку! – парировал я.

– Ты не имеешь права ничего говорить. Ты просто трус!

– Папа, я пытался вырваться, броситься к тебе на помощь! – жалобно промямлил Женя.

– Видно, не очень хорошо пытался, раз пришёл только сейчас! Сейчас, когда ничего уже не вернуть! Все мои дети погибли! Моя дочь умерла у меня на руках, захлёбываясь в собственной крови! Её последний взгляд снится мне ночами!

– Но ведь я тоже твой сын...

– Заткнись! Ещё раз назовёшь меня отцом или себя моим сыном, разрублю пополам! Инвалид хренов!

– Он не виноват, что родился таким! – вступился я, – он просто хочет, чтобы вы считали его вашим сыном!

– Ах так! Ну ладно, дам ему один шанс! Ты, слизняк, – повернулся он к сыну, – бери оружие! Давай, покажи мне, что ты хоть чего-то, да стоишь! Если сможешь сбить меня с ног или хоть раз ударить... но так, чтоб я почувствовал хоть малость. Тогда я назову тебя сыном, как ты и хочешь. Но ни черта у тебя не выйдет. Даже в таком хреновом состоянии я уделаю тебя! Только, учти, я задолбался тебя жалеть! Сейчас, если проиграешь, я тебя убью!

– Филипп! Остановись! – крикнул Владимир Маратыч – Нам нельзя ругаться! Мы принесли...

– Заткнись, старик! С тобой у нас будет отдельный разго-

вор! Это твой забор настолько хреново поставлен, что монстры могут прорваться через раз! Из-за твоей невнимательности и лени погибли почти все! Ну чё, сопляк, готов доказать мне, что достоин того, что просишь?

– Да, готов!

Женя огляделся. Нигде не было копья, которое бы он смог держать.

– Ну, раз ничего не можешь, бейся руками! — усмехнулся Филипп – Давай, ударь меня!

Владимира Маратыча держали двое. Он не мог ничего сделать, поэтому я бросился к Жене, чтобы его оттащить. Но меня сзади кто-то схватил. Это был отец.

– Это их дело, сын. Оставь его! – подавлено сказал он.

Увидев у меня электрический кинжал, отец вынул его и кинул Жене. Женя улыбнулся, поднял кинжал и повернулся к отцу. Из зрителей образовался круг. Филипп и Женя двигались по окружности, обходя друг друга сбоку. Филипп подманивал Женю к себе, оскорбляя и унижая его. Женя двигался очень неуверенно, пару раз споткнувшись о собственные ноги. Наконец, когда Филипп отвёл глаза, Женя сделал выпад, целившись в ногу. Но это была ловушка. Филипп спе-

циально отвёл глаза, чтобы вынудить сына напасть. Ловко отпрыгнув, Филипп резко махнул топором, ударив Женю в бок. Разряд тока пронёсся по телу Жени. Он упал, жутко подёргиваясь, но был ещё жив. Глаза его были устремлены на отца. Филипп встал прямо перед сыном, занёс топор над головой.

– Не-е-е-ет! – вскричали мы на пару с Владимиром Маратычем. Старик вырвался и побежал в центр событий. Филипп Мохнатый с силой рубанул...

Топор встретил цель. Но не совсем ту. Он глубоко вошёл в грудь Владимира Маратыча, который успел встать перед Филиппом с выдвинутыми руками. Старик что-то невнятно прохрипел. Из его рта хлынула кровь, и он упал на бок. Филипп, ошарашенный таким событием, сделал два шага назад.

– Чего ты сделал, Мохнатый? – Крикнул один из толпы. – Ты видел, что он мастерил? Нам таких вещей не соорудить! И чё нам теперь прикажешь делать?

– Я не хотел... Он сам...

– Какого хрена ты всё это затеял?! – выступил другой.

– Говорят вам, Маратыч сам полез, а с мелким – это его дело. – закричал в ответ друг Филиппа.

Все начали кричать и пререкаться. Филипп, устав всё это

слушать, рявкнул:

– А ну хватит всем!

Как вдруг почувствовал сильную боль в груди. Тот, первый, кто начал спор, воткнул Филиппу в спину копье. Остриё прошло насквозь, окровавив двуглавую шкуру. Филипп упал на живот, смотря на лежащего неподалёку Женю.

– П-п-папа... – расплакался Женя.

– С-с... – хрипел Филипп.

– Папа!

– С-с-сын...

Они потянулись друг к другу и крепко взялись за руки.

– С-сын... – продолжал хрипеть Мохнатый, – п-п-прости меня...

С этими словами он раскашлялся и испустил дух. Между тем мужики начали орать друг на друга.

– Чё ты сделал, урод?!

– Заткнись или будешь следующим!

– Значит, хочешь померяться силой?! Давай же, мы с Филиппом монстров гоняли, когда ты ещё сопли пускал!

Всё дошло до драки. Женщины, пытавшиеся разнять дерущихся, попадались под руку. Совсем скоро драка перешла в поножовщину. Упали первые тела, а живые, будто сошедшие с ума от голода и злости, начали нападать на всех, кто стоял на пути. Некоторые даже впивались зубами в шею, бока и прочие мало защищённые места, выдирая куски плоти. Отец хлопнул меня по плечу, крикнув:

– Надо уходить отсюда!

Мы взяли сумки, подбежали к Жене. Прихватив свой кинжал, я на бегу сунул его в ножны. Обхватив Женю с двух сторон, мы потащили его к себе домой. Запершись там, мы нашли нити, иглу и бинты. Женя кричал, ревел и вырывался, пришлось его связать.

Было бы у нас что-нибудь для притупления боли... Но такой роскоши нам в этой суматохе было не найти. Пришлось зашивать рану без каких-либо вспомогательных средств. Ни я, ни отец не умели накладывать швы, поэтому делали всё топорно. Жене было ужасно больно. Даже сжатые зубы не могли удержать этот дикий вопль. На крик прибежал один из обезумевших мародёров. Он разбил окно и забрался внутрь. Зубы его были красными от человеческой крови, глаза горели белым пламенем. Благо, отец был намного опытней его. Людоед пал достаточно быстро. Мы затащили Женю в под-

вал, чтобы криков практически не было слышно, там закончили наложение швов. Друг уже не подавал признаков рас-судка. Измученный болью и горечью недавней утраты он мог лишь сидеть и повторять под нос:

– Отец... отец... па-п-па...

Мы начали разбирать сумки. Вдруг оказалось, что из всех трёх сумок мы не захватили именно ту, в которой было наре-занное мясо. Мы начали выгребать всё содержимое взятых сумок. Все эти запчасти имели смысл, только когда был жив Владимир Маратыч. Сейчас это просто хлам, всё как он и говорил. Без него мы не спасёмся. Нас постигнет лишь одна участь. Это лишь вопрос времени.

Добравшись до дна сумки, я вдруг увидел мою котлетку. И сразу замер. Голова закружилась, а веки стали тяжелеть. Но миг спустя всё прошло.

– Ну что, нашёл что-нибудь, сын? – спросил меня отец, подползая к моей сумке и заглядывая туда. Увидев котлету, он обрадовался. — Да, отлично! Хоть что-то, да поедим!

– Её есть нельзя!

– Почему это?! Выглядит неплохо.

– Просто нельзя и всё!

– Слушай, у нас тут голод. Вон, друг твой лежит, без еды умирает. А ты котлету защищаешь!

– Она моя! Моя драгоценность!

– Ну всё, Лёха, хорош!

Отец вытащил у меня из рук котлету. Я, будто уведя мысли в туман, набросился на него. Все чувства испарились. Остался только гнев. Гнев и страх. Страх за любимую котлетку. Пнув меня, отец выбежал из подвала. Я следом за ним. Он стремился к выходу. Подняв лежащий на столе лук, я наугад выстрелил. Стрела угодила в голень. Отец застонал, споткнулся и упал, ударившись головой о стену. Котлета выпала из его рук и упала под окном. Я вынул кинжал, перевернул отца на спину и начал, не переставая, колоть его в горло. Он округлил глаза, начал дёргаться в агонии. Кровь брызгла во все стороны. Меня залило ей полностью. Обернувшись к котлетке, я увидел, что рядом с ней стоит потрёпанная ворона с белым пятном на груди, смотрит на котлетку и жадно облизывает свой клюв.

Я вскочил, чтобы прогнать её. Но она была слишком голодна, чтобы бояться людей. Я не успел... Она быстро взяла клювом котлету и вмиг сожрала её... Я в ярости схватил птицу, поднёс её к себе, со злостью посмотрел ей в глаза. И тут я испытал то чувство, которое ощущал, когда на меня смотрит котлетка. Я осознал, что котлетка вселилась в птицу, чтобы сделать нам обоим лучше. Сама теперь она может улететь, когда почует опасность, потом вернуться. А я теперь могу поговорить с разумным существом, одновременно с мо-

ей любимой.

Отныне мы жили втроём: я, Женя и Птичка-Котлетка. Жили мы хорошо, мяса отца и того мародёра хватило на долго. Тем более Женя больше ничего не ел, просто сидел на месте и молчал. Какой хороший друг!

Птичка и я тоже многого не требовали. Чтобы скоротать время, я иногда читал им книги. Одну и Жене дал почитать, но он даже её не взял. Видимо, не хотел глаза напрягать. А то у него они такие бледные. Видно, устал...

Мы смотрели в окна. Повсюду бегали люди, только вместо улыбки на лицах у них был зверский оскал. Они думали только о поиске еды. Неужели я единственный человек в этом месте, который еще не утратил таких чувств, как любовь и сострадание... За это время в посёлке уже почти не осталось людей. Некоторые передохли от голода, забившись в угол. Некоторые от рук других людей. А пытающихся выбраться из этого округа ждала участь похуже – они были разорваны голодными леопардами.

Пара дней, и мы оказались единственными в посёлке. Но вдруг моя Птичка-Котлетка заболела, причём очень серьёзно. Я пытался ей помочь, но она слабела с каждым днём. Ей становилось всё хуже, как и мне. Ведь я любил её всем сердцем, любил её больше, чем кого-либо в своей жизни.

Я должен был её спасти. Нужно было сделать инъекцию. Найдя шприц, я наполнил его лекарством. Лекарство

я сделал сам. Растолок активированный уголь, смешал его с водой. После инъекции птичке лучше не стало. Спустя день она задрожала, начала задыхаться. Неужели это конец? Неужели я потеряю любимую из-за какой-то болезни? Моя Птичка... моя Котлетка...

Птичка скончалась. Я просидел в слезах много часов. Решив подышать воздухом, я вылез из подвала, вышел на улицу и вдохнул полной грудью. Выдохнуть спокойно у меня не получилось. Я раскашлялся, у меня будто ком из горла вылетел. Я снова вдохнул и опять. Наконец, откашлявшись, схватился за голову. Я будто пробудился ото сна. Рассудок вернулся ко мне. И, провернув все события в голове, я побежал назад. В подвале на столе лежала мёртвая птица с подбитым крылом. Раньше этого не замечал... Я взглянул на Женю. Но это уже не был он, лишь его труп. Рана загноилась, он умер в муках, не в силах ничего сделать или сказать. Он потерял рассудок ещё тогда, когда мы зашили ему рану. Я даже этого не заметил, ведь был увлечён... чем? «Любовью» к... котлете? Что вселилась в птицу...

Любой посчитает это бредом. Теперь и я так считаю. Птица не уходила, так как не могла улететь, а до окна, единственного для неё выхода, она не могла достать. А не потому, что котлета вселилась в тело птички... И умерла птица как раз оттого, что съела котлету. Кто знает, сколько времени она лежала в том контейнере в лаборатории... Получается, всё,

что я делал в последнее время, – было бессмысленно... Всё, во что я верил – ложно. Но что свело меня с ума?

Я подумал и снова взялся за голову. Тот газ, которым я надышался перед уходом из лаборатории! Должно быть, это его действие. И только сейчас оно наконец прошло. Но уже слишком поздно. Зачем я вообще полез к приборам?.. Наверное, думал, что мальчик в таком возрасте, почитав старые газеты и книжки, сможет исправить всё в один миг. Ну что за дурак... Эта ошибка стоила многих жизней. Жизни Жени, жизни моего отца. Подумать только, я убил собственного отца из-за любви к котлете... Но это была не любовь, а лишь иллюзия, вызванная газом...

А также я мог бы спасти многих, попытавшись успокоить беспорядок, показав людям, что мы принесли из лаборатории. Возможно, мы смогли бы собрать приборы, начать их использовать. Владимир Маратыч считал меня своим учеником. Он верил, что я бы разобрался, стоило почитать инструкции, принципы работы и прочую теорию. Но я был ослеплён по своей же вине. И по моей вине погибли все...

Простите, Владимир Маратыч, я вас подвёл...

Теперь мне оставалось лишь ждать своей участи. В одиночку я ничего не сделаю. Уже слишком поздно. Эх, а что бы я сделал, выбравшись из всего этого ада? Наверное, я постарался бы спасти как можно больше людей. Будь-то от голода, или от опасности. Неважно. И я бы отдал жизнь на движение

прогресса человечества, ни недели бы не потратив на свои собственные прихоти. Я был бы вечным слугой всех людей. До самой смерти. Но, к сожалению, она вот-вот придёт... Всё кончено...

Вдруг я услышал снаружи громкий гул. Выглянув из подвала, в окне я увидел, как с неба на посёлок летел какой-то непонятный горящий объект. В первый раз я видел огонь. И, должно быть, в последний. Уже не волнуясь ни за что, я стал ждать дальнейшего.

Объект со всей силы ударился о землю, и прогремел огромный взрыв. Ударная волна в миг пронеслась через всю округу. Стены дома резко лопнули и пронеслись за ней. Я ударился головой о люк подвала и упал вниз...

Спустя некоторое время я пришёл в себя. Уже не гремело. Вместо подвала я был на улице.

Вернее, это всё ещё был подвал, но потолок и весь дом снесло взрывом.

Я вылез из ямы и осмотрелся. Вокруг на несколько километров простиралась пустыня из пыли и пепла. Не было посёлка, не было поля, не было леса. И ни души... Лишь на горизонте виднелось что-то, смахивающее на деревья. Неподалёку, в эпицентре взрыва, находилась воронка.

Я хотел было пойти к кратеру, но вдруг прямо из него вверх взвилось какое-то облако. Оно подлетело ко мне. По-

чувствовав на себе его взгляд, я попятился назад. Тут облако подлетело к трупку Жени. И начало влетать внутрь. Когда оно полностью пропало в бездыханном теле, Женя вдруг дрогнул. И потом ещё раз, и ещё...

Он начал хрустеть костями и суставами. Выставив ногу, поднялся на ней. Уже разлагающееся тело жутко встало, начало вправлять конечности. Швы с металлическим треском лопнули. Я и не знал, что нити могут так трещать. Рана, оставленная топором, снова стала свежей, а после быстро затянулась, оставив лишь мелкий шрам. Поднявшийся из мёртвых Женя осмотрел свои руки, потом мои. Вдруг его руки стали изменяться в ширине и вскоре стали пропорциональными телу. Он посмотрел на меня.

– Женя? — неуверенно начал я.

– Н-Нет... Я... Н-Не Ж-Ж-Жен-ня... – кряхтел восставший из мёртвых.

– А кто?

– Д-д... Д-Да...

– Кто?

– Д-Дай м-м-не сек-унду...

Он помассировал гортань, зажмурился и помотал головой. Потом побил себя кулаком по груди.

– Кхе-кхе! Всё, так-то лучше! – сказал он без запинки.

– Так кто ты?!

– Моё имя Шак'Хид. Я один из Neil Quare. И именно я создал эту Вселенную.

– Подожди, а что ты сделал с Женей?

– Я лишь принял его облик, а также его память, его знания о мире, о языке и прочем. Теперь мне будет намного легче общаться с жителями Земли и понимать их. Что ещё ты хочешь узнать?

– Что за Neil Quare?

– Мы – первые жители этого мира. На нас была воздвигнута ответственность – создать множество новых жизней. И я преуспел, создав всё это. – он провёл руками вокруг себя.

– Ты создал Землю и Солнечную систему? Правда?

– Не только их. Солнце — лишь одна из самых малых звёзд во вселенной. А всего звезд и не перечесть. Я летел сюда миллиарды лет, а звёзды всё не редели.

– Ну, и зачем ты сюда прибыл?

– На самом деле, я уже давно хотел приземлиться на планету с жизнью и поведать её жителям тайны Вселенной. И я нашёл идеальную для этого планету. Но прямо у меня на глазах её уничтожил... хм... Женя не знал такого слова... попробую объяснить. Огромная глыба, плывущая в космосе...

– Астероид?

– Да, возможно. Ну так вот, от планеты остался лишь небольшой осколок, на котором растёт Великое Древо. Меня отбросило взрывом, и я прилетел сюда. Здесь у меня нет

особой цели. Моя цель там – далеко в космосе. Отлично, наконец я смог себя остановить. Теперь я смогу направиться в обратном направлении и прибыть туда через миллиард-другой лет. Ну всё, я улетаю. Прощай, очкожуй!

Я удивился. Женя шутки ради назвал меня так лишь пару раз за всю жизнь. Неужели это так ему запомнилось? Впрочем, неважно... Сомневаться в силах этого существа бессмысленно.

Женя, то есть Шак'Хид рассыпался, словно песок, потом огромное количество пыли и песка собрались в облако, превратившись в нечто переливающееся. Облако попыталось взлететь вверх, но под силой притяжения не смогла улететь далеко. Попробовав несколько раз, Шак'Хид ничего не добился. Он вернулся на Землю, принял облик Жени и сел, закрыл лоб рукой. Вдруг у меня родился замечательный план. Я подошёл к Шак'Хиду и потрогал его за плечо.

– Что тебе надо?!

– У меня есть идея!

– Какая же, интересно?

– Помню, нашёл одну книгу, там говорилось о первых полётах в космос. Получается, если ещё полвека назад люди летали в космос, сейчас, думаю, их технологии продвинулись достаточно, чтобы перелетать на другие планеты.

– Отличная мысль! – обрадовался Шак'Хид. – Тогда от-

правляемся!

Мы двигались быстро. По дороге мы набрали на вход в лабораторию. Он был весь в пепле. Шак'Хид, не задумываясь, залетел внутрь, пронёсся по всему комплексу и сломал опоры. Потолок рухнул, засыпав всё огромным слоем мусора. Затем Шак'Хид свалил в образовавшийся овраг большие куски земли, которые идеально скрыли намёки на лабораторию. Мне оставалось лишь восхититься...

Шли мы уже больше часа. И наконец пересекли линию, где остановилась взрывная волна. Вот и всё. Я покидаю дом. Здесь всё началось. Но закончится точно где-то далеко отсюда. Хотя, кто знает...

Наконец мы дошли до указателя «Казань». Воздух здесь был крайне сладок. Я наслаждался каждым вдохом. Здесь была дорога. Она шла далеко за горизонт. Я уж хотел выйти на её центр, но издали с огромной скоростью стала приближаться светящаяся точка. Эта точка оказалась автомобилем с включёнными фарами. Он пронёсся мимо нас на огромной скорости и унёсся вдаль. Следом за ним к нам ехал ещё один, с жёлтой табличкой на крыше. Шак'Хид снова принял облик облака, влетел в машину прямо на ходу. Машина, проехав ещё немного, резко затормозила. Я подбежал к ней. Дверь открылась, оттуда вышел толстый мужик с пролысиной.

– Это я, Шак'Хид. – сказал он.

– Постой, а что произошло с тем человеком? Ты можешь его вернуть?

– Эээ, погоди-ка...

Он ругнулся так, что я, прожив среди жестоких от жизни людей, даже и не знал таких слов.

– Похоже, не могу. Я смешался с ним, теперь его тело и всё, что было внутри – моё... Ох, чёрт! Твой друг! П-Прости меня...

– Не извиняйся, он уже был мёртв. Но впредь будь предусмотрительней!

Доехав до города, я не мог оторваться от окна. Дома тянулись до небес, всё горело яркими красками. Я попросил остановиться у дома с надписью «ресторан».

– Зачем нам сюда? – спросил Шак'Хид.

– Вроде как, это место, где можно поесть.

– Я не хочу есть.

– А я очень хочу.

– Ну ладно, как знаешь...

Захватив сумку мужика, мы зашли внутрь. Здесь было много столов со стульями. Люди сидели и спокойно ели. Мы тоже сели. Вскоре нам принесли меню и какие-то палочки.

Они пахли аппетитно. Я попробовал одну и уже не мог остановиться. Съел всю тарелку.

– Какая вкуснятина! Знать бы, что это, – сказал я.

– Хлебные палочки.

– Хлебные... хлеба я ни разу не видел, лишь слышал о нём.

– Это лишь закуска. Давай закажем тебе что-нибудь. Читай меню!

– Так, посмотрим... Супы... Берём! Салат... неужели поем что-то растительное... Салат тоже берём. Мясные блюда... ух, сколько их! Давай вот это – стейк из мраморной говядины... интересно звучит. И вот – т-тунец на гриле, что за тунец?

– Рыба такая.

– Ну, значит его тоже.

Шак'Хид посмотрел в меню, затем достал из сумки какие-то бумажки и пересчитал их.

– Да у нас денег не хватит!

– В смысле? Что за деньги?

– Вот деньги. – сказал он, протянув мне какие-то бумажки. – Смотри, рядом с блюдом его цена – сколько рублей (так эти деньги называются), нужно заплатить за блюдо. У нас лишь тысяча рублей. Хватит на какой-нибудь стейк... или

пасту – это макароны с мясом и соусом. Ну и на напиток, чтоб в сухую не есть. Официант!

К нам подошёл молодой парень, Шак'Хид заказал еду.

– Я и не знал о деньгах...

– Похоже, я теперь знаю о твоей родной планете больше, чем ты. Неужели поглощенный мной человек был столь умным?

– Нет, скорей всего он был средним человеком. Просто он жил в ногу со временем, а я был вынужден...

– Да, уже понял... Я знаю, где ты жил, у меня есть память Жени. И, кстати, у человечества нет таких совершенных технологий. Они не летали даже на Марс, ближайшую планету. Человек это тоже знал.

– Неужели они развиваются так медленно? В чём же причина? Этого он не знал?

– В разногласиях. В разногласиях людей по всему миру. Люди разобщены. Каждая группка хочет добиться чего-то своего. И очень часто для достижения цели приходится жертвовать благосостоянием других. Человек знал прекрасную аллегорию на этот счёт. Представь ведро с раками. Ты ведь представляешь себе раков?

– Да, читал о них.

– Ну так вот. Повар закинул раков в ведро и оставил. Начал приносить все ингредиенты для готовки. Раки, смекнув,

что сидеть на месте – верная смерть, начинают пытаться выбраться из ведра. Но стенки его высоки, поэтому единственный способ выйти – взобраться по своим товарищам. Рак ползёт, взбирается по другим, наконец подбираясь к свободе. Но сзади его хватают клешнёй за хвост. Такие же желающие выбраться. И, не сумев удержать вес себе подобного, рак сползает вниз, чуть ли не до самого дна. Так по кругу. Кто-то взбирается, затем его сбрасывают, поднимаясь сами. Может быть, повар уже давно бы сварил бедолаг, но он тоже заметил поведение раков и стал смотреть, не отрываясь. И раки будут делать это вечно. Лишь некоторые выберутся, оставив остальных на дне ведра. Так же и человечество.

– Но ведь люди – не раки. И мы не в ведре. Можно же объединиться ради общего блага, забыть все обиды и работать вместе!

– Люди не могут по-другому. И человек, зная о всех проблемах человечества, не хотел притрагиваться к каким-либо изменениям. Он хотел лишь подстроиться под систему, так же занять своё место в гонке за благополучие. Только гонка – это, как я уже сказал, просто ведро с раками. Люди алчны, готовы пойти на многое. У них существует такое понятие, как религия. То есть, у многих рас есть религия, но на земле она особенная. Знаешь, что такое религия? Вера в бога, поклонение ему и соблюдение священных правил. Поначалу религия помогала людям сплотиться, веря в единую

цель. Что способствовало развитию. Но потом, когда казалось, что всё прекрасно, что-то изменилось. Религия напротив незаметно стала выступать против прогресса, мешать его движению. Всё из-за людей, смекнувших, что большинство населения Земли верит во многое сверхъестественное, и более того, хочет верить. Такие люди использовали религию, чтобы управлять толпой, зарабатывать на их вере, бросаясь громкими красивыми словами. И что самое ужасное – этих людей совсем не заботит движение прогресса. Им хорошо и так. Ведь они уже купаются в роскоши.

Официант подал нам идеальный кусок мяса и графин яблочного сока с двумя стаканами. Я сразу набросился на мясо. Оно имело незабываемый вкус. Было таким мягким, сочным, с остринкой. Я съел мясо в считанные секунды. Затем Шак'Шид налил нам обоим сок.

– Хм-м-м... – протянул я, языком вытаскивая застрявшие в зубах частички мяса.

– Что ты думаешь?

– Если есть лишь небольшое число людей, желающее улучшать жизнь человечества, может, стоит примкнуть к этому числу? Ты сказал, что люди хотят верить во что-то высшее. Более того, идут на поводу у тех, кто проповедует религию. Так, может быть, стать одними из таких проповедников? Только наши замыслы будут куда перспективней, и

целью будет не наше благополучие, а всеобщий прогресс. Я думаю, многие люди поддержат нас.

– Отличная идея! Но, вдвоём мы не справимся. У нас нет ничего: ни влияния, ни денег, ни полноценных знаний о мире. Нам нужны люди, готовые пойти за нами, при этом имеющие хотя бы что-нибудь из вышеперечисленного. Мы объединимся в группу.

– Да!

– А называться она будет... «Татар Гетто»!

– Почему это?

– Оставлю этот вопрос для твоих раздумий, у тебя будет много времени.

– Ладно, будь, по-твоему. Тогда, за прогресс! – я поднял стакан с соком.

– За Землю!

– За Татар Гетто!

Мы чокнулись стаканами и выпили сок залпом. Немного позже мы слышали громкие разговоры за соседним столом.

– Ха-ха, говоришь, старый хрен? Один?

– Да, так босс и сказал, сейчас старик там один. Плёвое дело, заходим, выносим всё. Если чего скажет, дубинкой по затылку!

– И много, говоришь, у него там денег?

– Да, его сынок недавно наследство какое-то получил.

Прям золотая жила.

– Тогда отправляемся?

– Да, немедленно!

Четверо парней вышли из-за стола. К ним подбежал официант.

– Пойдите, ваш счёт!

– Ах да! – один парень подошёл и взял официанта за воротник. – Слушай, деньги я забыл дома, мои друзья тоже. И чё-то мне лень возвращаться. Давай, оплатишь за нас? У нас тут четыре пива, всего шестьсот рублей. Учти, полицию вызовешь – я тебя найду. Лицо твоё такое запоминающееся. Ладно, ты меня понял... так ведь?

– Д-да... – дрожа промямлил он.

– Вот и хорошо. Пошли, ребята!

– Думаю, стоит начать со знаний о мире, – повернулся я к Шак'Хиду.

– Согласен!

Мы встали из-за стола. Шак'Хид подошёл к официанту, дал ему полторы тысячи рублей.

– Тут за нас, за них, и ещё чаевые. Выше нос! – сказал он ему.

– Откуда у тебя столько? – удивлённо спросил я.

– Сам создал, по подобию тех, что были. – ответил Ша-к'Хид, – Сейчас это не важно, надо не потерять их из виду!

Глава 3, О Любви

Записка на рулоне туалетной бумаги

Это был холодный зимний вечер. Я встретил её при полной луне. В её свете она казалась ангелом. Мы гуляли по набережной. Держась за руки, разговаривали о разных вещах. Свет от луны падал на спокойную водную гладь и редко поблёскивал при малейшем дуновении ветра. Я без конца делал ей комплименты. Моё сердце ликовало так же, как, надеюсь, и её сердце в тот момент. Так, мало-помалу, мы дошли до моего дома, поднялись наверх в мою комнату, закрыли дверь. Вот и всё. Ничего больше не существовало в этом мире, кроме тёмной комнаты, мёртвой тишины и нас вдвоём. Мы несколько минут просто смотрели друг другу в глаза, затаив дыхание. А после слились в бесконечных объятьях. Это была незабываемая ночь...

Я проспал до 10 часов утра, всё равно проснулся совершенно уставшим. Рядом её не было. Я насторожился. Осмотрев дом, я нигде её не застал.

– Куда же она могла подеваться? – спросил я у самого себя.

Лишь вернувшись в спальню, я нашел ответ на мой во-

прос. На тумбочке лежала записка. Я с трепетом взял её и начал читать.

Записка

«Дорогой,

Ты, наверное, задаёшься вопросом: «Куда я пропала?» Что же, не буду таить. Ты просто наивный лох. Надурить тебя было проще простого. Я взяла немного денег, точнее все. И не пытайся меня искать. Я уже далеко.

Чао Какао, чмошник!

P.s. Мне очень понравилась твоя собачка Тёща. Так что её ты тоже больше не увидишь!»

После прочтения у меня затряслись руки. Это был удар в спину. Как она могла? Ведь нас столько всего объединяло...

От такого предательства я уже не мог адекватно переваривать ситуацию. Поэтому в тот же час пошёл в ближайший бар и напился. И я пил снова и снова. Начал приходить в бар ежедневно. И пить всё больше и больше...

Из-за алкоголя меня уволили. Денег не было, поэтому я

шлялся по подворотням. Пытался найти какой-нибудь источник зарплаты. Обычно именно в таких местах есть люди, готовые заплатить за всякую тяжёлую или грязную работу. Так я думал.

И не ошибся. В один день в подворотне меня остановил человек.

– Постой. Вижу, ты тут часто ходишь. – сказал он.

– Ну да, по оживлённой улице пройду – засмеют. Посмотри на меня! – раздосадовано ответил я.

– Да уж. Видок у тебя не лучший... Слушай, работа тебе не нужна?

– Нужна, как же еще.

– Я могу предложить работать на меня. Правда, не слишком законно.

– Это меня уже не волнует, мне нужна хоть какая работа.

– Хорошо, тогда познакомимся. Меня зови Эль Гангстре.

– Очень приятно, Михаил. Ну, а что мне нужно делать?

– Ничего такого, просто избавиться от некоторых людей.

– В каком это смысле?

– В смысле... Какой ещё может быть смысл?.. Вряд ли ты можешь сделать что-то, кроме... – он запнулся, так и не решил продолжить. Лишь показательно провёл пальцем по горлу.

– Ты в этом смысле? – в голосе пробежала дрожь. – Но... Зачем? Нет других способов? Это же люди!

– С виду да. Но внутри у них не осталось ничего хорошего. Они уже мало похожи на людей.

Я задумался, совсем ненадолго. Наконец, плюнув в сторону, я ответил:

– Ладно... Поверю тебе на слово... Но сколько ты даёшь за одно убийство?

– Столько же, сколько в среднем дают, 100 долларов.

– Сто? Ты издеваешься? Думаешь, я дурак какой? Предлагаешь марать руки людской кровью, потом скрываться от полиции, и всё это ради ста долларов?

– Полицейские тобой не заинтересуются. Мои друзья позаботятся об этом. Ну а насчёт денег... ла-а-дно... Я вижу, ты крепкий, сможешь всё повернуть. Дам 120 за человека. Учти, их будет не один, не два, а довольно много.

– Мало, соглашусь на 200.

– Да ты одурел! 130 и точка!

– Нет, ты, кажется, не понимаешь. 180, или я сваливаю!

– Это ты не понимаешь. Ты слишком много узнал, поэтому я тебя просто так не отпущу. 140 и точка!

– Я буду стараться хорошо. Мне лишь нужно ещё немного денег. 165 и больше не вякну!

– 150.

– Хорошо, 150, я согласен...

Прошло два года. За это время я убил 42 человека. Это были разнообразные люди, когда-либо перешедшие дорогу Эль Гангстре. Сначала я убивал неуверенно, думая о последствиях. Однако, их не было. Эль Гангстре держал обещание. Со временем я начал привыкать к убийствам. Чтобы выпускать пар, избавляться от сомнений и переживаний, я составил список всех убитых мной людей. Так я ставил в истории каждого точку. Вот несколько лиц:

1-й.

Невысокий седой мужчина, имя – Иван. Загнан в тёмный переулок, забит кирпичом. Пришлось удирать, так как неподалёку проезжала полиция.

4-ая.

Русая полная женщина лет тридцати. Утоплена в озере.

5-й.

Её муж, убит так же.

12-й.

Пожалуй, самое простое убийство. Эль Гангстре сделал всю работу за меня: достал мужчину из другого города, заманил его в гостиничный номер... Всё было быстро и спо-

койно. Всегда бы так...

23-й, 24-й и 25-ая.

Молодые подростки. Занимались любовью в клубе «У Эсс Шейкера». Крики никто не услышал.

37-ая.

Пожилая женщина лет шестидесяти. Странно, как же она насолила Эль Гангстре? Чтоб не отвечать на мои вопросы, он заплатил за неё вдвойне.

39-ая.

На это убийство меня пришлось долго уговаривать. Молодая девушка с младенцем. Я согласился убить и младенца, но в тайне от Эль Гангстре отдал его в детдом. За дело я получил восемьсот долларов. Но делать работу становится всё сложнее. Эль Гангстре помешан.

42-й.

Перед заданием у нас завязался долгий спор. Он узнал, что я сделал с ребёнком, стал снова угрожать мне своими друзьями. На этот раз я рискнул, сказал всё, что я думаю и хотел было уйти. Но он остановил меня. Сказав, что у меня больше нет права на ошибку, он указал мне на пожилого старика. Старик жил один, его навещала лишь внучка. Спокойно зайдя в дом, я застал его за обедом. Он был

слеповат, поэтому принял меня за родственницу. Доев, он попросил добавки. Я подсыпал яд в еду и подал к столу. Он съел пол миски, прежде чем упасть замертво.

Почти всех я похоронил на купленном мной участке. Думаю, может, открыть новое кладбище?

Убийства не могут продолжаться так долго. Видимо, Эль Гангстре не сдаст меня. Это болото может с лёгкостью затянуть и его. Поэтому, если мне что-то не понравится, сразу ухожу.

Насчёт любви, я уже почти успокоился и смирился. В конце концов... жизнь вроде сгладилась. Повода для расстройств нет...

Как всегда, утром сидел на кухне, пил чай с ромашкой. Ел печенье. Вдруг услышал звон в дверь. Странно, я никого не ждал. Открываю дверь, вижу: Эта лживая шмара стоит, вся такая приодетая. Её сзади обнимает какой-то смазливый урод, как позже выяснится, её жених. Сама держит в руках годовалого ребёнка. Вся эта делегация бесцеремонно проходит внутрь. Мне под нос суется какой-то документ, якобы о разводе.

– Здравствуй. Кажется, мы кое-что забыли поделить, – начала она, – помнишь, мы хотели пожениваться за месяц

до... того, как расстались...

– Допустим, и что это даёт? – Я держался, как мог.

– Тогда я сходила в ЗАГС, мне сделали документы. Знаешь, мы, по идее, тогда поженились. Так что при разводе я должна получить половину имущества.

– То есть, если я правильно понял, ты тайно нас поженила. Потом ограбила меня, оскорбив при этом. Затем так же тайно нас развела. И ещё, сука такая, хочешь получить половину моего имущества?

– Конкретно – этот дом. – улыбнулась она. – Мне ребёнка надо растить. Ты понять должен.

– Серьёзно? Я, чёрт возьми, должен понять? Я должен отдать человеку, уничтожившему мою жизнь, мой же дом, потому что ему нужно ребёнка растить! Афиженно!

Тут в разговор врывается жених шмары, всё это время стоявший в стороне.

– Так. Закрой свой рот! Не смей повышать голос на мою невесту. Если она что-то хочет, ты сделаешь это, нравится тебе или нет!

– Так, так... Кто заговорил... Мужик, ты вообще в курсе, на что эта сука способна?

– Не смей так про нее говорить!

Он полез с кулаками, ударил меня по лицу. Знал бы он,

что я наёмный киллер у опасного гангстера (на самом деле я всё ещё не был до конца уверен, так ли он опасен. Никогда не видел у него никакой охраны, никакого влияния, хотя слышал изрядно), не полез бы сюда вообще.

Я был в ярости. Взял топор и убил их. Всех. И имару, и жениха, даже их ребёнка. Детям от таких уродов лучше не жить. В них с рождения заложен ген. Ген, с которым даже при воспитании ребёнка в другой, порядочной семье, он вырос бы наполовину моральным уродом.

Я вдруг поймал себя на мысли, что я сделал то же самое, что недавно сделать не захотел. Тот ребёнок растёт, а этот мёртв. Клеймо детоубийцы всё равно на мне. Отличие лишь в том, что там я не был уверен, насколько плоха мать. Я её вообще не знал. Может, она просто жертва гангстера, а на самом деле была добрым человеком, и ребёнок её вырастет таким же. Кто знает...

Но одно я точно знал – с этой предательницей ей не сравниться. Я был зол, но их смерть успокоила меня. Мне ничего не оставалось делать, как закопать их тела прямо на своём дворе. Выносить тела из своего дома – рискованно.

Через день мне пришел очередной заказ – убить девушку. В тот день она пошла в бар. Я, словно тень, следовал за ней. Будучи настоящим тихим убийцей, я мог убить кого-то в толпе народу так, что никто не заметит. И вот, заветный момент, я подошёл к ней, начал доставать нож. Но первым

делом я осмотрел её... И вдруг понял, что она мне понравилась. А у меня так (не знаю, болезнь ли это, или ещё что): если мне девушка понравилась с первого взгляда, я уже не могу просто так отпустить её. Поэтому я не смог её убить. Наоборот, заказал ей коктейль. Она с улыбкой приняла мой комплимент, назвала свое имя – Лена. Но выглядела подавлено...

– Слушай, ты выглядишь... не очень... В смысле, расстроенной...

– Я не хочу об этом говорить.

– Прошу, выскажи всё наболевшее. Не беспокойся. Я умею слушать.

– Ну хорошо... Дело в том, что я живу в большой семье. Верней, жила... В последние месяцы все стали загадочно пропадать: мой отец, сестра, двоюродные братья. А неделю назад мой дедушка умер прямо за столом от моей же каши.

– Ничего себе...

– Именно... Я попробовала ту кашу. На вкус была отвратительна. Настолько, что проглотить было не возможно. А дедушка с притупившимися чувствами ел эту кашу, не подозревая отраву. – её голос становился всё более раздражённым. – В его смерти виновата лишь я, ведь это моя каша.

Я смотрел на неё, скрывая дрожащие руки. Мне приот-

крылась завеса тайны. Я убивал... не чужих ей людей... а Лена даже не подозревает... Нет, хватит! Я увидел, что моими руками делает Эль Гангстре. Мне нужно будет навестить его в последний раз. Но сейчас мне надо было заняться Леной, утешить её.

– Это просто не может быть твоей виной. Уверен, ты хорошо готовишь. А дедушка, должно быть, был очень стар.

Лена вздохнула. Чтобы отвлечь её от дурных мыслей, я завязал увлекательную беседу. Её итогом послужило моё предложение встретиться еще раз. Лена, совсем не сомневаясь, согласилась.

Я должен был завязать с убийствами, поэтому пошёл к Эль Гангстре попроситься. Заодно высказать ему всё, спросить обо всём. Было мне интересно, какого хрена он хотел её смерти. Я пришел на наше обычное место, подождал несколько минут. Он наконец пришел. Я хотел уже начать, но он перебил меня.

– Признаюсь, тебе удалось меня удивить. Предложить встречаться девушке, которую должен убить. Надеюсь, ты не будешь заигрывать с этим и закончишь начатое?

– Нет!

– Нет?

– Нет. Я предложил ей встречаться, потому что, похоже, влюбился...

– Влюбился? Так значит, это влюблённость?

– Да, это... любовь.

– Надеюсь, ты не думаешь, что она также к тебе относится? Что она также тебя... любит?

– Это не твоё дело. Но, если тебе так интересно, думаю, что я тоже ей понравился. К тому же я утешил её в трудную минуту...

– Ошибаешься, это моё дело. Думаешь, я психопат? Думаешь, я просто слишком амбициозный гангстер, который убивает всех подряд? Так в жизни ты еще не ошибался. Хотя нет, ошибался. Ты влюбился в эту суку!

– Я не думаю. Я знаю! Ты псих! Моими руками ты убил некоторых её родных! И ты не смеешь про нее так говорить!

– Смею и говорю. Да, ты убил её родню, даже большие тебе скажу. Не только. Дело в том, что все эти 42 нелюдя, что ты убил – связаны. Думаешь, просто так мне нужен киллер? И, думаешь, я не сдал бы тебя в полицию? Ошибаешься. Не будь это столь важно для меня, ты бы уже давно сидел! Все эти 42 «человека» – родственники, друзья, друзья родственников и прочие как-то связанные с твоей девушкой.

– Что?! Я убил у неё... всех?

– Ну, вообще-то не всех. Только тех, кто был мне нужен.

– Черт, это не может быть правдой! Ты тварь!

Я вытащил нож, побежал к нему. Он увернулся от удара, вытащил пистолет с выцарапанной на нём надписью «Брат», и, выстрелив поверх моей головы, наставил его на меня.

– Кто тварь, я тебе щас объясню! Это семейство использовало моего брата. Одна девушка из их семьи совратила его, заставила тратить на нее огромное количество денег. Он помешался на этом. Фактически стал её рабом. Вскоре у нашей семьи осталось очень мало денег. Мы не смогли собрать дедушке на операцию, он умер от остановки сердца. А когда спросили моего брата о деньгах, он сказал, что делает это ради любви, ничего поделаться не может. Он будто был зомбирован, ничего уже не понимал. Через некоторое время эта сука пришла к нему с каким-то накачаным ублюдком, сказала: «Мы расстаёмся», а затем начала назло лизаться с её бойфрендом прямо у на глазах у брата. Он не выдержал. В ту же ночь покончил с собой. А после, когда я пришел к ним разобраться, они вызвали полицию и наговорили им на меня... Мол я маньяк и убийца, убил собственного брата из-за денег, а сейчас покушался на их жизни. Отчётливо помню тот день, когда меня представили перед судом. Я помню тот светлый зал, полный лживых уродов. Я помню каждое лицо. Каждого, кто дал против меня показания. Их было около полсотни. Полсотни «свидете-

лей», взявшихся из воздуха. И все против меня. В итоге меня посадили на пятнадцать лет. Недавно из-за происшествия в тюрьме многие заключённые сбежали. Я, в том числе. И теперь я жажду мести, жажду смерти каждого из того зала. И моя месть почти совершилась. В живых осталась лишь твоя «любимая». Поверь, она не лучше любого из них. Она также давала показания. Она должна умереть. И если не ты, то я сам её убью!

– Не смей!

Я поднырнул, уйдя из-под прицела, выбил у Эль Гангстре пистолет, сильно ударил его в живот. После я повалил на землю, начал бить ногами. Затем поднял и начал душить. Его глаза начали слезиться. Я хотел его убить, но не смог. Поэтому бросил в грязь, наклонился к нему со словами:

– Только попробуй тронуть её, я тебя разорву! Она не такая, как её родственники, я это вижу! Считаю, что ты отомстил. А я отработал своё и ухожу!

Я начал удаляться от Эль Гангстре в направлении дома. И только слышал хриплый голос вдогонку:

– Вот увидишь, она такая!

Чтобы искупить свои грехи, я решил открыть своё клад-

бище. Делать гробы под заказ, хоронить людей... Словом, зажить простой жизнью... В конце концов, я накопил около семи тысяч долларов с убийств. Этого должно было хватить надолго.

На душе стало легче. Но дело всё-таки не настолько прибыльное, насколько прибыльны убийства...

Мы встречались, веселились. Лена совсем позабыла о своём горе. Всё наладилось. Правда, деньги стали уходить довольно быстро. Но я не жаловался. Эти деньги за убийство её близких. Лена имеет полное право их тратить. Да и, в конце концов, ведь Лена моя девушка. Она заслуживает внимания – так я тешил себя каждый день.

Но спустя пару месяцев делать это стало немного сложнее. Жизнь пошла под откос, еле-еле начал оплачивать дом. Лена же стала видеться со своими друзьями. Я не был против: ей нужны были друзья. Но оплачивать их прогулки мне тоже приходилось из своего кармана. Мои деньги испарялись с бешеной скоростью.

Она вдруг стала периодически отказываться от моих приглашений погулять, аргументируя тем, что занята. Всё это было странно. И жутко неприятно. Но вишенкой на торте был случай.

Однажды Лена снова не смогла прийти на свидание. Я ждал и готовился к нему очень долго. Расстроенный, я по-

шёл в парк покормить голубей. Спокойно сидел на скамейке, как вдруг увидел её, гуляющую с каким-то парнем. Я решил проследить и подслушать.

Из их разговора я много узнал о себе: что я наивная ма-рионетка, готовая ради девушки на всё, обнищавший...

Будучи скрытным убийцей, я всё-таки слишком плохо спрятался. Они застали меня, как идиота. Лена просто сказала:

– Мы расстаёмся!

Просто «Расстаёмся», больше ничего. А ведь она могла догадываться... хоть немного догадываться, чем это кончится. Могла догадываться, что её голова будет повешена у меня в подвале, а тело – на чердаке. Могла догадываться, что её парня я разрежу на аппетитные кусочки и вдоволь накормлю соседских собак...

Эль Гангстре был прав, она ничем не отличалась от своей родни. Что же, это был её выбор... Получается, я выполнил задание Эль Гангстре в полной мере, но уже не мог прийти к нему за наградой: он меня и близко не подпустит...

Я рвал себе волосы. Меня ломало от любой возникающей в голове мысли. В итоге я не нашёл лучшего выхода, чем смерть. В два часа ночи во дворе своего дома я сильно ударил себя камнем в голову. Моё тело упало прямо на могиле моей

первой любви. Я думал, у меня получится спокойно умереть и прекратить страдания...

Как бы не так...

После этого меня нашли два парня – мои соседи по дому. Когда моя жизнь пошла под откос, мне стало не хватать денег на дом. Поэтому я где-то нашел двух парней, чтобы они жили со мной и помогали платить. Так уж мне не повезло, что они оказались геями, так ещё и некрофилами...

Парни подняли меня. Я услышал их переешептывания. Но скоро от боли потерял сознание. Не знаю, сколько я был в отключке...

Очнулся я на улице, в какой-то подворотне. На мне не было штанов. Пальцы воняли фекалиями. Я не обратил внимания, лишь потом до меня дошло, что они со мной делали. Голова раскальвалась. Я потерял около двух литров крови. Не знаю, как я вообще ещё жив...

Я пошёл по улице полуголым. Редкие прохожие оглядывались и переговаривались. Я старался прикрываться, но получалось с трудом. Ведь в тот момент в первую очередь нужно было прикрывать гигантскую рану на голове. Она всё ещё немного кровоточила.

Было холодно. В итоге я окончательно выбился из сил, поэтому нашёл какого-то бомжа, прилёг с ним, чтобы согреться.

А помню, как все начиналось. У меня была любимая девушка, она была прекрасна! Но теперь я на улице, сплю и обнимаюсь с бомжом. Но моя жизнь только начиналась...

Игорь Строганов

Этот полностью исписанный рулон я нашёл на улице. Я ещё раз внимательно перечитал весь текст. Печальная судьба этого парня тронула меня. Мне стало его жаль. Также мне стало жаль, что история обрывается, и я, возможно, никогда не узнаю конца. Что же с ним могло случиться? Может, он уже умер от потери крови. Может, вылечил душевные раны и встал на ноги?

Через несколько минут я уже отбросил раздумья, в конце концов, это могли написать два школьника на уроке, потом выкинуть на улицу. А я стою и читаю это, как идиот. Поэтому я выкинул туалетную бумагу и побрел домой.

Втроем с моими другом Васьком Васильевым и подругой Лерой мы снимаем двухкомнатную квартиру. Васёк – придурок, проживающий каждый день одинаково: пропускает две пары, почти весь день сидит в комнате, играет в игры и курит. Из-за этого дебила мне приходится вечно сидеть на кухне, не буду ж я смотреть на всё это. А на кухне постоянно крутится Лера. Мы познакомились и подружились еще в школе, пошли в один универ. И теперь вместе живем.

Во мне она не видит никого, кроме друга. Я же в нее тай-

но влюблён. Мне так нравится её милое розоватое личико... Некоторые говорят, что у неё слишком сильно выпирает лоб. Но я-то вижу, что это не так. Если он и выпирает, то незаметно. Да и вообще... Это явно придаёт ей больше умственных способностей.

Любил её на протяжении уже пяти лет, со средней школы. И никак не мог ни признаться, ни добиться хоть какого-то результата. В любом случае, я никогда не был зол на друга, ведь пока он пухнет от своего идиотизма, я вынужден сидеть с ней в одной комнате. Мы разговаривали о всяком: об учёбе, о подругах, о каких-то весёлых моментах в жизни. Мне было всё равно, на какую тему говорить. Главное – я общаюсь с моей любимой.

Но вот, подходит время, когда у нас начинают кончаться деньги. Те, что были подарены родителями на 18-летие, кончились, а стипендии не хватает. Васёк в любом случае скоро работу не найдет по вышеперечисленным причинам. А Лера и так готовит нам еду и убирается в доме. Поэтому я решил взять ответственность обеспечивать нас на свои плечи и устроиться на работу.

К сожалению, везде нужно высшее образование и опыт работы, поэтому меня взяли только в KTGF. Думал, в KTGF обычно бывает прилично убрано, красиво оформлено. Всё-таки бренд. Однако, этот ресторан находился в старом грязном доме. Стены были сырые, обои отклеивались во многих местах, пол был простой бетонный, без единого ковра или

досточки. Ну а что я хотел? Жили мы далеко не в центре. Однако посетителей всё равно было достаточно.

Мой босс, жирный хмырь, ходит по кухне и лапает поварих за задницы, не забывая стащить у них только что сделанный бургер и сожрать его. А после такого «перекуса» обязательно оботрёт свои измазанные в соусе пальцы о форму одного из работников. Иногда он приходит со старыми друзьями, приводит двух шлюх и запирается с ними в своем кабинете на несколько часов. Потом выходит пьяный, орёт на всех, лезет в драку. И обязательно кого-то уволит. Везде бегают тараканы, а уборщица весь день куда-то пропадает. Говорят, она уходит уединяться со сторожем. Ну, хоть у кого-то в этом месте нормально сложились отношения...

Меня же поставили принимать заказы. Мои глаза в первый же день округлились от того, сколько же мразей и грубиянов у нас в городе. Ну что поделать... Надеюсь, когда-нибудь я привыкну к всему этому. Главное, чтобы платили.

После тяжелого и безумного дня я приходил домой. Васёк засыпал прямо на диване, весь в крошках и семечках, даже не выключив телевизор. Выключая телевизор за этого идиота, я ложился спать. Перед сном я вновь вспоминал ту историю, найденную мной на улице.

– А что, если моя судьба будет не лучше, а даже хуже? – думал я. – Что, если скоро моя жизнь изменится настолько, что я даже в квартире жить не буду? Нет, нельзя думать о

ПЛОХОМ.

Я сразу забрасывал эти мысли в глубину мозга и засыпал.

Проснувшись, я сразу бросал взгляд на друга. Он обычно лежал в той же позе. Я вставал и сонно шёл на кухню. Лера просыпалась намного раньше и к этому времени уже жарила яичницу и варила кофе, параллельно заплетая свои длинные волосы тёмно-каштанового цвета. Я желал доброго утра, и мы начинали разговаривать. Я рассказывал о своем очередном рабочем дне. Она мило смеялась и выражала своё сочувствие насчёт некоторых неудач. После завтрака я оделся и шёл на занятия.

Три месяца спустя...

Рутинa, сплошная рутинa... И ничего не меняется... Мой друг всё еще идиот. Я все еще работаю. На работе все еще задница. Ну, хотя бы на жизнь нам хватает. Мои «отношения» с подругой не продвинулись ни на шаг. Хотя я немало раз звал её в кино, погулять, даже водил её в дорогой ресторан. Ну, относительно дорогой. Для моей зарплаты это было невероятно дорого. Тот вечер следует описать поподробней.

Узнав об отмене пар, я зашел в магазин и аптеку. Купил пачку заварной лапши и несколько презервативов. Придя до-

мой, я зашёл к себе в комнату. Встретив Ваську в его обычном состоянии, бросил ему пачку лапши и презерватив. Сказал, чтоб поел, а потом делал всё, что хочет. Себе же я оставил пару презервативов, на всякий случай. После я прошёл на кухню. Лера доставала сковородку, чтобы готовить еду. Я подошёл к ней, приобнял за плечи.

– Слушай, может сегодня отдохнёшь?

– Я же не устала. Пары отменили. Садись, сейчас есть будем.

– И всё же, может я тебя угощу?

– Ты умеешь готовить?

– Ну, сам не очень, однако, знаю, где очень хорошо готовят. Не в сравнении с тобой, конечно.

– А-ха-ха, ну хорошо, и где же?

– Скоро все увидишь, оденься поприличней.

Она кивнула и пошла в комнату. Сам я тоже переоделся в более солидный костюм. Через несколько минут она вышла из комнаты в прекрасном вечернем платье. Я взял немало денег. Даже одолжил перед этим у родителей. Ресторан был очень дорогой. Однако, я был к этому готов.

Мы вышли из дома, начали прогуливаться. Внутри меня всё ликовало. Я гулял под ручку с моей любимой. Мы мило общались и смеялись. На миг даже показалось, что я ей тоже небезразличен, что я добился своего.

– Знаешь, о чём я думаю? – начал я.

– О чём же?

– О том, как прекрасна природа. Деревья столь разнообразны и столь величественны, что аж дух завораживает...

– Ну, да, согласна...

– И, самое главное: как мы, люди, сумели связать природу с современной жизнью. Раньше люди могли отчётливо видеть красоту деревьев только днём. А сейчас, прогуливаясь вечером, после заката, мы видим совсем другие краски, хотя это то же самое дерево. Удивительно, да?

– Да, конечно...

– И теперь, гуляя под освещёнными светом фонарей деревьями, мы можем находить в себе немного новые чувства, – подвёл итог я, под конец осознав, что этот диалог, или уже монолог, чересчур неловок и глуп. Я ожидал её реакцию, надеясь, что она не будет слишком утомлена моими высказываниями.

– Хм... Есть над чем поразмыслить. – она попыталась показать заинтересованность.

Чёрт, испортил такой отличный момент, лучше бы молчал и наслаждался.

– Ну хватит об этом. Мы же не на уроке философии, – закрыл эту неловкую сцену я. Она явно мысленно выдохнула

с облегчением.

Мы дошли до ресторана, зашли внутрь. Здесь было не слишком людно. Разве что небольшая компания отмечала какой-то праздник. Они, к счастью, не были столь шумными, поэтому не мешали.

Я подвинул Лере стул. Она элегантно присела. Официант принёс нам меню. Блюда оказались и вправду дорогими. Мне пришлось бы работать целый месяц для одного такого ужина. Хорошо, что одолжил денег у родителей.

Я заказал вино подороже, так же взял лёгкий салат. Лера взяла белую рыбу.

Начал разговор издалека: заговорил о заведении, о разных украшениях на стенах и потолке. Она с радостью поддержала тему, рассказала, что её лучшая подруга увлекается такими украшениями. Я умело вставлял в диалог комплименты, она мило улыбалась на каждый такой комплимент, однако, в глазах ощущалось неудобство.

- Что-то не так? Еда невкусная? – рискнул выяснить я.
- Да нет, всё чудесно.
- Что же тогда случилось?
- Ничего не случилось, с чего ты взял?
- Просто, у тебя на лице смущение читается.
- Правда? Странно, я ничего такого не чувствую, тебе, наверно, показалось...

– Ну ладно, извини...

Тут у нее зазвонил телефон, она взяла и сразу расширила глаза.

– Блин, я же обещала подруге отнести ей конспект! У нас завтра зачёт.

– Жаль. Никто больше не может ей передать?

– Нет, никто. Прости, мне нужно бежать.

– Но, как же...

– Прости. Я обещала. В следующий раз...

– Тогда я тебя провожу, тебе же домой за конспектом.

– Не стоит. До туда ехать долго, дома буду поздно. Так что готовить уже не стану. Поешь здесь, можешь доесть рыбу.

Она вскочила, помахала мне рукой и выбежала на улицу. Я побежал за ней, но меня остановил охранник.

– Пустите меня, я тороплюсь! – пробивался я.

– Куда? А счёт кто оплатит?

– Прошу прощения, можно посчитать?

Мне принесли счёт. Я нервно вырвал листок из рук официанта, глянул на цену, быстро выложил деньги, даже лишнего, выбежал на улицу, побежал домой. Добрался до туда за десять минут. Её уже не было...

И так каждый раз. Лере как будто было насрать на меня. Но настал день, который я так долго ждал. Этот день – особый день. Этот день – день её рождения. И я спланировал такой крутой сюрприз, что Лере нужно было бы постараться, чтобы не умереть от счастья прямо на месте. Она очень удачно ушла с подругами отмечать, так что у меня было время для подготовки сюрприза.

Я обещал достать Ваську первый выпуск нового элитного эротического журнала. Он наконец-то согласился мне помочь, к тому же позвал еще двух друзей-задротов, с которыми он целыми днями играет.

Мы обклеили её комнату разнообразными сердечками, цветами, котиками и прочей милой атрибутикой. Я потратил все накопленные деньги на плюшевых мишек, свечи, ожерелье и серьги. Купил дорогое вино, даже написал стихи. После этого я отправил друга и его компанию куда подальше, чтоб не мешали. Сам надел лучший костюм. Я планировал признаться ей в любви в такой романтической обстановке, наедине... чтоб она расплакалась от счастья, положила свою голову мне на плечо и наконец согласилась стать моей девушкой...

Настало время, в которое она обещала вернуться. Я с нетерпением ждал, когда же раздастся звук открывающейся двери и её шаги. Ждать пришлось долго. Я ходил по комнате, ежеминутно глядя на часы. Леры не было уже час. Я начал

звонить ей, но её телефон был отключен. Я начал волноваться всё сильнее. Её не было уже третий час...

Я накинул куртку и хотел уже выбежать искать её. Но только подошел к двери, она резко открылась, и меня со всей силы ударило по голове. У меня пошла кровь. Потемнело в глазах. Я упал на пол. Зашла Лера. Она помогла мне подняться, повела в свою комнату, где лежала аптечка.

Войдя в комнату, она увидела всё, что я готовил. Я уже успел прийти в себя, выбежал на центр комнаты, встал на колени, начал неловко читать стихи:

– Пять лет прошло, ну прям как миг,
Давно убрали в шкаф дневник.
Давно мы выросли, и в универ пошли,
А многие и смысл жизни уж нашли.

Года идут, друзья приходят и уходят,
Всем нужно жить, успеха добиваться.
Однако, чувства просто так не бросишь,
Они мне не дают вот так вот попрощаться.

Быть может, хватит мне скрываться?
Пора собрать все силы, и признаться...

Из головы шла ручьем кровь. Она залила весь костюм. Я закончил свои стихи и сказал последние слова:

– Я люблю тебя! Будь со мной!

Наступило полминуты молчания. Для меня эти секунды длились вечность. Наконец она ответила:

– Слушай... Ты хороший парень, хороший друг. Спасибо тебе за такой сюрприз, но...

– Но...?

– Но, понимаешь, я... предпочитаю девушек...

Она рассказала, как опоздала из-за того, что они с подругами устроили лесбийский тройничок. Потом она начала вспоминать все те моменты, когда она сбегала со свиданий, убегала к подругам. Меня, и так шокированного известием, чуть не хватил удар. Она будто специально описывала всё в деталях.

– Прости, но не нужно больше слов, мне и так больно, не нужно сыпать соль на рану!

– Но я не...

– Ничего не говори!

– Я не хотела...

Не дослушав, я выбежал из дома, взяв бутылку вина. Сев на уличной лавке, я выпил полную бутылку залпом. И минутой спустя упал без сознания под лавку.

Проснулся я в больнице. Мне зашили рану на лице. Ко мне подошел врач, сказал, что нашли меня без единой личной вещи. Блин! У меня украли документы и ключи! Зачем я только держал их в своём пиджаке?

Через денёк меня отпустили из больницы. Кроме дома некуда было идти. Я уж был готов смириться со всем этим. Жить, как раньше, только найти другую девушку. Лера, надеюсь, поможет мне в этом. Как-никак, за ней должок...

Я подошел к двери нашей квартиры. Она была открыта, изнутри ни звука.

– Какого?.. – сказал я себе под нос.

Зашёл я будто не к себе вовсе. Квартира была разграблена и разрушена. Видимо уроды, что украли мои вещи, еще нашли и обнесли квартиру. Васька в доме нет. Видимо, он даже не возвращался. Урод.

– Чёрт... Куда уж хуже?! – думал я.

Что же, хуже быть может, еще как...

Как только зашел в комнату Леры, увидел кровавую баню. Бедная Лерочка лежит без одежды, с перерезанным горлом. Всю комнату залило кровью. Скорее всего уроды зашли, изнасиловали её, а потом мучительно убили...

Я уже не знал, что делать. У меня нет ничего: ни дома, ни друзей, ни денег, даже документов. Я просто пошел по улице, куда глаза глядят. В итоге набрел на тот самый KTGF, в котором я работал. Решив, что хоть там мне, как лучшему работнику месяца, окажут помощь...

Я ошибался. Босс выкинул меня без вопросов из-за того, что я не приходил на работу эти два дня. Мне ничего не оставалось делать, как жить у KTGF. Хоть от голода не сдохну.

Я забыл обо всём: о родителях, об универе, осталась лишь картонка, расстеленная у KTGF...

Дерьмо! Всё потеряно, моя судьба вышла не лучше судьбы того чувака. У меня была любимая девушка, она была прекрасна! Но теперь я сплю и обнимаюсь с какой-то дворовой собакой. Но моя жизнь только начиналась...

Ещё 5 месяцев спустя...

Я стал бомжом. Истошал до предела. Меня всё чаще стали посещать мысли о легком пути. Но для начала я, как мой кумир, решил записать свою историю. Чтобы потом кто-то, такой же, как я, прочел её и, может, сделал выводы... а может, мне просто было нечего делать, поэтому я старался занять себя хоть чем... Написав часть своей истории, решил вздремнуть.

Мимо стал проходить новый сторож KTGF. Старого уволили вместе с уборщицей за то, что один раз они решили за-

няться сексом прямо на одном из столиков, только не заметили, как начали приходить гости с детьми.

Новый сторож был какой-то потрепанный, с огромным шрамом на голове. Он прошёл мимо меня, увидел лист бумаги с моей историей. Решил поднять и прочесть. Глаза его полезли на лоб. К тому времени я уже не спал.

– Ну привет. Что, жизнь потрепала? – присел он рядом.

– Да уж... В жизни полная жопа. Сам видишь: сижу, ничего не могу сделать. Я лишился всего.

– Как же мне это знакомо!

– Как это может быть тебе знакомо?!

– Да, вот... видишь ли... Я и есть тот самый парень, которого изнасиловали геи... Ну... Из твоей истории, – он ткнул в написанный мной текст.

Таким заявлением я был потрясён, причём изрядно. И правда, он полностью подходит под описание того человека. Как же тесен мир...

Но, по крайней мере, теперь я смогу узнать конец истории моего кумира. Я резко дёрнулся к нему, начал спрашивать его историю. Он без отговорок рассказал всё.

Рассказ кумира

На третий день моей жизни с бомжом он наконец проснулся. Только встал, сразу посмотрел на меня и попятился назад. Ну конечно... Спишь на улице, просыпаешься,

а рядом лежит какой-то мужик без штанов, весь в крови...

Он начал орать матом. Спросил, что я за гей. Я ему:

– Спокойно, я не из этих. Хотя меня недавно и поймали двое... – не знаю, какого чёрта у меня это вырвалось.

– Фу, свали отсюда! – заорал он, снова приправив свои слова матом.

Затем он взял разбитую бутылку и полез на меня. Мне не составило труда увернуться от удара и выхватить у него бутылку. А этот идиот, как дегенерат, прыгнул прям на меня... Прям на эту бутылку...

Она вошла ему в грудь наполовину, мужик упал на асфальт, весь в крови.

– Ну... Ещё один труп... – сказал я себе. – Полная жопа.

Надев штаны бомжа, я спрятал его тело в мусорном баке. И мне в голову пришла мысль: отомстить соседям за то, что они со мной сделали.

Я пришёл к дому к полуночи. Свет у них еще горел. Я решил подождать. Через час свет не погас.

– Хрен с ним, – думаю я, – что они мне сделают?

Вошёл в дом, сразу услышал мужские стоны в верхней

комнате. Взял тот самый топор, которым убивал семейную пару с предательницей во главе.

Поднялся наверх в комнату соседей и увидел: они трахаются прямо на столе. Я захожу в комнату с криком:

– Ну чего, суки?!

Они не успели ничего сделать, как я расколошматил их лица топором. После этого я закопал их тела во дворе. Чёрт, только подумал... Там уже 5 могил. Кладбище целое. А ведь у меня было ещё одно кладбище, только официальное.

Ну ладно, жизнь понемногу наладится. Я выбросил все «игрушки» геев, убрал дом. Сам переоделся, умылся. Нужно было быстро заработать денег, чтобы оплатить по полной дом и обеспечить себе нормальное проживание. Продажа гробов была не такая прибыльная. Мне нужна была дополнительная работа. Но никуда, кроме КТGF, меня не взяли. Однако, этого было достаточно...

Игорь Строганов

Как и хотел, я узнал историю кумира. Лучше мне не стало. Ну ладно, хватит жить прошлым...

– Я тебе помогу, – вдруг говорит он, – можешь пожить у меня. Я помогу тебе вернуть работу.

– Правда?

– Правда, правда!

– Спасибо, серьёзно!

Что могу сказать? Да можно ничего и не говорить... Неужели жизнь налаживается? Я пришёл в свой новый дом, занял комнату, оставил свой пакет из KTGF с личными вещами: Листом бумаги с моей историей, недоеденной булкой и еле работающей зажигалкой. Когда я привел себя в порядок, спустился вниз. Там уже сидел мой кумир...

Как же надоело про себя называть его «кумиром» или «тем парнем» ...

– Слушай, всё забываю спросить, тебя как звать-то?

– Михаил.

– Что же, хорошо.

– Тебя-то как?

– Игорь.

– Очень приятно! А знаешь, что? Называй меня Папкой.

Сам понимаешь, всегда хотел сына иметь.

Тут я вспомнил о родителях.

– Куда же они подевались? – спросите вы.

Умерли. У них обоих было редкое смертельное заболевание. За месяц до дня рождения Леры болезнь прогрессировала и убила их. И из-за всей хрени, что обрушилась на меня

в эти пять месяцев, я умудрился забыть об этой трагедии...

– Так. Ты, как я понимаю, сдыхаешь с голоду. – похлопал меня по спине Папка. – Пошли в бар, пожрёшь хоть нормально, потом выпьем.

– Да, пожалуй, мне не помешает...

Я словно с цепи сорвался. Съел за двоих. Но наступает время выпить. Папка позвал официанта и сказал ему:

– Давай, как всегда.

Официант через две минуты принес нам бутылку с какой-то синей жидкостью. Я сначала испугался цвета и вони от этого пойла. Но потом послал всё к чёртовой матери, схватил стакан.

– В хлебнём же мы сего нектара жизни, что нам дает уверенность в себе, здоровье и любовь к отчизне... – заговорил стихами Папка.

– Ну, что стоишь? Налей и мне! – подхватил я.

Папка налил мне полный стакан. Я вылебал его залпом. Вкус этого пойла сначала показался похожим на вкус мочи. Очень горячей мочи. Но потом в горле заиграло, запело, задрожало и так далее...

Непередаваемые ощущения...

Ещё месяц позади...

Я вернул себе нормальную жизнь. Заново сделал документы, вернулся на учёбу. Папка помог устроиться назад в KTGF. Казалось бы, всё наладилось! Мир снова в ярких красках! Хэппи энд!

Ничего подобного...

Мне недоставало для полного счастья только девушки. И после всего дерьма я вновь решил заняться активным поиском второй половины. Единственные нормальные девушки, которых я знал – мои однокурсницы. К слову, в универе интересовались, куда я пропал всё это время. Вскоре я не выдержал и выдал всё, кроме, естественно, истории Папки. Он всё-таки 50 человек убил...

Многие были впечатлены, некоторые говорили, что я всё наврал, другие мне верили.

Но вернёмся к делу: из девушек выделялась одна. Её звали Соней. Она была умна, красива и добра. В последнее время по вышеперечисленным причинам меня многие обсуждали. И со мной разговаривали. В общем, как-то так, мы и начали общаться. Насчёт моей истории она ничего не говорила. Но, скорей всего, в неё не верила. Может это даже к лучшему...

Просто, те девушки, кто мне поверил, обходили меня стороной и шептались о том, как я был грязным бомжом.

За время нашего общения Соня мне вполне понравилась. Я начал за ней ухаживать. Сначала с малого, так как уже имел горький опыт (и не слабо горький): Дарил цветы по праздникам, приглашал в кафе после занятий. Много в начале не хотел тратить на случай, если её разлюблю, или она сама уйдёт.

Но, сука, любовь – ужасная вещь.

Я начал привязываться к ней и понимать: её я вряд ли разлюблю. Послав осторожность, я начал действовать. Благо, денег было достаточно. Цветы, подарки, рестораны. Хоть у меня всё это вызывало наихудшие воспоминания, девушку это радовало. Поэтому я просто не мог всё так бросить.

Об учёбе я не забыл. Наверстал, закрыл сессию, написал курсовую. Пусть и с запозданием... в итоге перешёл на второй курс.

Впереди было ещё два месяца лета. У меня появилось много свободного времени. Поэтому я решил в кратчайший срок завоевать сердце милой Сони. К этому моменту мы уже общались, почти как влюблённые. Официальности не хватало.

И у меня даже был вариант, как это можно устроить. Наконец, суд решил передать всё имущество родителей мне.

Очень много времени возился с этим вопросом. В итоге даже пришлось отдать часть наследства каким-то там дальним родственникам, которые приехали из другого города, лишь бы отрезать себе немалый кусок пирога.

Но не суть. У меня появился нормальный дом. И деньги. Поэтому я решил отметить, собрать друзей и товарищей с универа. Конечно, пригласить Соню. И устроить крутую вечеринку с алкоголем и танцами.

Как же я жалею, что решил сделать это...

Вот и день вечеринки. Дом был достаточно большой. Я смог расположить 20 человек народу. Пришли все, с кем я хоть как-то общался. Правда, люди были разнотипные. Очень разнотипные... В уголке сели четыре задрота во главе с тем самым Васьком. На диване расселись «альфа самцы» с девушками на коленях. Кто-то просто сидел у барной стойки и пил виски...

Такое собрание пестрых людей надо было раззадорить. И так, как я всё это задумал, на мои плечи и легли все обязанности. Я изготовил «Нектар жизни» по рецепту Папки, только подсластив, иначе всех просто вырвет. Среди приглашённых был мой товарищ, умеющий поднять народ на ноги. Поэтому ему я поручил роль ди-джея.

Тусовка началась. Музыка понравилась основной части приглашённых. Все поднялись для танцев, кроме задротов,

конечно же. Они, наверное, обсуждали что-то о-о-чень важное. До сих пор не могу понять, какого чёрта я их позвал... Может, из уважения к тем временам, когда мы с Васьком сидели за одной партой, смеялись и раскрашивали картинки в учебниках? Тогда это казалось смешным. Но наши пути разошлись. При этом мы остались неразделимы... Странное явление...

Хотя наплевать на них. Пусть не мешают. «Нектар жизни», даже подслащённым, сначала казался дерьмом на вкус. Однако, подождав немного, люди получили тот самый всплеск эмоций. От таких ощущений настроение еще больше поднялось. Все пустились в бешеные танцы.

Меня же больше волновала Соня. В конце концов, это всё ради неё. Я решил не мешкать, пригласил её на танец. Она, конечно же, согласилась.

Мы танцевали. Соня кружилась так грациозно. Да, конечно, это вам не произведение Толстого. Мы не выделялись из толпы. Она не затмевала своей красотой всех девушек на вечеринке. Однако для меня это было божественно...

Соня немного устала. Мы присели отдохнуть. Верней, присела она. Мне отдыхать было некогда. Самое время сделать следующий шаг.

Я взял на шкурку Виктора, моего друга. Мы отошли в сторонку. Я сказал ему о своих намерениях и заставил его следить за Соней, пока не вернусь.

Я вышел из зала. Надо было забрать украшения для по-

дарка. Плюс, как в предыдущий раз, я подготовил стихи. Для уверенности я еще пару раз их повторил.

Прогулочным шагом я направлялся в зал. Довольный, уверенный в себе. Зашёл, окинул комнату взглядом, и нигде не нашёл Сони. Недовольный, я подошёл к Виктору.

– Какого хрена, где Соня? Я же сказал тебе за ней следить!

– Да она пошла с Дрыщём куда-то. Они о чём-то сидели, шептались.

– Ничего не понимаю...

– Что-то случилось?

– Да нет, иди веселись. Вон, Рита одна сидит. Пригласи её на танец.

Я быстро вышел из зала, осмотрел нижний этаж. Здесь их не было. Дьявол, а ведь на втором этаже были только спальни... Бегом поднялся на второй этаж, прислушался. Вдруг услышал хихиканья и странные вздохи. Они доносились из одной спальни. Я подошёл к двери, прижался к ней ухом.

– Ну же, быстрее, снимай штаны!

– Слушай, а с твоим дружкой как?

– Ты об Игоре? Этот лох ничего даже не подозревает!

– Зачем ты с ним вообще связалась?

– Как «зачем»? Посмотри, сколько денег можно с него стясти! Этот влюблённый идиот сделает для меня всё что

угодно. Мне надо только притворяться, что я такая миленькая невинная девочка.

– Блин, а хорошо у тебя это получается. Стоит ли мне опасаться той же участи?

– Ха-ха. Ну не знаю. Может быть и ты мне надоешь. Тогда я буду водить тебя за яйца лишь ради выгоды.

– Только попробуй...

Послышался смех, а затем смачный поцелуй.

– Но лучше поскорей кончай с ним.

– Не бойся, дорогой. Я узнала, где он живёт. Можешь заглянуть туда со своими ребятами и всё полностью забрать. Игорь с каким-то старым хреном живёт. Думаю, справишься...

– Слушай, а что медлить? Ребята сами управятся, пока этот олух тут ошивается. Позвоню им...

Соня! Вот же шлюха! А я в тебя влюбился! Сука, насколько бы Папка не был крут, он не справится. Надо помешать Дрыщу! Я попытался открыть дверь. Заперта. Ногой её я не выбью, очень крепкая. Поэтому я побежал за чем-то тяжёлым. Взяв железный стул, я начал бить в дверь. Зараза, скорей всего, Дрыщ успел позвонить его корешам. Я наконец выбил дверь. Передо мной стоял Дрыщ со спущенными штанами и испуганная Соня, стоявшая на коленях.

Я был так зол, что, не разбирая, схватил фамильную саблю со стены и зарубил обоих к чёртовой матери. На шум и крики сбежался весь народ. Я был весь в крови, с саблей в руке, на полу валялись отрубленные конечности. Девушки закричали. Все побежали вызывать полицию...

Я просто не мог...

Позволить им...

Это сделать...

Позволить им...

Просто так...

Уйти...

Благо, всю неделю в этом регионе были проблемы со связью, а двери в дом были сделаны так, что открывались только ключом с обеих сторон.

Ключи были только у меня. Значит, времени у меня достаточно. Я быстро пошёл за ними. Меня попытались обезвредить двое крепких парней. Но я был готов: у Папки узнал несколько приёмов. Так что несколько раз удачно увернулся. Однако, подбежал третий и со всей силы ударил по лицу.

Я упал на четвереньки, начал принимать множество ударов ногами по тел. Силы кончались. Казалось, сейчас они меня забьют. И всё, конец. Но я нашёл в себе силы, дотянулся до сабли и, замахнувшись, отрубил одному парню руку по локоть.

Отрубленная рука упала на пол, рядом с моими ногами. На её прежнем месте из мяса виднелись разрубленная кость, кусок сустава. Если приглядеться, можно было заметить вены, из которых без конца сочилась кровь. Парень упал на колени и громко закричал от боли. Кровь из его обрубка залила всю мою одежду. От такого зрелища двое других парней перестали меня бить и, отойдя в сторону, с ужасом смотрели на картину.

Я быстро поднялся и проткнул парня насквозь. Напоследок он посмотрел на меня. Его глаза были полны страданий, а слёзы лились ручьями. Из его рта резко полилась кровь. Парень захлебнулся этой кровью и упал замертво.

Два других парня опомнились, схватили ножницы и бритву, побежали на меня. Я спокойно увернулся от их выпадов. И нанёс ответный удар. Одному рассёк позвоночник и рёбра, другому отрубил голову до носа. От всех этих убийств у меня возникло странное чувство. Будто, мне это нравилось...

Мне нравилось убивать... Я поступал неправильно, и знал это, однако, моя жизнь и так разрушена. Я был зол на весь мир, и готов был убить любого.

Пойдя по коридору, я вдруг услышал женский плач за за-

крытой дверью. Открыв дверь, я вошёл внутрь. На кровати сидела Рита. Вся заплаканная. Увидев меня, она прижалась к стене. Может, я смогу договориться, чтоб она ничего никому не рассказывала? Я так не хочу её убивать.

Не подходя ближе, я жестами начал успокаивать Риту. Говорить, что не трону её. Но тут мне на спину кто-то запрыгнул, начал закрывать глаза тряпкой. Это была девушка. Я быстро сбросил её со своей спины и несколько раз проткнул её живот. Когда я поднял глаза, Рита уже стояла с ножом в руке.

В комнату забежал Виктор. Он держал битую

– Не смей её трогать, урод! – прокричал он и набросился на меня.

Я пропустил сильный удар по груди, но быстро очухался. Ударив Витю по лицу, толкнул его к Рите. Однако промахнулся... Витя быстро полетел к окну, своим телом выбил его, вылетел наружу и разбился насмерть.

Рита не выдержала, зарыдала и подставила нож к запястью. Я поздно это заметил. Она быстрым движением руки перерезала себе вены вдоль запястья. Кровь сильным напором полилась из пореза. Рита сразу упала на пол. А когда я подошёл, чтобы оказать ей помощь, сжала нож в трясущейся руке и воткнула себе в горло...

Она не смогла смириться с увиденным: смертью друзей,

парня, который ей наверняка нравился. Она предпочла быстрый и лёгкий конец жизни с такой душевной травмой...

Я пошёл дальше. На первом этаже меня поджидали объединившаяся компания из троих парней и одной девушки-спортсменки. Они уже успели найти себе оружие. Один взял кочергу из камина, причём нагрел её на огне. Вторым нашёл ещё одну саблю на стене, у третьего был пистолет. Девушка же вооружилась перочным баллоном и кухонным топориком.

Тот, что с пистолетом, нацелился на меня. Я бросил в них саблю для отвлечения, прыгнул к столу, перевернул его. Спрятался и начал считать выстрелы.

Раз, два, три... Пули пробивали стол насквозь, поэтому я лёг на пол. Четыре, пять, шесть, семь... Тут пистолет издал щелчок. В тот же момент я быстро выпрыгнул из укрытия, побежал на компанию. Всё происходило очень быстро. Первым меня встретил парень с саблей. Он замахнулся, я попытался развернуться, но немного не успел. Сабля оставила на левой руке небольшой порез. Однако, я оказался у него за спиной, схватился за его голову и резко двинул ей по кругу. Шейная кость хрустнула, развернулась на несколько градусов. Парень начал падать. Прямо в падении я успел выхватить его саблю.

Как только я развернулся, сразу увидел раскалённую кочергу перед лицом. Она прилетела мне по челюсти так силь-

но, что раздробила несколько зубов на кусочки, а сама челюсть скривилась. А раскаленность кочерги дала дополнительный эффект.

Я удержался на ногах. Стонав от боли, замахнулся саблей. Под удар парень успел подставить кочергу. Орудия с грохотом ударились друг о друга. Я сквозь боль ударил его левой рукой по лицу. От удара парень отпустил кочергу, а сабля продолжила быстрое движение, рассекла голову парня вертикально пополам.

Последний парень успел зарядить пистолет, начал нацеливать его в мою сторону. Я быстро рванул к нему, взмахнул на бегу саблей, отрубив ему два пальца. Пистолет самостоятельно выпал из искалеченной руки.

Вдруг я почувствовал удар на левую руку. Он был настолько силён, что кость с хрустом переломилась. Из кисти вышел топорик, оставив её висеть на небольшом куске мяса. Я закричал от сильной боли. Из моих глаз невольно покатались слёзы. Однако, ненависть будто предавала мне сил. Не давала просто так сдаться.

Кисть руки сейчас послужила бы мне обузой. Я решил, что лучше до конца её отрезать, что незамедлительно сделал быстрым взмахом сабли. Кровь без конца лилась из культияпки и изо рта, в глазах всё больше темнело.

Парень успел прийти в себя. Воспользовавшись моей растерянностью, он схватил меня, поднёс лицом к девушке. Та уже навела на меня перечный баллон, готовая выжечь мне

глаза. Но я быстро среагировал.

Парень держал меня руками сзади. Я резко двинул головой назад, ударив его затылком. Воспользовавшись моментом, вырвался из его рук и, так сказать, поменялся в нем местами, направил его лицо к баллончику, из которого тут же вылетели жгучие испарения. Бедолага схватился за глаза и издал такой душераздирающий крик, что любому стало бы жутко.

Я не мог более слушать этот крик, поэтому немедленно свернул ему шею.

Увернувшись от удара девушки, я прыгнул к сабле, схватил её и одним мощным ударом отрубил спортсменке правую часть грудной клетки с головой и рукой.

Я осмотрелся. Никого поблизости не было. Поэтому я нашёл время, чтобы перевязать себе место отрубленной руки, остановив тем самым кровотечение. У парня в кармане я нашёл использованный шприц с остатками наркотика. Крови у меня было мало. Чтобы выжить, нужно было больше. Поэтому я решил найти Женю – девушку, у которой была моя группа крови. Чёрт, я узнал это случайно, зачем-то запомнил... А теперь это, возможно, спасёт мне жизнь. Хотя, о какой жизни я говорю...

Насколько помню, Женя перед резнёй отлучилась в душ. Наверху я её не видел. Возможно, она всё ещё там. Постучавшись в ванную комнату, я ничего не услышал. Решил войти...

Женя сидела в одном нижнем белье у душевой кабинки. Шторка кабинки была занавешена. Увидев меня, она прижалась к стене.

– Нет, прошу! – расплакалась она. – Не убивай!

– Не бешпокойфя, – я пытался чётко выговаривать слова своей отбитой челюстью, – мне нушно лиф отню пеуелиуание кроуи. Я не хочю тебя убиуать.

Женя была моей подругой. Знала, когда я не вру. Поэтому кивнула и сказала:

– Яна, выходи!

Шторка кабинки раздвинулась. Оттуда вышла Яна, тоже в нижнем белье. На её шее был виден засос. Хотя на тусовке его не наблюдалось... Впрочем, разве я должен сейчас думать об этом, когда вокруг творится такое?

Яна взяла шприц, помыла его и высушила. Осторожно ввела в вену Жени, набрала в него кровь. Женя несильно вздрогнула, однако это не помешало. Когда шприц был выведен, Яна поцеловала Женю в лоб, поднесла шприц ко мне, после чего успешно ввела кровь в мою руку. Мне полегчало, в глазах посветлело. Я поблагодарил девушек. Сказал, что выведу их. Но вдруг случилось неожиданное.

Дверь в душевую распахнулась, к нам залетел ящик с подожжёнными петардами. После чего дверь сразу же захлопывается. Я мгновенно вскочил, взял Яну за руку, чтобы поднять на ноги. Девушки встали следом за мной. Мы вместе начали биться в дверь. Такого напора она выдержать не смогла.

Дверь с шумом вылетела. Яна выбежала первой, я за ней.

Мы бросили взгляд на Женю. Она попыталась выбежать, но поскользнулась на луже и упала.

Петарды догорели и взорвались. Душевая наполнилась взрывами, светом и огнём. А в громком шуме взрывов можно было различить крик страдающей от боли Жени.

– Женя! Нет! – закричала Яна и бросилась обратно. Я еле её удержал.

Слезы не переставали литься из неё красных глаз. Из-за угла выбежали две девушки, видимо, и устроившие такой теракт.

– Отвали от нее! – кричали они, – Яна, беги!

Яна поднялась на ноги. Но вместо того, чтобы последовать их совету, взяла осколок стекла с пола, подошла к одной из девушек и впиалась этим осколком ей в горло. Начала нещадно резать. После сунула руку в разрез, вырвала оттуда часть сонной артерии. И напоследок начала без конца протыкать грудь ненавистной девушки. Вторая хотела ударить Яну, но я успел рубануть ей ключицу, отчего та упала замертво.

Яна наконец прекратила. Упала на колени и заплакала еще больше. Её руки были в крови, как и всё тело. Её пробира-ла дрожь. Подняв на меня глаза, сумела сказать только два слова:

– Убей меня!

Я попытался её утешить, но Яна не прекращала повторять одно и то же. А в очередной раз выхватила у меня саблю и проткнула себе сердце. Я заглянул в её красное от слёз лицо. Она не смогла бы жить без Жени. Они любили друг друга. И похоже, я разрушил им всю жизнь. Или, может это Соня?..

Я вернулся в зал, где проходила главная тусовка, там сидели те самые четыре задрота, продолжали о чём-то говорить. Чёрт, тут только что произошла жестокая бойня. А они, как ни в чем не бывало, продолжают болтать. Я подошёл к Ваську поздороваться.

– Ну приет, как деа? – челюсть давала о себе знать.

– О, привет! Я ничего, как сам?

– Да уот, понемноу...

Я уже не мог сдерживаться. Хотя не знаю, какую эмоцию я пытался сдержать. Мне было и смешно от абсурдной невозмутимости этих идиотов. Было и печально от всего пережитого. Быть может, ещё немного, и я бы засмеялся смехом безумца со слезами на глазах.

– Правда? С зубами твоими что-то не очень. Ко врачу сходи. – сказал он, – Слушай, а ты когда в квартире приберёшь-

ся?

– А фто там такое?

– Ну как? Труп Леры... Её убили же, прикинь! Тело то лежит, надо убрать.

– Фтоп. Хофешь фказать, фто её тело ефё там?

– Конечно!

Думаю, сложно описать данную ситуацию без ругательств. С того момента прошло более чем полгода, а он так и не убрал её труп. А самое главное, не пускал меня долгое время. Не знаю, почему...

– Это... Ты извини. Понимаешь, один раз мне стало скучно. Ну, сам понимаешь, девушку хочется. И думаю... В общем... Я немного воспользовался её телом...

Границы давно пройдены. Такого я ожидать не мог. Он использовал тело моей прежней любви, как сраную секс игрушку. Я, думая сначала оставить его в покое, обозлился на него больше, чем на всех вместе взятых.

Двумя быстрыми взмахами сабли я разрубил его дружков на мясо. Потом ударил его по лицу, швырнул в стену. Он с силой ударился о стену, упал.

– Ты что? Я же извинился! Она же уже мертва! Если хочешь, я могу помочь убраться...

– Туою мать, ты неуменяемый? Увидимо, у тебя мосгоф нет! Ты на фмерть подруки дафе унимания не обратил. Более тоуо, не пуфкау меня забрать и похоронить теуо. Так ефё, фука, туахнул её! Ну, конец тебе!

Я распорол ему живот, засунул руку внутрь, нащупал кишки, ухватился за них и резко выдернул руку вместе с кишками. Его глаза наполнились слезами. Он издал громкий крик. Но я не останавливался. Он заслужил страдать. Я надрезал кишку, запихнул отрезанным концом ему в рот и сильно надавил. Всё содержимое кишок вылилось ему в глотку. От такого он резко оттолкнул меня, упал на пол, вытащил кишку изо рта и блеванул всем дерьмом, что было у него в кишках.

Я снова прижал его к стене и пригвоздил его к ней саблей. Он истекал кровью, смотря на меня залитыми слезами глазами. Я вцепился своей единственной рукой ему в горло и начал со всей силы душить. Он пытался освободиться, но от боли уже не мог ничего сделать. Наконец, он перестал дёргаться, его руки опустились и глаза потускнели. Он был мёртв...

В нашем старом доме, в котором рождалось, жило и умирало несколько наших поколений, в котором не так давно скончались мои родители, были безжалостно разрублены на части 20 студентов...

Я убил их всех. Из-за любви... Знаю, возможно, мог бы обойтись без этого. Но моя ненависть не давала мне управлять телом. И даже люди, которых я и тронуть не хотел, погибли в тот день. Некоторые случайно, некоторые предпочли убить себя сами...

Я уже не знал, что делать. Из живых товарищей остался только Папка. Я просто побрел к его дому, надеясь, что до него не добрались. Весь в крови, без руки, с отбитой челюстью, с многочисленными побоями... Я мог много раз умереть в этой резне, но выжил. Более того, убил всё на своем пути. А ведь все они были обычными мирными людьми. Никто из них никогда бы не заслужил такой смерти...

Я подошёл к дому. Видно, что тут была перестрелка. У меня в мозгу промелькнула мысль, что Папка всё же справился и убил всех уродов...

Напрасно, дом разграблен, всё вынесли. Папки нигде не было. Наверняка они убили его и забрали тело с собой, чтобы не было улики...

Многие говорят, что, мол, любовь спасёт мир. Я считаю – говно это всё! Как может спасти то, что в большом количестве случаев разрушает жизни. И то, ради чего человек может пойти на самые ужасные поступки? Многие скажут:

– Но ведь, ради любви люди делают и прекрасные вещи, любовь даёт людям радость и счастье!

Не совсем верно, это делает не вся любовь, а лишь взаимная. Если люди любят друг друга, будет радость и счастье. И, совершая правильные деяния, ты видишь, что всё не напрасно.

А если любовь только односторонняя, её жертва идёт на разные поступки, которые не всегда являются правильными и хорошими. И, если это никак не улучшает отношения между людьми, жертва начинает страдать. Безуспешно пытаться сделать хоть что-то, не спать ночами, разрушать психику. Затем – пытаться смириться...

И если это безуспешно, может дойти до суицида или су-машествия... И я – живой этому пример. Пока что живой. Думаю, ненадолго...

Чёрт, всему конец! У меня была любимая девушка, она была прекрасна! А теперь я стою на коленях с саблей в руке, готовый пронзить себя ей насквозь...

Вот она, ваша любовь во всей её красе...

За десяток минут до этого...

Михаил

Выстрел разразился таким громом, что в ушах зазвенело. Мышцы свело. Я не мог пошевелиться. Руки затряслись, выронили мой многострадальный топор. Дыхание перехватило. С огромным усилием я опустил голову, посмотрел на

свою грудь. И ужаснулся. В груди была дыра, из которой уже сочилась алая кровь. Вскоре я почувствовал сильный привкус железа во рту. От ужаса и с запозданием проявившейся боли я уже не мог держаться на ногах. Пошатнувшись, я повалился на спину, услышав под конец лишь скрип паркета и смех уродов, залезших в дом. Но и эти звуки, и даже звон в ушах, начали затихать. Глаза закрылись сами собой. Это конец...

Я летел в тёмную пропасть, постоянно видя дно этой пропасти. Но оно будто становилось всё дальше. Здесь не было ничего. Даже моего тела не было видно в непроглядной темноте. А может, его и вовсе не было...

Вдруг сердце сильно забилося, я почувствовал тепло. Меня затрясло, а темнота начала рассеиваться. Я увидел своё тело. В груди на месте дыры был лишь небольшой шрам. До ушей донеслось слабое звучание, которое нарастало ежесекундно. И вдруг меня дёрнуло, изогнуло и пробудило...

Я раскрыл глаза, жадно захватил в себя воздух. От резкости я раскашлялся, начал выплёвывать накопившуюся во рту кровь. А после осмотрелся, быстро остановив свой взгляд на двоих: молодом парне и мужике средних лет.

У парня ярко выделялись впалые щёки. Ко лбу от пота прилипло несколько каштановых волосков. Глаза были об-

рамлены чёткими бровями сверху и пугающими мешками снизу. Одежда его была грязной и изодранной, будто он бился с тигром на смерть.

Мужик же был чист. Поразительно чист. На нём буквально не было ни пылинки. Одежда была, как с иголки. Лысый лоб блестел на слабом свете из окна, а тёмная залысина была уложена превосходно, словно парик.

Это не были грабители. Не помню, чтобы они были среди нападавших... Парень сидел на корточках рядом, разглядывал мою грудь, в которой, и вправду, уже не было дыры.

– Шак'Хид, невероятно! – сказал он радостно. – Сработало! Поздравляю, мы вернули его к жизни.

– Неожиданно. – ответил мужчина. – Как он?

Парень ничего не сказал, лишь повернулся в мою сторону, мысленно переадресовывая вопрос ко мне.

– Я... – с трудом, избавляясь от крови во рту, ответил. – Я не знаю... Голова кругом.

– Ну естественно! – кивнул парень. – Из мёртвых только что восстал. Тебе придётся отлежаться несколько дней. Но, к сожалению, здесь оставаться нельзя. Кто знает, может эти уроды придут отомстить...

– Отомстить? За то, что они меня ограбили... И убили?

– За то, что мы от них избавились.

Я не ответил, язык поворачивался с трудом.

– Так, всё! Пора идти, давай руку.

Они помогли мне подняться. Поддерживая с обеих сторон, повели меня к выходу.

– Стойте... Стойте... – проговорил я тихо.

– Что такое?

– Игорь... Надо найти Игоря... Это... Мой друг...

– Позже. Всё позже. Обещаю, мы за ним вернёмся. А сейчас у нас нет времени...

Глава 4, Яйцо или курица

Юра Щапов

Моему восемнадцатилетнему двоюродному брату поручили присмотреть за мной на время отъезда родителей. Как на зло, на этой неделе у него с друзьями была запланирована тусовка. Он ждал её целый год: тусовка должна была происходить в элитном центральном стриптиз клубе «Старик Эсс Шейкер». В тот день посещение клуба было абсолютно бесплатным.

– Там будут и проститутки, и накуренные друзья, и бывшие одноклассники... Танцы в пене до утра... И всё без единого рубля! – увлечённо повторял мой брат.

Он просто не мог пропустить это событие. Поэтому ему в голову пришла замечательная идея – взять меня с собой.

Я стоял рядом с ним у стрип-клуба, мы ждали его друзей. Изнутри была слышна музыка. Вот, наконец, подошла весёлая компания...

В этот день Старик Эсс Шейкер, владелец клуба, объявил так называемый «День открытых дверей», ведь клуб работал свой последний день перед закрытием. Причина не разглашалась. В любом случае, охраны у входа не было, поэтому я спокойно прошёл в клуб.

Внутри творился полный хаос: на тусовке находились люди со всеми возможными сексуальными предпочтениями: геи, лесбиянки, зоофилы, педофилы, разного рода фетишисты, эксгибиционисты, трансвеститы, онанисты, садомазохисты, вуайеристы, аутоасфексиофилы, фроттеристы и даже некрофилы. Представили картину? Представьте теперь, что половина этих людей занималась каждый своим, так сказать, любимым делом. Это зрелище меня шокировало.

Мы сели на диване в углу. Все заказали много алкоголя, начали выпивать. В конце концов, всё было за счёт заведения. Наша компания ещё достаточно робко распорядилась щедростью клуба. Некоторые люди были настолько наглыми, что пытались забрать из бара весь алкоголь, чтобы затем просто вынести его из клуба и распродать чуть позже. Благо, здесь всё ещё были остатки охраны, поэтому таких наглецов

отлавливали.

Брат сказал, что я могу погулять, лишь бы я не мешался. У меня был выбор: сидеть с пьяными подростками, считающими себя взрослыми, или пойти восвояси искать приключений на задницу. Недолго думая, выбрал второе.

Я начал бродить по клубу. Все оглядывались, недоумевая, какого чёрта я тут забыл. Одна выпившая девушка шлёпнула меня по заднице с просьбой ей потрясти. Я не ответил и пошёл дальше.

Дошёл до лестницы, решил подняться наверх. На втором этаже находились спальни. Я пошёл вдоль длинного коридора. За каждой дверью были слышны крики и стоны, а воздух был пропитан кальяном.

Я дошёл до конца коридора, до золотой двери, на которой красовалась серебряная надпись:

«Ложа Старика Эсс Шейкера»

И подпись внизу:

«Пошли в зад от моей двери!»

Я не обратил внимание на подпись (она была мелким шрифтом). Поэтому бесцеремонно зашел в комнату. Эта спальня была просто огромной. Было слабое освещение, всё в романтическом стиле. В центре стояла трёх спальная кро-

вать. На ней лежал какой-то старик. Он хриплым тихим голосом сказал:

– Кто там ещё? Написано же, идти в зад от моей двери!

– Простите, уже ухожу...

– Стой, для обычного посетителя моего клуба у тебя слишком вежливый... и детский голос... Сколько тебе лет?

– Двенадцать.

– Подойди ближе!

Я подошёл к кровати. Он пригляделся ко мне. И расплылся в улыбке.

– Ах, в тебе я узнаю себя, – продолжил он, – ты знаешь, как я получил этот клуб? Я встретил его владельца, когда тот умирал от смертельной болезни. Помог ему дойти до выхода, где его ждала скорая помощь. Тогда он, не имея детей, завещал мне всё своё состояние и клуб, а на следующий день умер. К чему это я... Ты молод, энергичен и юрок. А я уже стар, более того, болен какой-то там хренью. То ли камни в почках, то ли печень шалит... У меня всего одна дочь, которая, притом, категорически против того, чтобы я содержал клуб. Она всю жизнь со мной на эту тему ругалась. Мне некому было передать клуб. Боялся, что придётся его закрыть, но вот, увидел тебя...

Я стоял в шоке, не зная, что ответить.

– Ты любишь танцевать?

– Ну, да, люблю.

– А умеешь ли танцевать так хорошо, что всех девочек сразу бросает в пот?

– Н-Нет... – засмутился я. – Я не слишком хорошо танцую...

– Не беда. Знаешь, что кроме всего прочего дал мне прежний владелец?

– Нет, не знаю, что же?

– Свой титул Эсс Шейкера и способность танцевать лучший тверк в мире, как и стриптиз, кстати. Титул Эсс Шейкера он получил от прежнего владельца. И, насколько я знаю, титул этот никогда не передавался по наследству, всегда меняя фамилию своего носителя. И теперь я могу передать всю мудрость танца задницы тебе, ибо ты идеальный кандидат на это дело. Глянь на свою задницу! Она гладка и упруга!

Он дал мне первый и последний урок, после чего сел на кровать и сказал:

– Смотри, не потеряй клуб! А, вот ещё что, пото...

Схватившись за грудь, он упал на кровать и быстро скончался. Я стоял неподвижно несколько минут, как бы поми-

ная его. Хоть я и не знал его достаточно хорошо...

Он дал мне всего один урок, но мне этого было достаточно. Я постиг всю сущность тверка и стриптиза. Видимо, я был и вправду избран свыше для этого дела. Теперь пару занятий, и я буду лучшим танцором задницей в мире, достойным звания Эсс Шейкера.

Стрип-клуб теперь принадлежал мне. Я мог делать всё, что захочу. И я решил возобновить его работу. Одна проблема – денег не было. Под кроватью Старика я нашёл несколько сейфов, но все закрыты на код. Чёрт возьми, Старик забыл сказать мне коды от сейфов, каким образом теперь их открыть?

Я вышел в зал. Все уже ушли по домам, не оставив ни единой бутылки в баре, ни единой не заблёванной, испачканной или облитой алкоголем подушки и матраса. Танцовщицы отработали своё, поделили заработанное и ушли. Брат и его компания напились и скурились в хлам.

Подойдя к моему лежащему на диване брату, я потыкал его. Он отмахнулся и издал стон, приоткрыл глаза.

– К-то? Ч-Ч-то?

– Ну, хорош, выметайся! Клуб закрыт! – сказал я резким голосом.

– А... А бра-а-ат мой гд-д-де?

– Это тот мелкий? Что ошивался тут?

– Ну да-а-а! О-о-он!

– Мне очень жаль...

– Чё теб-бе жаль?

– Он мёртв...

– Чё? Как? – он уставился на меня красными глазами.

– Передоз алкоголя. Его какие-то парни посадили к себе и давай наливать. Ну и вскоре он настолько опьянел, что упал на пол без чувств. Так что смотри, впредь не пей столько.

Знаю, я поступал подло и рискованно. Но без риска не было бы и клуба. Если пойти домой, продолжить жить с родителями, то, узнав о клубе, точно закроют его и продадут здание. И я не хотел жить, как все обычные дети. Все говорят об учёбе, о будущем. Дети мечтают стать пожарными, полицейскими, чуть позже некоторые передумывают в сторону врачей, ещё чуть позже – в сторону архитекторов. Но я не хотел быть таким. Никогда. Ни разу я не сказал, что яростно хочу стать кем-то конкретным. Оставлю это на других. Я говорил лишь, что хочу нести людям радость, развлекать их. Но я не знал, кем нужно было для этого стать. Кто в самом деле сможет удовлетворить потребность в развлечении и отдыхе? И я нашёл ответ. Вот оно, моё место в жизни. Я – Эсс Шейкер, как мои предшественники, буду нести радость людям. И я ни за что не отдам всё просто так. Поэтому нужно было рискнуть.

Ну и ещё, нужно было наказать брата за безрассудный поступок. Хоть сейчас для меня это вылилось в нахождение де-

ла жизни, это было безрассудно. Ему не стоит привыкать к такому.

Я помог брату и его друзьям подняться, налил минеральной воды – пожалуй, единственное, что осталось из напитков. Они разбрелись по домам. Брата я довёл до дома, так как он совсем ничего не соображал.

Вот и всё, теперь я сам по себе. Клубу пора возродиться вновь. И раз под закрытие клуба его полностью опустошили, придётся всё зарабатывать заново. Я вызвал скорую помощь, чтобы увезти Старика Эсс Шейкера. Так как я не являлся родственником, я не мог устроить ему похороны. Поискав в его личных вещах, нам с врачами удалось найти номер телефона его дочери. Она училась в другом городе, но, узнав о смерти отца, решила приехать. Я взволновался о том, что она может посягнуть на наследство. Но у меня, в конце концов, была официальная бумага, подписанная лично Стариком.

Я тряс задницей у клуба днями, собирал деньги. Ночью же убирал мусор из клуба. Через неделю я наконец убрался до конца, а так же, получил популярность у прохожих и две тысячи рублей. На эти деньги я купил болгарку, начал долго и упорно резать сейфы. Наконец, один из них, самый малый, поддался. Внутри лежало 50.000 рублей. Вот и мой стартовый капитал...

Я принял на работу двух девушек, дал им пару уроков тверка. Они научились делать его очень быстро. В мудрости Эсс Шейкеров было что-то особое, раз обучение шло так эффективно. На оставшиеся деньги я купил несколько бутылок алкоголя, чтобы посетители могли хоть немного выпить.

Пришлось немного изменить правила в новом заведении: в первую очередь, название. Раз я не старик, надо было называть просто: «У Эсс Шейкера». Теперь творить хаос запрещалось, люди должны были уважать друг друга, какой бы наклонностью или ориентацией они не обладали. Клуб всё-таки считался элитным в некоторых кругах. Раз так, нужно соответствовать. Посещать клуб теперь могут только люди, понимающие, что стриптизерши и стриптизёры, в первую очередь, – люди с чувствами и мнением. Просто, выбравшие такой род занятий.

Первые дни клуба шли не очень. Людей приходило мало, так как многие думали, что клуб закрылся навсегда. Но это ненадолго. Скоро новость о возрождении разлетится по всей округе.

Ещё одной проблемой были мои родители, пришедшие сюда с моим братом. Они наконец вернулись из поездки. Не представляю, что было с братом, как он объяснял всю эту ситуацию. Вот он, с красным лицом, стоит, смотря в пол.

Я не мог показаться им на глаза. Поэтому я щедро заплатил одному харизматичному посетителю, чтобы он прикинулся хозяином клуба. Парень мастерски принял на себя

роль. Родители много кричали. Мама плакала. Они требовали подробностей. Парень уверил, что ничего не знает, так как заведение сменило владельца, а прошлый владелец умер от старости. И впрямь, увидев мало-помалу ремонтируемый интерьер, родители поверили. Но они не хотели сдаваться. Решили засудить нынешнего владельца. Парень начал умолять обойтись без суда, ведь он вообще ничего не знал, всего лишь захотел открыть бизнес, а тут подвернулось предложение купить клуб.

После долгих споров он уговорил их не идти в суд, если заплатит им миллион рублей штрафа. Верней, я заплачу... Но это лучше, чем ничего. Я поблагодарил парня, на что он ответил:

– Это тебе спасибо, хорошая тренировка, да и ещё за зарплату!

Не прошло недели, как сюда начала приходить толпа народу. Денег набралось прилично, смог забить бар морем разнообразного алкоголя: виски, текилой, коньяком, водкой, вином, шампанским, абсентом, кумысом, ромом, джином и многим другим...

У меня появилось много сотрудниц: еще одна танцовщица, барменша, накаченная охранница, а также тридцать две ночные бабочки, сидящие по одной в комнатах на верхнем этаже и готовые сделать клиентам всё, что угодно. Главное,

заставить заплатить как можно больше.

Клуб стал процветать, я наконец вызвал мастера по замкам. Он помог вскрыть все сейфы. Так я, можно сказать, заработал свои первые миллионы. Наконец расплатившись с родителями, я решил устроить элитный вечерний концерт с классической музыкой и исключительно ценителями, а не каким-то грязным сбродом. В этот вечер все были прилично одеты, никакой пошлости, только сборище интеллигентов.

В конце я планировал сделать лишь один первый и последний пошлый поступок за вечер – станцевать тверк публице. Но прямо перед моим выходом ко мне подошла девушка лет пятнадцати. Её янтарные волосы, будто горящее во тьме пламя, я заметил еще издалека. Она с улыбкой посмотрела на меня, сказала:

– Здравствуйте. Я правильно понимаю, вы владелец заведения?

– Вы правильно поняли. По какому вопросу?

– Видите ли, я Мария. Дочь прежнего владельца. Он недавно умер, вы, наверное, встречались?

– Конечно, мы встречались. – взволновался я. – Он завещал мне это заведение. Юрий, очень приятно!

– Взаимно.

– И да, позвольте мне выразить свои соболезнования.

– Благодарю... Значит, вы знаете, что тут раньше было?

– Наслышан...

– Я так рада. Всю жизнь спорила с отцом из-за этого пригона. Извините за выражение. Так рада, что хоть кто-то смог превратить это ужасное место во вполне приличный и культурный ресторан.

Я слушал её и думал:

– Какого чёрта тут происходит?

Все эти люди, переодетые в костюмы, приходят в клуб каждый день. Занимаются сексом по несколько часов, после упиваются алкоголем. Интеллигентным я решил сделать лишь этот вечер, разрекламировав его, как вечер классики или еще знает, как. Но не думал, что именно в этот день придет дочь Старика.

Однако больше меня удивляло то, что она не была в курсе того, что клуб никуда не делся, но... Но почему-то я просто не мог сказать ей правду. Она была очень красивой: с милым лицом, украшенным аккуратным округлым носиком. Голос её был нежен. Да и сама она, на вид, воспитанная. Даже странно, что у такого извращенца, как Старик, может вырасти такая дочь. Мне захотелось узнать её поближе.

Я услышал недовольные возгласы из зала. Видимо, все уже заждались моего тверка. Но не мог же я просто разбить веру девушки об острые скалы. Поэтому я решил пригласить её в тихое место, наверх, а тверк попросить станцевать тан-

цовщицам, только тихо.

Мы поднялись наверх, зашли в мою комнату. Комната претерпела небольшие изменения. Не потому, что сегодня особый день, а потому, что Старик навалил у себя слишком уж много лишнего. Я избавился от хлама, и теперь всё было прилично убрано. На стене висели картины, в узорчатой вазе стояли прекрасные цветы. Обстановку совращала лишь трёхспальная кровать. На это я сказал, что не успел заменить её на обычную, ведь было не так много времени, за что получил милую улыбку.

— Я так рада, вы не оставили почти ничего, связанное с тем развратным местом.

– Может быть, сразу перейдём на «ты»?

– Хорошо, я не против. У меня вопрос: сколько тебе лет? Извини, если что-то не так сказала, просто хочется знать, в каком возрасте уже возможно такого достичь.

– Ничего страшного. Ты ничего такого не сказала. Мне двенадцать лет. Да и достиг я этого...

– Двенадцать лет? Так это родительский бизнес? – перебила она меня.

– Нет, он полностью мой, я сам заработал и вложил в него.

– Ух ты! И как же ты наткнулся на это место?

– Скажу честно. Меня привёл сюда мой брат, в последний день перед закрытием клуба. Представляешь? Двенадцати-

летнего в клуб! Но я отделился от компании и забрёл в эту самую комнату. Здесь лежал твой отец. Мы поговорили, и он передал мне всё своё имущество, сказав: «Сделай то, что я не смог сделать. Преврати это место в то, во что не смог превратить его я...» Ему я обязан многим.

– Правда? Он правда хотел закрыть клуб и открыть что-то другое?

– Да... Жаль, что его постигла такая участь, соболезную...

Она опустила глаза. Мы просидели так минуту в полном молчании. Наконец она посмотрела на меня таким чудесным взглядом, широко и мило улыбнулась, её рука легла на моё плечо.

– Знаешь, когда я приехала сюда, я хотела сделать две вещи: похоронить отца и получить права на клуб, чтобы наконец его закрыть и сдавать здание в аренду. И я думаю, нам нужно будет поговорить о будущем заведения, когда я закончу с похоронами.

– Могу я присоединиться к тебе? Я пробыл рядом с твоим отцом в последние дни его жизни. И очень к нему привязался. Сам не пойму, почему. Он стал мне словно родным. Я тоже хочу быть на похоронах.

– Что же, хорошо... Может быть, как раз после мы поговорим о делах.

Вдруг из коридора послышались шаги и женский голос:

– Маша! Маша! Ты здесь?

– Блин, меня ищут. Прости, совсем забылась...

– Значит, до встречи?

– Завтра в полдень у церкви. Той, что недалеко от больницы.

– Я приду.

Она выпорхнула из комнаты, дверь захлопнулась, и всё замолкло, лишь тихий гул снизу. Я просидел так длительное время. Что же со мной случилось? Она мне понравилась. Хотя я знаю о ней ещё меньше, чем об её отце. Я нашёл девушку себе по нраву. И это всё за один вечер. В тот вечер, когда я праздновал прощание с прошлой жизнью, расплатой по долгам. И всё это за каких-то несколько часов. Похоже, я был очень везучим человеком. Во всём этом была лишь одна брешь – Маша была воспитана по-другому. Несмотря на максимальную пошлость отца, она выросла с мыслью о том, как бы её семья не владела этим притоном. И она вряд ли захочет общаться с человеком, который возродил этот притон. К счастью, пока она этого и не знает. Но что же я буду делать в остальные дни, когда клуб явит себя во всём своём великолепии?

Я вышел из комнаты, спустился вниз. И увидел следующую картину: на сцене танцуют тверк девушки, толпа машет

руками и во весь голос радостно кричит, а в углу стоит Маша с её проводницей... Чёрт! Я должен был действовать, поэтому с криком быстро пошел в сторону сцены, начал орать:

– А ну слазьте оттуда, извращенки! У нас здесь приличное заведение!

Танцовщицы с удивлением посмотрели на меня. Я, намекая, подмигнул им. Они всё поняли, сошли со сцены и пошли в толпу, чтобы уговорить людей подыграть мне. Я вышел на сцену, обратился к залу:

– Приношу извинения за такое, более не повторится...

Маша, стоявшая в шоке в углу, успокоилась. Улыбнулась мне напоследок и вышла из клуба.

– Вы красавцы, ребят! Завтра приходите все. Хотя нет, завтра по техническим причинам мы закрыты. Послезавтра приходите, по бутылке лучшего алкоголя и девке каждому! – с радостью воскликнул я.

Зал аплодировал стоя...

На следующий день в церкви состоялось прощание с умершим. Людей собралось немного, совсем немного: лишь

дочь, её, так сказать, опекунша, которая, к моему удивлению, не хотела урвать от жизни рядом с Машей чего-нибудь дорогого. Она правда любила свою воспитанницу, заменяла ей маму, о которой, к слову, я так и не спросил. Также были два друга Старика, замечаемых мной в клубе. Один из них успел наладить дружеские отношения и со мной. Ну и я – последний, кто познакомился с ним. Последний, кого он видел перед смертью. Больше никого...

Мы стояли вокруг гроба, в котором лежал одетый в костюм бледный человек. Я стоял напротив Маши. Она не отрывала взгляда от гроба. Поп читал молитву долго, от чего печаль только усиливалась. Затем мы погрузили гроб в машину и поехали хоронить Старика. Кладбище было плотно усеяно огороженными могилами. Мы донесли гроб до места погребения. Рядом находилась могила его жены.

Могила уже была подготовлена. Гроб сразу же опустили в яму. Люди начали говорить слова, бросая при этом на гроб каждый по одной горсти песка. Когда очередь дошла до меня, я повторил сказанное Маше: что не так хорошо знал его, но успел привязаться к нему, словно к отцу. Когда начали закапывать могилу, Маша закрыла лицо руками. Я заметил блеснувшую слезу. Она уткнулась лицом в грудь опекунши, та обняла её. Покойся с миром, учитель мой...

Вечером у нас с Машей была запланирована встреча. Мы уселись перед баром. Я зашёл за стойку, начал протирать её

тряпкой, пародируя барменов из кино.

– Вино, виски, или чего-нибудь покрепче? – пошутил я.

Она лишь улыбнулась, но сразу опустила глаза. Я заметил, что её пальцы немного подёргиваются.

– Прости... Не подумал... Тебе, должно быть, тяжело переносить смерть отца...

– Да, немного. – сказала она. – У нас были разногласия, но я любила его.

– Уверен, он тоже тебя любил...

– Я верю в это. Раз он хотел пожертвовать таким бизнесом, сомневаться в его любви нельзя.

– Верно...

– Я бы простила ему клуб, будь он жив сейчас. Какая я дура! – она расплакалась.

Я протянул ей платок.

– На самом деле, – продолжила Маша, – в его бизнесе мне больше не нравилось то, что он отнимал слишком много времени. Он отказался переезжать со мной, когда я поехала учиться. Я вечно спорила с ним из-за этого. Юля, моя опекунша, больше презирала его именно из-за пошлости. И мы на пару ненавидели его, не понимая, что ради меня он готов

на всё... Его бизнес обеспечивал нас в полной мере. Я ни разу не жаловалась насчёт денег... И смог бы папа так же успешно обеспечивать нас, закрыв клуб? Вряд ли... И только сейчас я поняла, что всё это он делал для меня... Какая я дура!

Она разревелась ещё сильнее. Я прижал её к себе, начал гладить волосы. Она положила голову мне на грудь.

– Ты ни в чём не виновата, – прошептал я, – он, я думаю, понимал твои чувства. Твой отец наказал мне обеспечивать вас. И я сдержу своё обещание. Ведь он завещал мне здание, основу для источника огромных денег. И всё это практически ни за что. Я будто обворовал вас.

– П-Правда? Он серьёзно наказал это тебе?

– Не веришь? Я думаю, твой отец надеялся на меня. И я не подведу его!

Она снова расплакалась, на этот раз от счастья, крепко обняла меня. Я посмотрел ей в глаза. От слёз немного поплыла тушь, они казались большими каплями воды, но по-прежнему были прекрасны. Маша смотрела на меня этими прекрасными глазами. В них я видел палитру самых разных красок. Но сейчас в ней превосходили яркие цвета.

Я нежно погладил её щёчку, вытер с неё слезинку, после поднёс её голову к своей. Наши губы сошлись воедино...

Поцелуй, казалось мне, длился вечность...

– Я буду присылать деньги каждый месяц. Если что-нибудь понадобится, скажи. И да, кстати, как долго ты ещё будешь в городе?

– К сожалению, я уезжаю завтра рано утром. Поезд в шесть.

– Я постараюсь прийти проводить тебя. Мы сможем как-то встречаться? Ну, например, я могу приезжать к тебе. Или ты сюда...

– Я вряд ли скоро вернусь в Казань. У меня учёба, а у тебя бизнес, оставить не можешь... Разве что, только на выходных...

– Да, точно! Это хорошая идея!

– Вот тебе мой номер телефона, будем постоянно общаться, позже найдём и другие способы связаться. Я буду скучать по тебе!

– Я тоже...

Мы еще раз поцеловались, и она, попрощавшись со мной, снова выпорхнула из клуба, так же, как в тот раз...

Похоже, вскоре мне придётся выбрать одно из двух: либо найти другого человека, достойного титула Эсс Шейкера, переделать клуб и жить с Машей, либо забыть о ней и заняться клубом. Похоже, решение этой дилеммы стало моим смыслом жизни...

Я решил попытаться убить двух зайцев: попробовать заставить Машу привыкнуть к клубу и найти себе наследника, чтобы в любом случае можно было экстренно выбрать что-то одно.

Время начало лететь очень быстро. Клуб работал исправно. Я нанял несколько хакеров, чтобы те удаляли все сообщения в интернете, рассказывающие о жизни «У Эсс Шейкера». Это, конечно, сильно било по репутации, но я не хотел, чтобы Маша узнала правду без подготовки. Это наверняка будет для неё ударом.

Между тем, я инкогнито выступал на публике, танцевал тверк. Выиграл на всех конкурсах в городе. Добился принятия моей заявки на мировой чемпионат, проходящий в Париже через четыре месяца.

Мне прислали два билета во Францию. Но с кем бы мне поехать? Ведь Маша сразу всё поймёт. Родители думают, что я умер в клубе, поэтому они уже давно уехали в Сочи и живут там. А из танцовщиц я не могу выбрать одну, они все хороши.

Перед моей поездкой на мировой турнир я решил немного расслабиться и сходить на выпускной моего класса. Сдаётся мне, туса должна быть жаркой. Всё-таки, шестой класс окончили...

Я связался с другом, узнал где будет проходить вечеринка. Интересно, что совершенно случайно в том же месте, бук-

важно за двумя стенками, собрались отмечать ребята из параллельного класса. Появившись из ниоткуда спустя столько месяцев, я был встречен удивлёнными взглядами. Поздоровавшись с одноклассниками, которые, казалось, совсем забыли о моём существовании, я прошёл в уютную комнату. Присев на диванчике, я окинул комнату, ожидая увидеть ту самую долгожданную тусовку.

Мои надежды просто разбились о скалы. Вместо жаркой вечеринки эти сосунки сидели и пили чай с печеньем. Я подвинулся к моему другу. Стал спрашивать, как жизнь. Попытался узнать, что интересного случилось в последние дни школы.

– Да, представляешь, – увлечённо начал он, – нам итоговую контрольную по русскому без подготовки устроили. Весь класс на тройки написал, и даже двойки есть, представляешь?

– Ничего себе, вот это да...

Я недоумевал. В их возрасте я заработал несколько миллионов. К тому же, еду на мировой турнир, а они сидят и дрожат от контрольной по русскому...

– А что-то поинтереснее происходило? – хитро улыбнулся я. – Ну, ты знаешь...

– Да! Недавно было. Ленка, короче, Гене на колени села,

а она в юбке была, прикинь!

– Ух ты... вот это она даёт...

– Конечно, извращенка еще та. Не то что нормальные люди, типа меня с тобой...

– Конечно... хе-хе... не то что мы...

Я встретился с другом первый раз после начала моей карьеры. Он не был в курсе всего, что я вытворял и вытворяю, поэтому выглядел, как дебил.

Я не мог тратить своё время на сосунков, которые не могут нормально зажечь, поэтому решил пойти посмотреть, как обстоят дела в классе из параллели.

Как только подошёл к двери, услышал оттуда громкую жёсткую музыку с матом в тексте. Я без стука открыл дверь, но ей не дали открыться два пацана.

– Стучать не учили? Чё надо? – дерзко бросил один.

– Если б я постучал, вы бы меня точно не пустили. Послали бы, и всё.

– Неплохо рассуждаешь. Лицо у тебя знакомое. Ты не из параллели?

– Оттуда. У меня класс зануд, они не могут отметить нормально.

– Ну, заходи, посмотри, чё тут у нас.

Я зашёл в комнату и почувствовал что-то родное, нашёл

в этом классе частичку себя. Мы будто братья и сёстры, понимаем друг друга и думаем одинаково.

Но больше всего меня обрадовало то, что девочки встали на столы и начали тверкать. Я сразу подбежал и начал аплодировать, а затем встал на другой стол и исполнил свой легендарный тверк. Все сразу округлили глаза от удивления, начали падать на колени. Все, кроме одной неприметной темноволосой девочки...

Это была Настя. Известная зубрила. Однако, при этом, далеко не робкая. Напротив, та ещё острячка. Она вышла из толпы и начала танцевать тверк мне в ответ. Я смотрел, и восхищался: она танцевала просто прекрасно. Почти так же, как я. И тут меня осенило: вот она, девочка, которая может унаследовать титул Эсс Шейкера, если мне потребуется уйти. В ней заключён великий потенциал. Она сможет тверкать лучше меня, если будет усердно учиться. Я сразу рассказал ей о себе, похвалил её движения. А после добавил:

– Ты сможешь лучше, я могу тебя научить. Приходи в мой клуб. Надеюсь, уже догадалась, какой?

– Да, я не дура. Обдумаю предложение и скоро дам ответ. А теперь, хрен ли стоим? У нас же выпускной!

Кутёж продолжался до позднего часа.

Как всегда, утром, сразу после закрытия, я пил чай с моими танцовщицами и «ночными бабочками» Они рассказывали, сколько кому в трусы сунули денег, описывали самых запомнившихся клиентов. Я эти обсуждения слышу каждое утро. Ничего не меняется, клуб живёт, терпя взлёты и падения. Как и подобает любому бизнесу... Вдруг в дверь постучали.

– Кто там еще? – крикнул я. – Клуб закрыт!

Как же мне надоели эти запоздалые посетители... Вечно ломаются, будто думают, что ночные клубы называют ночными просто так.

– Да мне плевать, я пришла!

Дверь распахнулась от сильного толчка, в комнату быстро запрыгнула Настя и выкрикнула:

– Учи!

Я быстро встал, поблагодарил девушек за чай и отправился с девчонкой на танцпол. Там я дал ей пару уроков. Её навыки серьёзно улучшились. Поэтому я решил выделить ей одну из комнат клуба, подогнать туда проститута по её вкусу, чтобы жила в достатке и привыкала к обстановке.

За четыре месяца Настя научилась всему, что я знаю. Наконец, настало время ехать на чемпионат. Я взял её с собой. На турнире выступала тысяча человек, и каждый умел танцевать тверк отлично. Но не так, как мы. Мы были настоящими царями тверка! Как только я вышел на сцену и разок тряхнул задом, все сразу ахнули, а жюри выдали 10 / 10.

Это была самая лёгкая победа. После моего выступления ко мне рванула огромная куча людей. Каждый просил научить такому тверку, начали протягивать мне пачки по 20-25 сто долларовых купюр. На это я ответил лишь тремя словами:

– Этот танец бесценен!

После этого мы с Настей начали быстро тверкать. От такого у людей расширились глаза. Они потеряли дар речи и, видимо, дар мыслить тоже. Мы, не сбавляя темп тверка, медленно удалились...

Новость о двух королях тверка разнеслась по всему миру.

В мой клуб начали съезжаться люди со всех стран. Некоторые просто хотели разок на меня глянуть, некоторые на Настю. Но большинство умоляло меня научить их танцу задницы. Меня они порядком задолбали, поэтому я решил поставить цену одного урока – 1.000.000 рублей. Думал я, что желающие исчезнут, но сильно ошибался...

Ко мне начали приезжать дочери богатых олигархов, чиновников, так же все богатые порно актёры. С собой привозили чемоданы с деньгами, причём, по несколько миллионов. А у кого не было много денег, продавали машины и квартиры, чтобы насобирать на заветный урок.

Все эти события длились не одну неделю. Помню, тогда все обсуждали победу Дональда Трампа на выборах президента США. Мне исполнилось 16 лет. Маше при этом было уже 18. Я переписывался с ней каждый день, два раза в месяц приезжал в гости. Она рассказывала об учёбе, об экзаменах (хотела поступать на психологический факультет). Я старался её подбодрить, утешить. Говорил, что скоро она всё сдаст и благополучно поступит.

Иногда я задумываюсь: она учится, все силы из себя выжимает, чтобы хоть чего-то добиться, а я хожу по тусовкам малолеток, кручу задницей на публике и учу важных людей тверку...

Однако, я мог в момент всё изменить. И решил использовать эту возможность: купить огромное здание, раза в три больше прежнего, перенести клуб туда, а старое место на

полном серьёзе превратить в элитный ресторан.

Анастасия Камская

Работа у Эсс Шейкера, хоть и прибыльная, но слишком время затратная. На школу я уделяла всё меньше своего времени. Однако, терять звание лучшей ученицы было бы просто унижительно. Поэтому я взяла отпуск на пару месяцев, вернулась с головой в учёбу. В конце концов, клуб – это, скорее, хобби, чем работа. Хобби, приносящее неплохие деньги. А знания мне всегда пригодятся, где бы я ни была. Правда, я до сих пор не решилась, чем же мне дальше заниматься...

Последний месяц учёбы в девятом классе... Все отдыхают после сложного года. Некоторые сидят на успокоительном от страха приближающегося ОГЭ. Другие уже настолько хорошо подготовились, что их не испугает ни одно задание. Ну а я...

Я в это время уже знала все темы вдоль и поперёк. Изучила их ещё в прошлом классе. По своему обыкновению, я обгоняла школьную программу почти на целый год. Мне даже предлагали перепрыгнуть в следующий класс, чтобы быстрее окончить школу, но... Но тогда я бы вряд ли смогла быть лучшей из лучших. Ведь, как я уже сказала, клуб отнимал слишком много времени. Утром, в школьное время, я высыпалась дома. Днём занималась учёбой, а вечером шла в клуб.

К концу года я прошла всю программу десятого класса. Все экзамены без особого труда были написаны на максимальные баллы. Впереди было два месяца лета, которые я

планировала потратить на прохождение одиннадцатого класса. Но сперва... Сперва мне требовался недолгий отдых. Как раз мы всем классом решили отметить выпускной. На этот раз праздник проходил дома у моего одноклассника – Рустама. Это был небольшой, но уютный коттеджик, при этом, недалеко от центра города.

К коттеджу подъехала чёрная легковая машина. Она принадлежала Эсс Шейкеру. Он сдал на права сразу же, как достиг шестнадцати лет. Но каждый раз, когда я ездила с ним, боялась, что нас остановят и арестуют за вождение в несовершеннолетнем возрасте. Хорошо, что Шейкер не был низок ростом. Да и водил он отлично. Поэтому у гаишников не возникало подозрений.

– Вот мы и приехали. Уверена, что правильный адрес? – спросил он.

– Да, несомненно. Припаркуйся вон там, и пойдём...

– Нет, Настя, прости. Я весь в работе. Нужно заехать на стройку, глянуть, как там у них. Иди одна. Но развлекись там за двоих!

– Ну хорошо...

Здесь был весь мой класс: крутые парни, крутые девчонки... И Рустам... Рустам выделялся из толпы. Одет он был с иголки, в верхнем кармашке пиджака красовалась алая роза... Как она была прекрасна... Как он был прекрасен...

Я уже говорила, что Рустам мне безумно нравился?

После еды и танцев кто-то из толпы крикнул:

– Ребят, давайте в «бутылочку»!

На его предложение все чуть ли не хором ответили:

– Да, прекрасная идея! Давайте!

Бутылка из-под вина послужила главным звеном для этой увлекательной молодёжной игры. Компания окружила стол в предвкушении предстоящего веселья. Ну а я видела в этой игре лишь отличный шанс приблизиться к Рустаму.

Перед игрой я отпросилась в туалет, взяв с собой двух одноклассниц – Арину и Полину.

– Подруги, мне нужна ваша помощь!

– Что случилось... подруга? – синхронно спросили они.

На самом же деле мы особо не общались. И «подруги» – слишком сильно сказано. Мы были лишь приятелями. Но сейчас мне нужна была их помощь.

– Понимаете, мне очень нравится Рустам...

– И что мы можем сделать?

– Сейчас будем играть в бутылочку. И я бы хотела, чтобы

вы предлагали задания, так или иначе сближающие нас.

– А-а-а, ясно! – захихикала Полина. – Хочешь к нему под бочок?

– Ну а что? Достойный парень, для достойной девушки. – заявила Арина. – Не сомневайся, подруга. Мы всё устроим. В лучшем виде!

Игра началась. Бутылка закрутилась. Несколько бордовых капель вина на скорости вылетели из горлышка и окропили близ сидящих. В некоторые моменты казалось, что бутылка свернёт к краю стола и со звоном упадёт на пол. Но умелые игроки в «бутылочку» рассчитали всё идеально: бутылка снова возвращалась к центру. Наконец, она остановилась. Жертвой её взора оказалась Полина.

– Правда или действие? – спросил весь класс.

– Действие.

– Снимай футболку! – весело крикнули некоторые парни. – Снимай!

– Придурки... – закрыла лицо рукой Полина.

– Вы серьёзно решили начать с этого? – усмехнулась Арина. – Давайте что-нибудь полегче. К примеру... Да! Заберись в шкаф с каким-нибудь парнем. Например, с Шамилом. – указала она на лучшего друга Рустама.

– Да, сделай это! – поддержали другие девчонки. – Это лучше.

Пожав плечами, Полина схватила Шамиля за руку и залезла с ним в огромный шкаф для одежды. Среди ребят сразу же пробежали смешки и соответствующие шуточки. Лишь спустя пару минут парочку выпустили и продолжили игру.

Пока крутилась бутылка, я не отрывала глаз от Рустама. Шамиль, сидящий рядом, что-то ему нашептал, отчего он улыбнулся и зачем-то глянул на меня. На самом деле, совершенно неважно, зачем. Чувствовать на себе его взгляд всегда приятно.

Следующей была я. Все обернулись на меня, спросили:

– Правда или действие?

– Действие.

– Сними рубашку! – не унимались озабоченные парни.

– Да что вы заладили! – крикнула Арина. – Успеете ещё!

– А сейчас, Настя... – сказала Полина, – изобрази озабоченную и прыгни на шею Рустама. Умоляй любить его.

Толпа рассмеялась и начала жестами подбадривать меня на действие. Вот оно, моё собственное желание. Но вдруг... Вдруг я поняла, что всё не так, как я себе представляла. Все эти голодные до зрелища взгляды... Все эти радостные возгласы. Всё так не романтично...

Но я не стала отступать, подошла к Рустаму, села ему на колени. В тот миг он задышал с трудом, ощущая нехватку

воздуха. Я медленно обхватила его шею, прижалась головой к его щеке.

– Прошу тебя, Рустам... – прошептала я, – люби меня. Я так тебя люблю. Ответь мне тем же. Я хочу, чтобы ты любил меня. Прошу, прошу! – повторяла я, обтираясь об его щеку.

Поверить не могу: я высказала ему свои чувства. Да, конечно, понарошку. Но говорила я всё от чистого сердца. Будто в тот миг я, и впрямь, умоляла его любить меня...

– Всё хватит с него. Весь красный сидит. – рассмеялся один из парней.

– Заткнись! – нахмурился Рустам.

Далее бутылочка указывала на других моих одноклассников. Они выполняли различные унижительные задания. Также один раз пришёл черёд Арины. Парни злопамятно переглянулись и заставили её снять свою футболку. Она подставилась, защищая подругу. И меня... Вот что значит, хороший человек.

Был также черёд Рустама. Девчонки заставили его поката́ть меня на спине. Скажу честно, это было весьма забавно. Обхватив мои ляжки, он бегал по дому, цокая, словно лошадь. Я крепко держалась за него, при этом стараясь как можно сильнее ощутить мягкость его тела.

Только опомнившись от поездки, я сразу была выбрана бутылкой. Арина с Полиной рассмеялись.

—Ну, что же... Раз Рустам тебя покатал, ты должна ему заплатить. Поцелуем...

– Поцелуем? – смутилась я.

– Да, поцелуем. В губы. Можешь даже взасос, но это на твоё усмотрение...

Внутри заиграло странное чувство. С одной стороны, было крайне неловко перед одноклассниками. С другой стороны, я ведь об этом и мечтала. Разве нет? Наверное, всё просто шло намного быстрее, чем предполагалось... Но я не должна была отступать. Кто знает, может, это единственный мой шанс? Не теряя более ни секунды, я подвинулась к Рустаму, приложила ладонь к его щеке... и быстро соединила наши губы.

– Ого-го! Я успел это заснять! Красота! – обрадовался Шамиль.

– Нет, постойте! Так не годится! Вам достаются задания связанные лишь друг с другом. Никакой фантазии. Настя, это уже не считается! Поцелуй кого-нибудь другого. Например, вот Сашу.

– Нет! – возмутилась я. – Я уже выполнила своё задание.

– Да ладно тебе! – махнула рукой Полина. – какая разни-

ца, за одним парнем приударять, или за несколькими.

– Что?..

– Нет, серьёзно, Насть. – сказал вдруг Рустам. – Ты ведь должна была привыкнуть. Как-никак, работаешь в клубе «У Эсс Шейкера».

– О... О чём ты? – у меня прихватило дыхание.

– Ну, имею в виду... Тебе ведь не в первой ублажать сразу нескольких парней.

– Именно! – подтвердила Арина.

– Я... Д-да как... К-как вам в голову такое пришло?

Я заикалась и проглатывала слова. Просто не могла осознать происходящего. Ведь они говорили серьёзно...

– Да ладно тебе скрываться! – махнул рукой Рустам. – Все уже давно знают о том, что ты та ещё шлюха. Тебе ведь при нас поступило предложение. И ты ничуть не возмутилась...

– А потом вообще стала пропускать школу, приходя лишь на самые важные контрольные. – добавила Полина.

– Но... Я не шлюха! Я не...

– Хватит! Уже не смешно! – нахмурился Рустам. – Сначала было забавно то, что ты изображала из себя невинную. Но сейчас, когда все карты раскрыты... Как это глупо... Так что давай, прекращай отнекиваться и целуй!

Две слезинки пронеслись по моим щекам, обжигая и буд-

то прорезая кожу. Я смотрела на своих одноклассников. Но теперь они в моих глазах не были теми, которых я знала с начальной школы. Они были другими, чужими. Во мне они не видели себе ровню. Лишь низко упавшую проститутку, коей я не являлась.

Я просто не могла более выносить эти лица. Выбежала из дома, прикрывая мокрые глаза ладонью. Слезы растёрлись по лицу, ежесекундно кусая щёки в разных местах. Я бежала. Бежала в сторону будущего клуба «У Эсс Шейкера». Юра остался единственным моим другом. Единственным, кому можно довериться. Кто не будет смеяться над тобой по каким-то стереотипным представлениям...

Забежав в здание, я окинула зал глазами. На стройке было темно и безлюдно. Вокруг хаотично лежали стопки плиток, паркетных досок, стояла завёрнутая в плёнку мебель.

Через минуту с верхнего этажа спустился Эсс Шейкер. Застав меня в слезах, он быстро подошёл.

– Настя, что случилось?

Я всхлипнула и бросилась к нему в объятия.

– Они все... Все говорили... Я не могу...

– Тс-с-с, – прошептал он мне, – тише, Настя, тише... всё будет хорошо...

Эсс Шейкер

За шесть месяцев всё было готово. Мои люди всем уже рассказали, что клуб перенесён, чтобы никакие пьянчуги не заходили в ресторан с матом и пошлыми намерениями...

И вот, наконец, пришёл тот день, когда Маша, отлично сдав все экзамены, приехала ко мне. Я встретил её у порога, она побежала ко мне со всех ног, прыгнула в объятия.

Мы максимально крепко обнялись и слились в долгом любовном поцелуе. Как-никак, мы столько времени не видели друг друга. После того, как мы закончили, я пригласил её внутрь. Мы присели за столик. Я начал рассказывать ей о делах в ресторане. Хотя, по сути ресторан существует всего месяц вместо пяти лет, здесь столько всего произошло. Это заведение уже служит местом встреч интеллигенции города.

Рассказывать можно много. Но когда я заметил, что куча новостей слишком напрягает Машу, я сменил тему. Очень сильно сменил... Я нежно прошептал ей на ухо сладкие слова, пригласил её на верх. Она согласилась.

Всего минута, – и мы уже стоим вдвоём за закрытой дверью моей комнаты. Я обнял её за талию, нежно поцеловал. И сразу потерял голову. От этого поцелуя я забыл обо всех своих делах, обо всём, что меня окружает. Я готов был бросить свой титул и все деньги, если это потребуется для того, чтобы быть рядом с Машей. Опомнившись, я решил, что не стоит останавливаться на одном лишь поцелуе.

Я отвёл губы от её губ, после нежно поцеловал в шею. Она не стала мне возражать, более того, начала медленно рассте-

гивать мою рубашку. Ощутив на своем оголённом торсе прохладу от кондиционера, я лишил рубашки и Машу.

Её тело всё горело. Казалось, её кожа догоняла по температуре солнце. Я положил свою правую руку на её ягодицу, а левой нащупал замок лифчика, умело расстегнул его и осторожно снял лифчик с её тела. Маша была прекрасна во всём. Помимо того, что она отличница, добрая и милая, ещё и всё её тело было неопишимо красиво: ровные неширокие плечи, стройная талия, небольшие, но гладкие и мягкие груди, в меру бледноватые нежные ручки, очень стройные и неожиданно сильные ножки, идеальная попа. Было невозможно оторвать от неё свой взгляд...

Я, не торопясь, дотронулся до её груди. Она тихо простонала. Поняв, что ей это нравится, я продолжил. Начал целовать сосок. Обхватив моё тело руками и сильно впиваясь ногтями мне в кожу, она стонала всё больше и сильнее. Спустя минуту я прекратил, ещё раз поцеловал её, потом осторожно положил на кровать. На пол полетела вся оставшаяся одежда. Маша осталась только в бордовых трусиках, которые мешали началу столь желанного процесса. Она пододвинулась ко мне и прошептала на ухо:

– Я готова.

После чего начала медленно спускать с себя последний элемент одежды. И вот он, тот самый момент... Я начинаю

медленно, но решительно, входить в неё. Она вздрогнула и издала громкий стон. Мы замерли. И казалось, что в этот момент замер весь мир, будто сам Бог остановил время для нас, дав нам лучше прочувствовать друг друга. Тогда я всерьёз задумался: что она ощущала в тот миг? На этот момент ей было 19 лет, а мне всего 16. Она встретила меня в 15, потом уехала и жила вдали от меня, лишь изредка видясь со мной. Её окружали близкие, друзья, в том числе и мальчики, люди, с которыми я не был знаком вообще. Однако, она за всё это время сохранила свою верность ко мне. Иначе она бы сейчас не приехала сюда, не писала бы мне, не вспоминала по ночам, как она сама мне говорила.

Но, насчёт секса, была ли она девственницей? Хоть мне и приходилось в первые дни клуба выступать в роли тренера для своих новых «ночных бабочек», мне было впервой лишать девственности, поэтому я был полным нулём в этом деле, даже не мог определить была ли она непорочна. Но это было совершенно не важно. Интересней было бы узнать, о чем она думает сейчас. Слишком много вопросов...

Она очнулась первой, дотронулась до моей руки и нежным дрожащим голосом сказала:

– Пожалуйста, я хочу, чтобы ты сделал это быстро!

Меня так взбудоражили её слова. Я не стал противостоять

им. Мы погрузились в океан любви. Пробовали различные позы, различные места в моей комнате, если бы не гравитация, мы бы залезли и на потолок. Наши тела соприкасались, делая всё вокруг ещё более тёплым и приятным на ощупь. Это было так ярко и так легко. Я никогда не испытывал такого удовольствия. Одним словом, за эти два часа мы возместили столь длительную разлуку.

И вот, всё завершилось... Мы лежали еще несколько часов в кровати. Время уже перевалило за два часа ночи.

– Слушай, у меня идея! – она наигранно впилась мне в грудь своими ноготками.

– Какая же?

– Поехали в стрип-клуб!

– В смысле? Я думал, ты не особо любишь клубы...

– Забыл наш разговор в тот вечер?

– Как такое забыть? Но я подумал, ты была на эмоциях, а на самом деле продолжала в душе недолюбливать такие заведения...

– Нет, на эмоциях я как раз поддерживала позицию Юли, а на самом деле, не испытываю лютой ненависти к клубам. Тем более, теперь я совершеннолетняя. Так что выпить и пошлёпать проституток я не прочь.

– Ничего себе...

– Недалеко открыли огромный клуб. Видимо, друзья папы постарались.

– Ты правда хочешь туда ехать?

– Конечно, я жила все эти годы как маленькая девочка из дома благородных девиц, под вечным надзором Юли. Только училась, больше ничего. Я задолбалась, понимаешь?

– Понимаю. Ну, может всё-таки в другой раз? Тем более, сегодня там санитарный день...

– Погоди-ка, а ты откуда знаешь? – с улыбкой спросила она.

– Я? Да так... Я был там разок... Друг на день рождения приглашал.

– Неважно...

– Ну так что, может, лучше в другой день?

– Слушай, я раз в жизни решила на что-то развратное, а ты хочешь меня отговорить? Мне кажется, ты слишком правильный...

– Да не слишком я правильный... Ладно, если хочешь, пойдём.

Мы приехали ко входу в клуб. При виде меня охранники с улыбкой начали идти навстречу. Я жестом послал их, так, чтобы Маша не заметила. Они встали на свой пост, как статуи. Внутри клуба творился контролируемый хаос, как всегда.

Мы сели за столик рядом с помостом для стриптиза. Стриптизерша, завидев меня, начала тверкать изо всех сил. Маша начала хлопать, шлёпать танцовщицу по заднице, по-

тянулась за кошельком. Я протянул ей пачку денег, сказал, чтоб засовывала их танцовщице в трусы. Она спокойно взяла пачку, развязала. Начала просовывать по одной купюре через лямку трусов танцовщицы. Твою мать... не знал, что она может быть такой развратной...

– Слушай, а ты умеешь танцевать тверк? – поинтересовался я.

– Ну... нет... Но хотела бы научиться. Хотя бы для тебя.

– Прекрасно. Видишь ли, я как-то раз нашёл время, чтобы взять урок у самого Эсс Шейкера. Ты наверное его знаешь?

– Конечно знаю, предшественник папы по слухам такой красавчик. Если бы не ты, я бы потратила все силы, чтобы добиться его...

– Что, правда? – улыбнулся я.

– Да шучу я!

– Я бы возмутился, если бы он не был этого достоин. Он, знаешь ли, мой кумир.

– Так значит, ты можешь меня научить?

– Еще лучше. Я смогу договориться на урок с ученицей Эсс Шейкера, Анастасией. Самого Шейкера я что-то давно не видел. У него какие-то... дела, а ученица его очень способная. Она танцует не многим хуже...

– Прекрасно, я согласна! Хочу с ней познакомиться.

Я повёл её на самый последний этаж клуба, к комнате На-

сти. Постучавшись, я заглянул в комнату... Сразу отвернулся и вышел. Она видела на стуле с расстёгнутой рубашкой, а её персональный проститут, совершенно голый, ходил вокруг стула, останавливаясь в пикантных позах.

– Эй, ты ахренел? Сейчас охрану позову! – закричала она.

– Закрывать надо, блин! Какого фига ты здесь сидишь?

Рабочий день в самом разгаре!

– Уже отдохнуть нельзя? – возмутилась она, узнав мой голос. – Знаешь, как я утомилась?

– Короче, всё потом. Прикройся быстрее, поговорить надо!

– Сейчас... Что-то важное?

– Скоро узнаешь!

Спустя минуту из комнаты вышел проститут, а после и сама Настя. Выйдя, лениво спросила:

– Так, чего тебе надо?

Я обхватил её за спину и отвел в сторонку, объяснил ситуацию. Она согласилась подыграть.

Мы заперлись в комнате, начали урок. Настя совсем не потеряла форму, ведь тренировалась постоянно. К тому же, каждый день танцевала минимум по 30 минут на публике. Она исполнила Маше отличный тверк, потом начала показы-

вать упражнения. Маша с заинтересованностью смотрела и старалась повторить. И я испытал гордость за мою ученицу. Я понял, что она уже готова принять титул Эсс Шейкера и управлять клубом самостоятельно, ведь у меня впредь будут другие заботы: ресторан «Аляска», Маша, элитные встречи... Мне всегда нужно будет знать, о чем говорят интеллигенты, чтоб поддерживать разговоры и участвовать в нередких многочасовых рассуждениях. Думаю, с новым отношением Маши к клубу заглядывать мы сюда будем не редко. А значит, если вдруг что, новая Эсс Шейкерша сможет со мной посоветоваться.

Когда урок окончился и девчонки дружески обнялись, я попросил Машу идти пока что вниз. Хотел поговорить с Настей.

– Слушай, спасибо большое, Насть! Ты меня выручила! – радостно сказал я и крепко обнял её.

– Не за что, а теперь можешь оставить меня? – вырываясь из моих рук, сострила она.

– С каких пор ты начала пользоваться услугами моего проститута? Ты ведь всегда воротила нос, когда я начинал тебе предлагать...

– Выдалась сложная неделя. Прошу, давай сменим тему... ты ведь не для этого вопроса со мной остался?

– Да, верно. У меня к тебе разговор. В общем, я думаю, мне пора передать свой титул тебе...

– Стой, ты сейчас серьёзно? П-Правда?

– Конечно! Думаю, мне пора с этим завязать... И я хотел бы передать клуб в твои руки.

– Невероятно, неужели ты уходишь?

– Ну, я буду заглядывать...

Она, казалось, вот-вот прослезится, но диалог прервал громкий шум и крики с нижнего этажа.

– Да какого там опять происходит?!

Мы побежали вниз, крики становились всё громче. На нижнем этаже стояли несколько вооружённых людей, целились в Машу. Танцовщицы и гости кричали в страхе.

– Заткните рты, сучки! – крикнул один из бандитов.

– Нет, прошу, – Маша упала на колени, – не убивайте!

– Ха! – мерзко усмехнулся бандит с сильно выделяющейся среди остальных одеждой, должно быть, это был их главарь. – Ты уже сделала своё дело, навела нас на твоего парня, малолетку-бизнесмена. Теперь ты годишься, разве что... кто ты там?... Скажи нам!

– Психолог...

– Хреновый из тебя психолог! Должна понимать, что лучше говорить, а что нет. И кому это говорить... Помнишь меня? Пару месяцев назад... Заболталась на одной вечеринке

с незнакомцем. Рассказала о своём парне, который столько-го добился в свои малые годы, владея каким-то элитным рестораном.

– Я... Нет... Прошу, оставьте меня!

– Ну нет! Я член банды Упырей, а значит могу делать всё, что захочу.

– Только попробуй, – вскрикнул я, – охрана!

– Чего орешь, чмо? Ты, наверное, пропустил. Охрану мы уже перебили. Стой, так ты и есть её парень? Ха-ха-ха! Ты ещё более жалок, чем я думал...

– Может мы как-то договоримся?

– Ну, удиви меня, давай же!

– Вы все знаете, сколько стоит урок тверка у Эсс Шейкера. Целый миллион! Я могу устроить вам по пять уроков каждому. Плюс, дам вам четыре миллиона наличкой... долларами!

– Хм, дай подумать... М-м-м-м... Нет, мне это не подходит! – он проговорил это с улыбкой, быстро навёл пистолет на Машу и нажал на курок. Маша упала замертво...

– Маша... М-Маша... – прошептал я, упав к её телу.

– А-ха-ха-ха! А теперь ты, чмо, и твоя... кто это? Хотя, не отвечай, пошли вы к чёрту! К чёрту всё, к чёрту вас!

– Тварь! – выкрикнул я, вскочив на ноги.

Не думая ни о чём, я побежал на бандита. На бегу я замахнулся рукой, желая ударить урода так сильно, насколько могу. Ничего, однако, не вышло. Он поймал мой кулак на

лету и потянул за него. Я невольно полетел вперёд, упал на пол. Легким движением руки будто совсем не прилагая усилий, главарь поднял меня за плечо и оттолкнул к Насте.

Все мужики нацелились на нас. Мы стояли в ступоре. Неужели это конец? Так и закончится моя жизнь? Быть застреленным в пятнадцатилетнем возрасте, на глазах потеряв любимую, и без наследников... Ну значит, так тому и быть...

Я расставил руки в стороны, готовый принять дождь свинца всем своим телом. Настя со слезами на глазах последовала моему примеру.

Только этот урод начал произносить последнюю коронную фразочку, за всей толпой прогремел взрыв, который снёс всех с ног и убил пару вооруженных мужиков. Главарь продолжал целиться в нас, а помощникам приказал посмотреть, что там. В клуб зашел какой-то мужчина в костюме, вроде дорогом, но обгорелом. Мужики сразу открыли в него огонь, в мясо распотрошили его тело. Но он и не думал падать.

– Ну, вы закончили, ребята? Надеюсь, больше ничего в меня не залетит? – спокойно проговорил он.

Пули начали выпадать из тела парня, а раны быстро зажили.

– Всё? Ну тогда мой ход!

Парень вдруг взорвался, от взрыва разлетелись на куски трое мужиков. Из дыма от взрыва выпрыгнули еще двое в костюмах. Один со столовым ножом, другой с топором.

Первый подбежал к помощнику главаря, начал быстро и топорно закалывать его в горло. Это было долго и мучительно, мужик орал от боли со всей силы.

Второй, постарше, со шрамом на лбу, взял на себя двух последних помощников. Одного сбilo с ног взрывом, поэтому убить его не составило труда. Однако, при сильном ударе в грудь, топор, видимо, застрял меж рёбер. Его не получилось достать. Бандит уже нацелил на него пистолет и открыл огонь. Мужик в костюме быстро прыгнул в сторону, лишь одна пуля смогла достигь цели. Она попала в ногу. Мужик укрылся за стойкой, схватил валяющиеся на полу щипцы для сахара, вытащил ими пулю из ноги. Потом достал из плотно укрепленного кармана шприц, на вид с кровью, ввел себе в ногу. Дыра от пули быстро затянулась. Момент, и раны будто не было.

Мужик тяжело выдохнул, достал из-за спины лопату с выдвигающейся ручкой, выдвинул до упора и выбежал из-за укрытия. Бандит не успел среагировать. Остриё лопаты быстро рассекло ему череп.

Из Упырей остался только главарь. Он целился в нас, но руки его дрожали, он был окружён. В последний момент он повернулся к нападающим, стараясь прицелиться. Но писто-

лет в миг выбили из его рук и кинули мне. Двое схватили главаря.

– Ну, чё как баба? Стреляй уже! Отомсти! – проворчал тот, что был с лопатой.

Недолго думая, я подошел поближе и вышиб уроду мозги.

– Вот и хорошо. А то, как идиоты, раздвинули руки. – сказал тот, что был с ножом.

– С-слушайте, вы вообще кто? – заикаясь, спросил я. – И что с тем парнем?! Что происходит?!

– Успокойся! Всё в порядке. Он... дай секунду...

Большая часть дыма стала странным образом сгущаться в одной точке, после чего превратилась во что-то другое, похожее на человеческое тело. Пару секунд спустя, на этом месте стоял взорвавшийся. И на нём не было ни царапины.

– Что за? Кто вы? – недоумевал я.

– Это Шак'Хид, – указал на взорвавшегося тот, что был с ножом, – создатель Вселенной. Меня называйте Очкожум. Этого сударя зовут Михаил, но так же можете называть его Гробовщиком. Он лучший убийца в городе.

– Вау...

– Мы Татар Гетто. Ищем людей, готовых улучшить эту

планету. Собираемся построить мир, в котором технологии скакнут вверх, люди забудут о разногласиях и будут жить и работать во благо человечества. Мы следили за вами в последнее время. Я соболезную твоей утрате.

– Чёрт... В голову... – подавлено пробормотал Гробовщик, наклонившись к телу Маши. – Если бы прострелили не голову, Шак'Хид смог бы её воскресить. Как меня...

– Да, хреново... – опустил глаза Очкожуй.

– Нужно её похоронить, – оживлённо прикрикнул я, – рядом с её родителями!

– Да, непременно отправляйтесь! Мы здесь пока приберёмся. Сюда, наверняка, скоро приедет полиция.

– Я помогу. Это же мой клуб!

– Нет, это наше дело. – бросил Очкожуй. – Вы должны похоронить Машу. Гробовщик пойдёт с вами. Он... можно сказать, мастер в этом деле...

– Хорошо, но что дальше?

– Здесь находиться опасно. Думаю, вам пора прощаться с этим зданием.

– Но...

– Никаких «но»! Через час-другой это место будет облеплено полицией, журналистами и прочими охотниками до правды. Если они узнают о Татар Гетто раньше времени, всё будет тщетно.

– Но что мне с этого? Извините, я благодарен за то, что вы спасли нас, но... терять миллионы... Зачем мне это?

– Поверь, мы нужны вам, а вы нужны нам! Разве ты не хочешь найти тех, кто стоит за этими ублюдками?

– Главарь заикнулся про каких-то «Упырей».

– Мы знаем, кто это. И к тому времени, как вы закончите с похоронами, а полиция нагрянет сюда, мы узнаем об этих Упырях ещё больше. Приходите по этому адресу, – Шак'Хид протянул мне бумажку, – там мы обсудим дальнейшее.

– Ладно...

Похороны прошли почти без слов. Стояла жара, было трудно дышать. Хорошо ещё, что могила Маши была вырыта в тени раскидистого дуба. Этот вековой гигант спасал нас от мук, позволяя по-человечески провести погребение. Гробовщик вырыл могилу своей лопатой. Затем мы начали поднимать гроб, который купили прямо по дороге сюда. Сомневаюсь, что продавец не удивился. Не каждый день у тебя покупают гроб, с самовывозом, да ещё и не под заказ, а так, с прилавка.

Гробовщик приготовился поднимать гроб, но руки его заметно затряслись. Он сжал их в замок, пару раз повертел, а затем, угрюмо посмотрев на меня, сказал:

– Мне очень жаль. Я понимаю, каково это...

Я лишь кивнул. Положив гроб в могилу, мы минуту помолчали.

Вот и всё, Маша. Пришло время прощаться. Прости, что не смог тебя уберечь. Но я обещаю тебе! Обещаю, что я найду тех, кто стоит за твоими убийцами. Они ответят, я клянусь!

Настя была заинтригована случившимся. Ей хотелось узнать, что будет дальше. Поэтому она ни в коем случае не отговаривалась от второй встречи с Татар Гетто.

Мы пришли по адресу. Перед нами раскинулась линия гаражей. Вокруг не было ни души. На одном из гаражей висела камера, что было весьма странно. Мы встали перед ней, помахали руками. Ждать долго не пришлось. Дверь гаража открылась. Но это был не гараж. Вместо ожидаемого места для машины был съезд вниз. Пройдя туда, мы увидели довольно большую парковку, а ещё дальше, за железной дверью, – целый подземный город. К нам подошёл знакомый «Создатель Вселенной», Шак'Хид. Он проводил нас в зал переговоров.

– Как вам тут? Нравится? – спросил Очкожуй.

– Невероятно, целый город! – удивился я. – Вы сами построили?

– Нет, его начали строить после Великой Отечественной советские учёные. Здесь создавались инновации. Больше всего эти лаборатории были востребованы во время холодной войны. Но сейчас о них забыли.

– Вы говорили, что узнаете больше об Упырях!

– Верно, и мы узнали. Те ещё ублюдки. Пожалуй, самая крупная преступная организация в России. Они ужасны тем, что в их ряды вступают ещё молодые люди. Им предлага-

ют другую жизнь. Жизнь «на свободе». Но их «свобода» заключается в безнаказанности, а значит, они могут творить очень многое. Полиция очень редко реагирует на их нападения, ведь у них повсюду свои люди.

– Но вы знаете, как на них выйти?

– Мы знаем, где находятся некоторые их логова.

– Тогда давайте отомстим им!

– Не так быстро! Сначала нам нужно заручиться поддержкой. Татар Гетто должно стать достаточно сильным. Я предлагаю вам вступить в наши ряды!

– Блин, даже не знаю...

– Подумай хорошенько. Сколько боли нанесла эта атака Упырей? А ведь это были всего лишь рекруты. Истинные масштабы ущерба ужасают. И их необходимо остановить. И не только их. В мире столько ужасных людей...

– Ясно. Ну а чем мы можем помочь?

– Настя – круглая отличница, и не за красивые глазки. Она знает многое, о чём люди в её возрасте и не догадываются. А ты – бизнесмен. Твои деньги помогут нам. Да и сам ты не глупый, последний год устраивал встречи с интеллигенцией города.

– Не знаю, как ты, а я согласна. – сказала мне Настя. – Наконец найду применение знаниям. Перестану быть просто «бессмысленной заучкой», стану приносить пользу.

– Тогда и я тоже. Я с вами.

– Отлично, добро пожаловать, Эсс Шейкер! Добро пожа-

ловать, Татар Гёрл!

– Татар Гёрл? – удивилась Настя.

– Шак’Хид любит давать псевдонимы. – объяснил Очкожуй. – Говорит, птицы на Великом Древе так делают.

– Великое дерево? – переспросил я.

– Потом расскажу. – успокоил Шак’Хид.

– А почему мне не дал другой псевдоним?

– Мне и этот нравится. Это ведь не твоё настоящее имя.

– Похоже, ты всё ещё Эсс Шейкер. – Настя положила руку мне на плечо. – Я, пожалуй, откажусь от твоего прежнего предложения.

– Твоё право. – с улыбкой сказал я.

– Теперь о будущем. – начал Очкожуй. – Мы решили образовать восьмёрку из самых выдающихся. Восьмёрка будет управлять всем. И вы с этого момента – часть восьмёрки. Таким образом, у нас уже пять человек. Но нужны ещё люди. У нас на примете есть одна, но её будет очень непросто найти. А остальные две... Даже не знаю... есть идеи?

– Хм... вообще-то, – задумался я, – есть одна на примете...

Глава 5, Надо подкачаться

Александра Акмерова

– А вот и ты, малявка!

– Отстань, Федя! – бросила я.

– Нет уж, я только начал! – он подошёл ко мне.

– Прошу, дай мне пройти...

- Куда идёшь? Тебя проводить?
- Не стоит...
- Да ла-а-а-дно, не стесняйся! Давай сумку, я её понесу.
- Я сама...
- Я настаиваю!

Федя резко выхватил у меня сумку.

- Отдай!
- Уже? Я сказал, что донесу её до дома!
- Ты этого не говорил!
- Правда? Ну вот, сейчас сказал, хе-хе! А что тут у нас?

Учебники, учебники... ну ты и заучка, малявка...

– Прошу, отдай!

– Так, посмотрим... О! Косметичка! Что, неужели красишься? Небось, понравиться парням хочешь? Откуда у тебя столько косметики?

– Мама одолжила...

– Правда? Как мило! А мамочка знает, что эту косметику ты используешь для того, чтобы совращать пареньков?

– Что ты несешь?

– Почему «несу»? Признайся, ты желаешь заполучить внимание парней. Используя эту косметику, ты хочешь затащить какого-нибудь пацана в постель, потом потребовать денег, прям как грязная проститутка!

– Не говори так! С чего ты взял?

– Ну, денег у вас в семье нет... Вы же все одной старой косметикой пользуетесь. Скорей всего, это у тебя в крови. Мама-то твоя, наверное, тем же занималась. За деньги с мужчинами спала...

– Не смей так говорить о моей маме!

Я попыталась ударить его, но безуспешно, он схватил меня за руку.

– Отпусти меня!

– Спокойно, малявка. Я могу помочь тебе с деньгами. Просто сделаешь, что умеешь...

– О чём ты?

– Как «о чем»? Подумай головой! Я могу дать тебе пять тысяч рублей, а тебе нужно будет просто... Отсосать...

– Что? Ты с ума сошёл? Нет!

– Тебе тот же вопрос. Ты в курсе, что профессиональным проституткам платят не многим больше, при этом они не ограничиваются минетом. Я предлагаю тебе очень много. Соглашайся!

Федя протянул мне пятитысячную купюру.

– Бери, бери!

– Ты рехнулся? Это отвратительно! Не буду я брать их! Не буду ничего...

– Не будешь братъ – не надо! Я, блин, помощь предлагаю, а она отвергает... Ну, что поделаться, тогда поработаешь бесплатно...

– Отвали от меня!

Я попыталась вырваться, но Федя и два его спутника окружили меня, крепко схватили, больно сжимая мои руки. Они начали... Я... Мне... Не дали выбора... Я... Я не хочу... Об этом говорить...

Мне было 14 лет, я училась в школе. Ударница, уроки не прогуливала. Всё, вроде бы, прекрасно, но...

Я никогда не отличалась высоким ростом. Наоборот, была одной из самых низких в классе. Из-за этого меня все обзывали, смеялись надо мной, творили разные злые шутки. Я не могла дать сдачи. Не имела возможности. За меня даже некому было заступиться...

В школе образовалась большая компания учеников. В основном туда входили дети богатых людей, также спортсмены и прочие. Не знаю, почему дети влиятельных, богатых и серьёзных людей вырастают избалованными, наглыми, склонными к творению беспредела. До школы мне казалось, что серьёзные богатые люди, напротив, должны строго воспитывать детей, чтобы вырастить из них достойных наследников, знающих свое дело.

Эта компания постоянно встречалась между собой, по-

сещала вписки и тусовки, за счёт родителей как-то доставала алкоголь, сигареты и даже наркотики, постоянно беспрдельничала, нанося ущерб людям. Конечно же, в списке развлечений этой компании было издевательство над «недостойными»: «задротами», «дрыщами», «слабаками». И нетрудно догадаться, что я была одной из «недостойных».

Федя Фролов – парень из девятого класса. Одним своим видом показывает, что ему плевать на всех. Якшается со старшаками, верхами компании «элиты». Его отец – влиятельный олигарх. Поэтому связи и деньги могут решить любую проблему Феде. Папочка не даст сыночка в обиду, он будет на его стороне в любом случае. А учитывая его связи, правыми всегда останутся Фроловы. Это и даёт Феде безнаказанность, позволяет ему делать всё, что он захочет. Урод...

Я всё пыталась забыть тот ужасный день. Не могла простить его за то, что он сделал. Да, прощения он и не достоин... Я мечтала о том дне, когда я наконец ему отомщу.

Прошёл месяц. Ничего не изменилось. Да и разве должно? Детишки богатых развлекаются, что еще нужно? Мнение остальных никто не спросит. Здесь, либо выделись из толпы, сделай что-нибудь дикое, тем самым заслужив уважение, и войди в компанию... либо страдай от вечных издевательств со стороны «элиты» без права дать сдачи.

Я сидела на уроке математики. Мы проходили новую тему, уже не вспомню точно, какую. В последнее время моя успеваемость стала падать, я больше думала именно о ком-

пании «элиты», мысленно строила маршрут до дома так, чтобы не наткнуться на этих уродов. Хотя, я понимала, что в любом случае попадусь, ведь в моём классе тоже достаточно членов компании.

Из своего класса я разговаривала только с одной девочкой – Алиной. Моя единственная подруга. Мы часто вместе ходили до дома. Алина, казалось, единственный нормальный человек в школе. Она была отличницей, помогала мне не скатиться в пропасть по учёбе.

Это был обычный день, ничем не отличающийся от остальных. Вдруг в кабинет вошёл классный руководитель вместе с каким-то мальчиком. У него было умное лицо с редкими веснушками на щеках. Волосы его были пострижены под теннис, хотя были достаточно длинными.

– Знакомьтесь, дети, это Боря, наш новый ученик. Он приехал из Санкт-Петербурга. Ну ладно, у вас будет еще время познакомиться. Боря, садись на свободное место. Не буду мешать уроку. Уже уйду. – сказала она и вышла из кабинета.

Боря сел перед нами с Алиной. Он не был уродлив лицом, а на уроке произвёл впечатление на учителя.

– Вроде нормальный парень, как думаешь? – прошептала мне Алина.

– Посмотрим... Быть может, его сразу в компанию возьмут. – пессимистично заявила я.

– Будем надеяться, что нет. Не хочу, чтобы они его испортили.

После урока к Боре сразу же подошли одноклассники. Вернее, представители дурной компании. Они начали задавать вопросы про Питер, стараясь вынудить его рассказать о родителях и их социальной значимости. В конце концов им удалось, но родители Бори не были богатыми, не имели больших связей. Отец имел собственный бизнес по продаже спальной мебели, мама не работала. Приехали же они сюда, так как отец нашёл выгодное место, по сравнению с Питером здесь было мало конкуренции.

Одноклассники не обрадовались этому, поэтому спросили про его увлечения и привычки. Боря ответил, что увлекается чтением научной фантастики, любит математику и физику. А про привычки промолчал.

Последней попыткой одноклассников было приглашение на вечеринку, на что они получили отказ. Боря извинился, сказал, что ему нужно помогать родителям разбирать вещи.

– Да ну его, ребят! Предлагаешь ему в компанию вступить, а он отказывается. Не хочет, не надо! – сказал одноклассник.

– Видишь? Я же говорю, что он нормальный! – ткнула ме-

ня Алина, – А ты не верила!

– Я надеялась, просто не хотела делать поспешных выводов.

Когда толпа рассеялась, мы с Алиной подошли к Боре. Познакомившись, мы рассказали ему о ситуации в школе, о компании «элиты» и о том, что мы являемся объектами издевательства.

– Не бойтесь, девочки, я вас в обиду не дам, буду вас защищать!

– Правда?

– Правда. Только скажите, я со всем помогу. Вступлюсь за вас, если нужно.

– Спасибо, спасибо, Боречка! – радостно воскликнула Алина и крепко обняла Бору.

Ответив на объятия взаимностью, он предложил проводить нас до дома. Мы безоговорочно согласились.

С этого момента мы часто ходили вместе. Как ни странно, к нам никто не приставал. Прошло достаточно времени – где-то два-три месяца. Мы сдружились, начали собираться и вместе заниматься. Боря был и вправду умён, особенно в математике и физике. Он всегда помогал нам, объяснял темы. Всё было отлично...

Один раз после уроков мы собрались втроём и пошли до-

мой. Всё было хорошо. Ничего не предвещало беды. Даже погода была на нашей стороне. Было в меру пасмурно, в воздухе ощущалась приятная влага, при этом было тепло. Мы вышли за территорию школы и прошли пару кварталов.

– Блин! – Боря вдруг вздрогнул.

– Что такое? – забеспокоилась Алина.

– Забыл свой пакет, там лежали новые книги...

– Жаль, – стараясь выдать из себя равнодушные, сказала я.

Не то чтобы мне было всё равно. Я просто не хотела возвращаться в школу.

– Простите, я сейчас сбегая назад, подождите, пожалуйста.

– Но...

– Я мигом! – прервал Боря.

Он быстро побежал обратно к школе. Мы зашли в магазин, чтобы не попадаться на глаза.

– Ну, как тебе Боря? – спросила вдруг Алина.

– Вроде нормальный. Мне кажется, мы неплохо ладим.

– Знаешь...

– Что?

– Мне кажется... Понимаешь...

– Ну же, говори, не ломайся!

– Мне кажется, что я влюбилась...

– Понятно... А что плохого?

– Я думала, ты будешь возражать...

– Возражать? Из-за чего?

– Ну, мы его не так долго знаем...

– Неважно. У тебя к нему появились чувства. Это значит,

Боря подал повод этим чувствам появиться. Думаю, вы можете быть хорошей парой.

– Правда?

– Спрашиваешь... Конечно правда!

– Спасибо! Ты лучшая подруга!

– Не за что.

Она обняла меня. На душе стало теплей, я на миг забыла о проблемах, просто насладилась теплом этих дружеских объятий. Наконец, в окне показался Боря, мы вышли из магазина.

– Ну как? Нашёл? – начала я.

– Нашёл. Был там, где я его и оставил.

Мы медленно пошли дальше.

– Ой, а можно посмотреть, что у тебя там? – таким милым

голосом протянула Алина.

– Где?

– Ну, в пакете...

– А, ну так вот, книги сегодня утром купил...

– Учебники или что-то художественное?

– И того, и другого. Вот, сама посмотри.

Боря достал несколько книг, дал их Алине. Мы шли и долго рассматривали книги Бори. Вдруг Алина заметила ещё один предмет на дне пакета.

– А что там на дне?

– А, это... Я конфеты утром купил... Хочу маме сюрприз сделать...

– А можно посмотреть?

Боря вытащил толстую коробку конфет.

– Можно одну?

– Прости, Алин, но, это ведь для мамы...

– Ну Боре-ечка-а...

– Прости, не могу. Давай лучше я куплю тебе целую пачку.

– М-м-м, хорошо...

Алина, предвкушая вкус конфет, положила голову на плечо Бори. Так мы прошли ещё прилично. Вдруг из-за угла вы-

шли трое парней, во главе с Федей. Они преградили нам дорогу. Боря выбежал вперёд, закрывая нас руками. Федя подошёл к нему.

– Так, так, так! Великая троица! Малявка, Борец и шлюшка!

– Заткнись, Федя! – грозно вышел вперёд Боря.

– Не повышай голос на старших. Тебя не учили? И, что у тебя в пакете?

– Книги. Впрочем, тебе не понять...

– Я всё же попытаюсь!

Федя отобрал у Бори пакет, стал вытряхивать из него всё содержимое. Наконец, он наткнулся на коробку конфет.

– Ой, а это что? Набор сахарного диабетика?

– Что? Нет! Ты дурак? При диабете нельзя сладкое!

– Насрать...

– Я купил эти конфеты для мамы. Отдай!

– Нет, они грязные. Из твоих рук! Ты же не хочешь отравить мать?

Федя отдал коробку конфет своему другу, тот сложил её в свой рюкзак. Двое других схватили Борю. Я прыгнула на них, попыталась оттолкнуть, но меня бросили в грязь. Федя подошёл ко мне, поднял. Я начала вырываться, но он был

сильнее.

Вдруг я услышала знакомый крик. Это был мой папа. Он вышел во двор, увидел нас, сразу побежал на выручку. Вырвал меня у Феде и со всей силы ударил его в лицо. Федя упал, из носа хлынула кровь. Его дружки помогли ему подняться.

– Знай же, урод! Тебе конец! Уже завтра будешь говном питаться! – заорал Федя на моего отца.

– А ну быстро пошли отсюда, слизняки! – разозлился папа.

– Пошли, пацаны, с них на сегодня достаточно!

Федя с его друзьями убежали. Чёрт, если бы нас остановили подальше от моего дома... Не знаю, что бы могло произойти. Папа появился очень вовремя.

– Боречка! Твои конфеты!

– Ничего, Алина, главное, тебя не задели.

Они крепко обнялись. Я попрощалась с этой сладкой парочкой, зашла с отцом домой.

Дом, милый дом... Хотя здесь можно спокойно отдохнуть от всего, что приходится терпеть каждый день. Хотя, отдыхом это не назовёшь. Я уселась за уроки. Делала домашку долго, очень долго... Вроде, только села, а уже позвалиужи-

нать. Ну а после ужина, вновь домашка. Закончила я только к полуночи. Выключила лампу и упала, не раздеваясь, на кровать.

Проснулась я совершенно убитая, взглянула на часы и охнула. Уроки уже через пол часа! Я быстро собралась, побежала на кухню, чтобы сказать родителям, что поем в школе.

– Мам, Пап! Вы здесь?

– Да, милая? – папа отвлекся от чтения какой-то бумажки.

– Я опаздываю в школу.

– Прости, проводить тебя не смогу.

– Что-то случилось?

– Помнишь вчерашнюю драку?

– Как можно забыть! Еще раз спасибо тебе!

– Не за что. Только...

– Что такое?

– Мне... Поступила повестка в суд... За избиение несовершеннолетних...

– Чёрт, это всё Федя...

– Кто такой, этот Федя?

– Парень, которого ты ударил, у него влиятельный отец...

– Да уж, приехали... Не волнуйся, милая, всё образуется.

Я кивнула, обняла родителей и побежала в школу. По дороге у меня из головы не могла вылететь мысль:

– Что дальше?

Быть может, у папы получится всё уладить, быть может...

Быть могло по-разному, да только произошло одно из самых плохих развитий событий. Как адвокат папы не вертелся, похоже, все люди Фролова вертели его, как им угодно. В итоге, папу посадили на два года, посчитав этот случай очень тяжёлым. Федя нарочно жаловался на здоровье, что дало дополнительный плюс Фроловым. Нас так же оштрафовали на 50.000 рублей. Это была огромная сумма. Мама тогда не работала, заначек в доме мы не держали. Поэтому мама решила найти работу, но её никуда не взяли. Скорей всего, не без помощи Фроловых. Ну а вишенкой на торте послужил визит людей из органов опеки. Они сообщили, что вынуждены забрать меня в детский дом, так как мама не может меня содержать, а так же её замечали за проституцией. Чёртовы Фроловы! Моя мама никогда ничем таким не занималась. Федя многое сочинил для отца, а тот в одночасье поверил и сообщил в нужное место. Это была последняя капля...

Меня привезли в детдом. Но сидеть здесь и смотреть, как в конец рушится жизнь родителей, Алины и Бори, я не могла. Я должна была отомстить. Однако, сидя в детдоме, ничего не сделаешь.

Один раз нам сообщили, что скоро отправимся на экс-

курсию к песчаному карьеру. Я решилась на отчаянный поступок. За несколько дней до поездки я успела найти много красной краски. Краску я засунула на дно сумки, её погрузили в автобус.

Мы отправились к карьеру рано утром. Солнце ещё недавно лишь выглядывало из-за горизонта. Всю поездку я продумывала дальнейшие действия, ведь действовать надо было быстро. Как только автобус остановился, я сразу побежала к выходу, но меня остановил воспитатель. Он начал рассказывать о технике безопасности, о поведении. Как обычно, очень долго. Меня больше волновало то, что в это время водитель автобуса разбирал сумки. Наконец, нас выпустили из автобуса. Я сразу рванула к багажнику. Водитель уже вытащил всё, наконец наткнулся на мою сумку.

– А это ещё что за багаж? – почесал затылок водитель.

– Это моя сумка. – сказала я.

– А не много ли взяла? – указывая на чуть ли не разрывающийся от наполнения рюкзак. Бутылка красок оказалась достаточно громоздкой.

– Нет, там всё нужное, подружки попросили взять пледы для пикника.

– Ну смотри, не надорвись только!

– Буду осторожной, спасибо!

Я повесила сумку на плечо. И правда, она была толстая,

нести её было не удобно. У всех будут возникать вопросы. Поэтому надо не привлекать особого внимания. Дети взяли свои сумки. Мы пошли вместе с воспитателями к карьере. Он был вырыт посередине леса. Сейчас отсюда уже не берут песок, к тому же его дно залило водой, образовав озеро, на которое приезжают покупаться люди.

Мы пришли на дно карьера, все начали раскладываться и купаться. Я немного подождала. Большинство людей уже вылезли из воды. Тут воспитатель позвал всех перекусить. Я подгадала время, когда на меня никто не смотрит, расстегнула молнию на сумке, достала бутылку и побежала к воде. Меня заметили, когда я уже плыла к центру озера. До центра я не доплыла, у меня просто не хватило бы сил, тем более нужно было сэкономить их для следующего трюка.

Я набрала в себя много воздуха и нырнула. В воде я открыла бутылку, всё вокруг заполонило страшное пятно, будто пятно крови.

Сделав это, я быстро поплыла к ближайшему берегу. Судя по глухим голосам, дети и воспитатель вскочили, побежали в воду.

Я плыла под водой со всех сил, воздух и силы кончались. Думала, что не доплыву... Но вот, наконец, нащупала ногой песок.

Я медленно высунула голову из воды, стараясь спокойно выдохнуть углекислый газ и вдохнуть кислород, чтобы меня не заметили воспитатели. Выплыла я за двадцать метров от моей группы, вышла на берег, аккуратно села на песок, спокойно отдышалась и в обход пошла к стоянке машин. Там я дождалась, когда какая-нибудь семья начнёт собираться уезжать. Стала умолять их подвезти до Казани. Сказала, что заплачу, когда приедем.

Одна молодая пара согласилась помочь. Окутав меня полотенцем, усадила в машину и довезла до Казани. Они сказали, что я ничего не должна, пожелали удачи. Удивительно, давно не разговаривала с такими приятными и дружелюбными людьми... Да, были до этого воспитатели. Но из-за обстоятельств моего попадания в детский дом у меня не получалось позитивно о них думать.

Я тайком пробралась в детдом. Он был закрыт. Все, видимо, уехали, узнав о моей «смерти». Переодевшись, взяла всё, что нужно. Дальше мне необходимо было найти деньги.

Я пошла по своей улице и увидела, как пару уродов из «элиты» избивает каких-то «недостойных», при этом оставив свои портфели без присмотра. Сделав рывок, я схватила портфели и побежала, как можно дальше. Эти идиоты даже не заметили. Я села в подворотне, открыла портфели. Чёрт, учебники занимали где-то 2 процента всего пространства. В портфеле были эротические журналы, пачки сигарет, какие-то таблетки, два шприца, ноутбук и пачка денег. Класс! Это то, что мне нужно. Ну всё, игра начинается, «элита»!

Мне надоело быть слабой малявкой, которая ничего не может сделать. Мне надо подкачаться. Я нашла одну захудалую качалку, зашла внутрь.

– Добрый день... Э-э-э, девочка, не потерялась? – удивлённо спросил хозяин.

– Нет, я бы хотела спросить, как можно быстро набрать массу?

– Быстро не получится. Нужно долго тренироваться...

– А как же стероиды?

– Ты что? Тебе же нет восемнадцати! Да и так, это вредно!

– Неважно. Мне нужны самые сильные стероиды! Даже запрещённые!

– Не кричи так. – прошептал он. – У меня есть много стероидов с черного рынка. Они сверхмощные, но почти смертельные! К тому же, они очень дорогие!

– Не проблема!

Я положила пачку денег на стол, мужик пересчитал их и обалдел.

– Откуда столько?

– Неважно. Давай всё, на что хватит!

– Тут, хе-хе, на много хватит...

Мужик на несколько минут ушёл на склад и стал периодически вытаскивать пакеты с порошками, коробки с таблетками и банками с жидкими стероидами. Я сказала, чтобы оставил здесь. Впредь я стала жить в качалке. Мне повезло, у мужика была свободная комната, а тех денег хватило надолго.

Я просыпалась, шла в качалку, врубала на всю громкость песню Джигана «Надо подкачаться», принимала полкило стероидов за раз и начинала качаться. Качала руки, ноги, пресс и так далее... Владелец качалки стал моим тренером. Показывал секретные методики и упражнения, чтобы набрать мышечную массу сверхбыстро.

Это всё равно заняло достаточно времени. Мне на тот момент исполнилось пятнадцать. Владелец подарил мне на день рождения абонемент на вечное посещение качалки. Это конечно, круто... но деньги кончились. За комнату платить нечем, поэтому я должна была найти работу. Тренер сказал, что дать работу не может, но рассказал о стриптиз клубе «У Эсс Шейкера», что недавно начал стремительно развивать-

ся. Он предложил мне устроиться туда охранницей. Я пожалала плечами и пошла в клуб.

Вот и двери клуба. Снаружи не было охраны, видимо, «У Эсс Шейкера» только начинал своё развитие. Значит, моя помощь им не помешает. Я спокойно прошла внутрь и на секунду прищурилась. Было темно, свет источали лишь несколько неоновых ламп. Как только глаза привыкли к темноте, я встала на месте с шокированным видом. По центру большого зала стояли столы, сдвинутые в один. На столах танцевали стриптиз несколько девушек. С одной стороны от столов стояла очередь, а с другой в кресле сидел русский мальчик. За креслом стояли еще две девушки. Я не сразу поняла, что здесь происходит, но только потом увидела табличку с надписью «Кастинг в стриптизерши».

– Видимо, Эсс Шейкер набирает сотрудниц. – подумала я. – Нужно найти его, попросить взять на работу.

Может, спросить у мальчика. Скорей всего, это его сын. Я подошла к креслу.

– Привет, я не могу поговорить с твоим отцом?

– С отцом? Нет...

– Почему? Он занят?

– Нет, здесь его вообще нет. С чего бы ему здесь быть?

– Извини, я видимо ошиблась, ты не сын хозяина. Что же

ты тогда здесь делаешь?

Девушки рассмеялись. Мальчик усмехнулся.

– Что смешного? – недоумевающе спросила я.

– Возможно тебе это покажется странным, подруга, – улыбнулась одна из девушек, – но, – она сделала нагнетающую паузу, – этот двенадцатилетний парень – хозяин клуба, Эсс Шейкер.

Я на минуту остолбенела. Но поняв, что, мягко говоря, странности в клубе – обычное дело, наконец выдавила из себя несколько слов.

– Я хотела бы устроиться на работу.

– Вставай в очередь, – показал на девушек Эсс Шейкер, – у нас как раз кастинг.

– Не в этом смысле. Я не про стриптизерш, тем более, мне всего пятнадцать. Понимаю, у вас здесь это скорей всего не имеет значения...

– Имеет. Работать стриптизершами детям нельзя. Иначе, меня бы быстро посадили, а клуб закрыли к чёрту. Однако, я могу нанять тебя на неполный день, к примеру, барменшей.

– Спасибо за предложение, но я бы хотела устроиться охранницей. У вас есть места?

Эсс Шейкер осмотрел меня. Я серьёзно накачалась к тому времени. Вряд ли он нашёл бы кого-то лучше в ближайшее время.

– Есть конечно. В первое время будет тихо, так как посетителей не очень много. Можешь работать.

Мы подробно обговорили детали. Мне удалось добиться выгодных условий работы. Работать буду половину дня, в свободное время качаться. Ну и зарплаты мне хватит на оплату комнаты, даже лишнего останется. Мне нужно продержаться еще хотя бы пару месяцев. В тому времени я планировала накачаться достаточно, чтобы наконец дать отпор уродам из «элитной» компании, и в частности Феде.

Время пролетело незаметно, прошло уже полгода. Клуб процветал очень быстро, Эсс Шейкер начал зарабатывать по миллиону в месяц, особенно после элитного вечера в честь своих первых миллионов. Этот вечер был очень важен для босса. Но хватит о нём...

Меня все считали погибшей. Тело так и не нашли. Ну и пусть ищут. Жаль только, что с тех пор озеро на карьере объявили опасным для жизни. СМИ рассказывали свои теории произошедшего. Некоторые считают, что там завелись хищные рыбы, или какой-нибудь зверь. Другие утверждают, что меня затянуло под воду из-за карстовой воронки. Особо отчаянные заявляют об инопланетянах или путешествии-

ях между мирами. Смех, да и только... Впрочем, вскоре мне самой нужно будет вскрыть все карты.

Недавно видела идущих в обнимку Борю с Алиной. Боря проводил её до дома, в конце даже поцеловал. Они выглядят счастливыми. Но я то знаю, что быть до конца счастливыми при постоянном доминировании «элиты» просто невозможно. Ничего, скоро всё изменится.

День назад произошло переломное событие. Я только пришла с работы, переоделась, как вдруг ко мне в дверь постучал тренер. Я открыла.

– Привет, как работа? – спросил меня он.

– Рассказывать нечего...

– Я имею в виду, не утомилась?

– Да нет, разве что ноги устали на месте стоять.

– А голова не болит, или ещё что?

– Нет...

– Если вдруг что, скажи мне. Я могу как-то помочь.

– Слушай, ты что, поухаживать за мной решил?

– С чего ты взяла?

– Слишком уж много вопросов о моём самочувствии.

– Во-первых, меня отношения не интересуют!

– М-м-м... Ясно...

– Во-вторых, я тренер, мне нужно точно знать о здоровье своих подопечных.

– Ладно, я поняла...

– И наконец, в-третьих, для нового мощного стероида нужна полная боеготовность. Иначе он просто разрушит тебя изнутри.

– Так-так! Поподробней. Что за новый стероид?

– Я откопал несколько килограмм таких сильных стероидов, что они могут увеличить твою массу в два раза. Сколько в тебе сейчас? Восемьдесят килограмм чистых мышц. А будет сто шестьдесят, а то и двести.

– Врёшь.

– Слушай, ты живёшь у меня, посещаешь качалку и скупаешь почти все стероиды. Думаешь, много у меня таких выгодных клиентов? Я, по большому счёту, стал за твой счёт жить. Какого чёрта мне тебе врать?

– Ну хорошо, и сколько же всё это добро стоит?

– У меня шесть килограмм. Всё вместе стоит... Дай посчитать... Ага! Всё вместе обойдётся тебе в триста тысяч...

– Ничего себе, у тебя расценки...

– Я жизнью рисковал. Дилер мог меня тупо расстрелять с деньгами. Почти столько же стероиды и стоили, я уж себе почти выгоду не делаю, всё для тебя!

– Ну ладно, прости. Мне очень нужны эти стероиды, отложи их для меня.

– Ха-ха, да у меня никто, кроме тебя, их и не купит.

– Тоже верно, и всё же.

– Хорошо, отложу.

Мешкать и ходить вокруг да около я не стала, сходила к Эсс Шейкеру, попросила в долг нужную сумму, вкратце объяснив, зачем всё это мне нужно. Он одобрил мою идею и незамедлительно дал деньги. Даже разрешил не возвращать, пожелав на прощание быть осторожнее.

Я должна была узнать об «элите» побольше. А больше всего информации и планов раскрывалось у них на вечеринках. Мне нужно было пойти инкогнито на такую вечеринку. Чёрт, как бы я хотела пропустить эту часть плана.

Я пыталась прятать лицо, а внешне меня уже было не узнать. Я подкупила одного парня на побегушках у элиты, который ползает под ногами верхов в надежде когда-нибудь стать полноправным членом компании. Напрасно. Эти уроды любят чувствовать себя выше других. Его они пускают так близко, потому что им нравится повелевать подобными лохами, вытирать об них ноги, заставлять делать грязную работу и просто издеваться. Такое поведение оправдывается тем, что они сеют надежду стать равным им тому, над кем издеваются. И жертва такого издевательства слепо верит в обещания. Но понятие обещания таким людям, как «элита», мало знакомо. По крайней мере, их обещания, чаще всего, – пустые слова. Не более. Ведь, если подумать: сейчас проход в ряды «элиты» включает совместные вечеринки, нахождение в курсе событий и сплетен. Но это пока что. Ведь, дай всем им вырасти и встретиться лет через десять-пятнадцать, их интересы поменяются... по идее, должны поменяться. Тут

уже не будет времени постоянному развлечению. Богатые будут владеть фирмами, предприятиями. А вышеописанные «жертвы» будут пытаться сдружиться с богатыми, дабы быть в центре событий, а затем и занять хорошее местечко, выгодное для всей семьи финансово. Но разве это нужно богатому? Разве надо подпускать к себе какого-то рядового человека из серой массы? Да тем более и соображать потом, куда его, «по старой дружбе», пристроить. Даже самый дружелюбный и честный человек просто не захочет этим заниматься. Это займёт время, силы, возможно деньги, в итоге всё равно ничего не окупится. Тем более, всё может в любой момент рухнуть. По-хорошему бы сразу отказать человеку. Но некоторые делают хитрее. Они обещают столько сделать для «жертв», что те будут чуть ли ни на равне с ними. Естественно, «жертва» ведётся. Ведь ей хочется во что-то верить, а это – единственный вариант. В итоге «жертва» становится персональным рабом богача. Верующая в скорый небывалый подъём и лучшую жизнь, не замечает, как сама скатывается вниз. Богач использует её по полной, подтирается ей. Вертит, как хочет. Ну а когда «жертва» наскучит... или начнёт что-то осознавать, богач быстро разыгрывает какой-нибудь спектакль, незаметно подставляя жертву, а после как-бы гневается на неё. Так богач отцепляет от себя ненужного человека, при этом «жертва» считается виноватой, всячески карает саму себя за каждую ошибку. А если человек осознает правду, он ничего не сможет противопоставить богачу. У

богача связи. Он в два счёта разнесёт простого человека, а на следующий день никто не вспомнит. И здесь нет полностью правого и виноватого. Здесь виноваты оба. Один пользуется другим, как хочет. Другой даёт пользоваться, не замечая, порой, очевидной лжи. Но до этого ещё дожить надо. Сомневаюсь, что избалованные дети смогут без связей, своими силами и умом, добиться высоты. Они с детства привыкли, без хорошего жизненного урока им не изменяться. Скоро один такой урок я преподам...

Парень еле-еле уговорил пустить меня. Тусовка состоялась в загородном доме Феде. «Хозяин-барин» с важным видом стоял у входа и принимал всех. На самом же деле, он уговаривал стоящую недалеко худую блондинку на уединение.

Я вошла. Не поднимая лица, бросила взгляд на Федю и, как бы, кивнула. Он был слишком занят блондинкой, поэтому даже не обратил на меня внимания.

Я присела на диван рядом с каким-то странным типом, тоже прячущим своё лицо. Начала осматривать всё вокруг и подслушивать разговоры.

– Вика, где Димка? – спросил один десятиклассник.

– Не знаю, – ответила Вика, – куда-то ушёл...

– Блин, он на спор обещал станцевать стриптиз для девок на столе.

– Ха-ха, он решил по-другому удовлетворить девушек. –

хихикая, подбежала другая десятиклассница. – Видела, он уходил наверх с двумя младшенькими.

– Вот же сраный педофил!

– Кто бы говорил! – прервала Вика. – Помним, как ты шестиклассницу уламывал!

– Сучка ты, любишь всё испортить!

О чём только эти люди не говорят. Возникло ощущение, что они все поголовно насильники, мрази, матершинники, сидящие на шприцах. Я наслушалась за эту ночь столько, что мне хватило бы на всю жизнь. Изнасилования, пьянки, драки, наркота – всё это было главным образом задействовано в их диалогах.

Однако, промелькнул слух от том, что Федя хочет вскоре устроить особенную вечеринку. Не успел слух разойтись, как Федя подтвердил. Через неделю в этом же доме. Причём Фролов пригласил всех из «элиты». Вообще всех. Это мне на руку. Смогу расправиться сразу со всеми. Я ушла с вечеринки. И была этому невероятно рада. Её атмосфера вызывала тошноту.

Я вернулась в качалку. Тренера нашла в зале с тренажёрами. Он наблюдал за тренировкой двух парней.

– Я пришла забрать... сам знаешь, что...

– Ты научилась не палить меня с допингом, выкрикивая о нём на весь зал. Спасибо. – фальшиво поклонился он.

– Всегда пожалуйста!

– Постой, а откуда столько денег?

– Неважно. Я хочу попробовать стероиды в действии.

Тренер сходил на склад, через несколько минут принёс укреплённый ящик. Мы подождали, пока парни закончат тренировку. Я, пока что, размялась и подготовилась ко всему. Как только здание опустело, я включила песню Джигана, набрала два шприца со смертельным допингом. Ввела их и выпустила допинг себе в мышцы.

Я почувствовала, что по телу пронеслась дрожь. Не мешкая, прыгнула за тренажёры. Тренер учитывал все упражнения, перенаправлял на следующие тренажёры. Словно дирижёр, управлял процессом...

Стероиды начали действовать. Мышцы увеличивались на глазах. Я легла за штангу, начала тягать. С каждым поднятием мышцы расширялись на сантиметр, но в глазах темнело на пару оттенков. В мозгу творилось чёрт знает, что. Вскоре я просто потеряла сознание.

Очнулась я через несколько дней. Тренер рассказал, как мой мозг сильно пульсировал, почти разрывая череп, от этого мышцы еще сильнее расширились. В итоге, я лежала на двуспальной кровати, как на одноместной. Настолько я накачалась... Ну всё. Хватит без конца травить себя стероидами. В конце концов, я стала замечать за собой небольшие приступы агрессии. Это может добром не кончиться. Пора

начать действовать.

Следующий день. После утренней тренировки тренер попросил меня помочь с разгрузкой новых тренажёров. От нечего делать, я согласилась. К дому подъехала фура. Мы начали вытаскивать груз.

Пока мы выгружали, находившись на улице, появился Боря. В руках он держал коробку конфет. Увидев меня, он подбежал и радостно воскликнул:

– Саша! Это правда ты? Я думал, ты умерла!

– Как видишь, жива. Но пока никому ни слова. Как Али-на?

– Прекрасно, мы друг от друга без ума!

– Это отлично! Спасибо тебе. Ты заботишься о ней.

– Так может скажешь, куда ты пропала? И... почему... ты так накачана?..

– Ладно, скажу. Я инсценировала свою смерть, чтобы выиграть время и потратить его на увеличение мышц. Я должна отомстить богатыньким за всё. За вас, за себя... За всех, кого они чмырят.

– Как же ты хочешь отомстить?

– Завтра у них тусовка. Придут все. Там то я и объявлюсь.

Они получают сполна.

– Ух ты! Неужели?.. Наконец-то! Ладно, не смею мешать.

Думал попросить, но ты занята...

– О чём попросить?

– Да вот, купил Алине конфеты, как она любит. Да только она вернется в город лишь через два часа, а меня родители уже через час заберут. Мы едем в Питер. Надо родственников навестить. Хотел через кого-то передать, да только все заняты. А тут такая удача – тебя увидел.

– Я... Я бы могла к ней сходить.

– Правда? Это прекрасно! Она была бы рада с тобой встретиться.

– Хорошо, давай конфеты. Удачи!

Боря отдал конфеты, мы попрощались, и он пошёл к своему дому. До конца разобрав груз, я отпросилась у тренера и пошла к Алине.

Подошла я как раз к её приезду, обогнав на пару минут и встретив у входа в квартиру. Она прыгнула мне в объятия, визжала от радости. Начала задавать столько вопросов, вытягивать каждую подробность. Я рассказала ей не больше, чем Боре. И, вспомнив Борю, протянула ей коробку конфет. Она обрадовалась, начала рассказывать мне о нём: какой он хороший, прекрасный, красивый, романтический, щедрый, любящий и так далее... В итоге, мы поговорили обо всём, о чём только можно. Я пришла в качалку уже поздним вечером, потренировавшись, легла спать.

Проснувшись в этот судьбоносный день, я сразу рванула в качалку, тренировалась до упаду, даже уговорила тренера повторить введение полу килограммовой дозы того само-

го сверхмощного допинга. В этот раз я уже выдержала, хоть чуть не упала без чувств. Собралась с силами и закончила тренировку. На неё я потратила почти весь день. Лишь на пару часов я сходила в клуб «У Эсс Шейкера». Сказала, что скорей всего, на работу больше не вернусь. Ведь, всё может произойти... Босс без сомнения меня отпустил. У него уже появились два натренированных в боевом искусстве охранника. Мы простились.

Вот уже и вечер. Я поймала такси и отправилась на вечеринку. Пока ехала за город, я размышляла. Размышляла о многом. О том, что будет дальше. Ведь через пару дней папу выпустят из тюрьмы, он наконец спасёт маму от горя и бедности. Я тайно приходила к маме. Она рыдала от счастья, не могла отпустить меня. Я утешала её, говорила, что скоро всё вернётся на круги своя. Более того, я дала ей те самые 50.000. Да и вообще, я постоянно откладывала часть заработанного, чтобы потом передать эти деньги маме. Она выглядела измученной. Ей пришлось продать квартиру и жить по дешёвке в общежитии. Работу она нашла в ближайшем городке, малооплачиваемую. И, увидев эти деньги, была так счастлива. Ведь для неё было просто невозможно заработать столько. Папа выйдет, вернётся к маме, и они смогут вместе выбраться из этой ямы. Ну и я после своего отмщения снова вернусь в школу, к Алине, Боре... Плюс с работой в клубе о деньгах беспокоиться больше не нужно.

Интересно, а Боря будет с Алиной на всю жизнь? Было

бы здорово! Он прекрасный парень. Умный, красивый, понимающий и смелый, что при наших обстоятельствах очень важно. Сможет за неё постоять.

Ведь, если они поженятся, несомненно, будут счастливы! Будут любить друг друга до конца жизни! Об этом и о многом другом шёл монолог в моей голове в течении всей поездки.

Но вот, за лесом показались домики, как старые и заброшенные, так и огромные, похожие на дворцы. Да, именно на дворец был похож дом Федеи.

Я заплатила таксисту, подошла ко входу. Изнутри уже играла громкая музыка. Были слышны визги, смех и чей-то крик. Перед домом раскинулся немалой площади двор, похожий на парк. Тут были дорожки, деревья, высаженные в ряд кусты, ровно подстриженные и вычищенные. Словно искусственные. Однако, строительной преграждающей лентой был закрыт проход на все боковые дорожки, ничего не оставалось, как просто пройти прямо.

У дверей стоял Федя с той самой блондинкой. Одной рукой копался в телефоне, видимо, торопя опаздывающих, а второй рукой лапал блондинку за зад. Также недалеко стояло два спортсмена и друг Федеи, который постоянно с ним ходил.

Я немного постояла в стороне, думая, что делать дальше. Вдруг Федя начал телефонный разговор, причём, врубив громкую связь.

– Привет, братан! – начал он. – Ну как, ты где? У нас вечеринка скоро разгорится!

– Прости, – слышалось из телефона, – у меня отец в больницу попал. Тяжёлый случай.

– И что?

– Как «что»? Мне нужно навестить его.

– И ты ради старого хрена будешь пропускать нашу тусовку?

– Пойми, Федя! В семье шас всё вверх дном!

– Ну и пошёл ты! Не хочешь, не надо!

Федя резко бросил трубку. Такая сцена меня взбесила. Я быстрым шагом приблизилась к Феде. Спортсмены дёрнулись.

– Привет, э-э... А кто ты вообще? – удивился Федя.

– Я была на прошлой тусовке.

– А шас какого хрена ты здесь? Я не помню тебя, а такую глыбу я бы запомнил.

– Я, собственно, много времени не займу. Мне нужно кое-что сказать.

– Тогда быстрее!

Я эффектно сняла капюшон и подняла голову, показав Феде, с кем он говорит.

- Ни-и-ихрена себе, малявка?! Ты же сдохла!
- Считай, я воскресла для того, чтобы набить тебе рожу!
- Какого чёрта! Бейте шлюху!

Спортсмены и друг Феди побежали на меня, но я в пару движений уклонилась от ударов и вырубилась. Блондинка в страхе схватилась за Федю.

– Отвали, сука! – прокричал он и оттолкнул блондинку, отчего та упала.

Федя побежал в дом. Но я была натренирована, вмиг догнала его, взяла за шиворот, подтянула на себя, обхватила за шею и пару раз ударила об стену. Его лоб разбился в кровь, как и нос. Я наслаждалась каждым ударом. И легко бы проговорила, за какое отдельное действие он получил каждый удар: за издевательства, за изнасилование, за обман, подкуп, угрозы... И это только против меня.

Я подняла его, вцепилась в шею. Вдруг услышала шум машин и крики. Обернулась в сторону двора. Ко двору подъехали полицейские машины, выбежали люди с автоматами, меня ударили током.

Да... после всех реакций стероидов ток казался мне терпимым. Я выстояла на ногах, но потеряла драгоценное время. За это время меня сбили с ног, окружили и схватили.

– Вы обвиняетесь в избиении несовершеннолетних, а также продаже наркотиков! – чётко выговорил полицейский.

– О чём вы? Какие наркотики?

– Сегодня в больницу доставили школьницу с наркотическим отравлением. Сообщили, что вы перед этим принесли им какую-то коробку.

– Что за бред? Это были конфеты!

– А ты думаешь, мы поверим? – вмешался ещё один. – В конфеты можно что угодно добавить!

– Да послушайте же!

Вдруг дверь в дом открывается, на улицу выходит парень в капюшоне. В нём я узнала того типа, что сидел на прошлой вечеринке рядом.

– Нет, не слушайте её! – сказал он. – Я слежу за ней уже несколько дней. Она вчера пошла с этой коробкой «конфет» к Алине. Она хотела её отравить!

– Враньё, ни о каких наркотиках я не знаю! Как там Алина?!

– Специально спрашиваешь, чтобы смягчить своё положение? Она была на грани смерти! Целую ночь ей делали промывания. Господин полицейский! Она специально отравила её! Более того, она уже давно занимается распространением наркотиков и допинга! Я нашёл её притон! Пошлите

туда группу, нужно схватить их всех!

– Да кто же ты такой?!

Тип скинул капюшон. Глазам моим сложно было верить. Передо мной стоял семнадцатилетний парень. Кого-кого, а его я не ожидала увидеть. Это был Боря.

– Ты... ты! Обманщик! Это ведь ты дал мне эту коробку!

– Хватит врать! Вчера с утра мне нужно было уехать в другой город. Как я мог передать тебе эту коробку?!

– Алина подтвердит! Это его коробка!

– И вы поверите? Она могла наврать что угодно! Она появлялась неделю назад на... нашем празднике. Сидела и внимательно слушала каждый разговор, рассматривала каждого присутствующего! Она как минимум искала тех, кому можно продать наркотики! Или того хуже! А ещё за неделю до этого у нескольких учеников так же нашли наркотики в организме! Она уже давно работает!

– Я никогда не продавала наркотики! – со слезящимися глазами кричала я. – Никогда! Эти наркотики распространяет компания, что сейчас сидит в этом доме! Зайдите, проверьте. Точно найдутся люди с наркотиками!

– А почему ты не могла продать им заранее? Всё возможно! Алина ничего плохого не сделала! За что её травить?!

– Ты врешь! Ты подставил меня!

– Господин полицейский, – Федя, оклемавшись от ударов,

выплёвывая кровь, вышел вперёд, – пару лет назад её отец избил меня до полусмерти. У них, верно, семейка вся такая!

– Наглая ложь!

– Ну хватит! – заткнул нас полицейский. – Расскажешь всё в суде!

– Ну уж нет! – вскрикнула я.

Резко дёрнувшись вперёд, я вырвалась из хватки полицейских. Они просто не могли удержать такую трёхметровую махину. Развернувшись, я замахнулась рукой, сбила всех их с ног. И повернулась к ненавистным мною представителям «элиты».

Федя и Боря, ошарашенные от неожиданности, стояли, как вкопанные. Первым очнулся Боря. Он подтолкнул Федю, побежал вместе с ним в дом. Я последовала за ними.

Все гости в панике носились по зданию, пытаясь держаться от меня как можно дальше. Некоторые даже забивались в углы, прятались в тесных закутках, словно крысы. Все они были мне ненавистны. Каждый из них всю жизнь считал себя выше людей, которые не так богаты или круты, как они сами. Хотя, с чего эти мажоры вообще решили, что являются богатыми и крутыми? Если иметь в виду духовное или умственное богатство, то они смахивают на нищих. А насчёт крутизны... Не думаю, что человек, использующий капиталы своих родителей сугубо для развлечений, при этом ничего не дающий взамен, является крутым. А вот человек, сумевший

взять от родителей пусть и малые деньги и приумножить состояние в разы. Такого человека не грех назвать крутым. А вся эта элита... Ничего не стоит. Я готова была преподавать каждому из них урок. Но не сейчас. Сейчас я преследовала единственную цель – догнать Федю... И Борю. Чёрт, как же мне хотелось взглянуть в его лживые глаза. И послушать, как он смел так нагло лгать нам...

Федя с Борей выбежали через заднюю дверь, захлопнув её перед самым моим носом. Меня это не остановило. Сгруппировавшись, на бегу я влетела прямо в дверь. Дерево хрустнуло, петли звякнули. Дверь оторвалась от петель и вылетела вперёд, словно пробка от шампанского. Следом за дверью вылетела и я.

Парни уже лезли через забор. В последний момент Федя зацепился за заборную пику пиджаком. Воспользовавшись этим, я схватила его за шиворот и попыталась перетащить обратно.

– Отвянь! – заорал он.

Боря подбежал к Феде, обхватил его за ноги и потянул на себя. Вдруг Федя резко двинулся вниз, упав прямо на Борю. В моих руках остался лишь снятый пиджак. Озлобленная, я дёрнула за него. Пиджак с треском разорвался по спине.

Парни продолжили побег, направились в лесок, находящийся прямо за участком. Я ухватилась за железные решёт-

ки забора, оттолкнулась от нижней перекладины ногой и вмиг взмыла вверх, сразу нащупав второй ногой уже верхнюю перекладину. На этот раз я пролетела над забором, приземлилась на ноги и сразу, не теряя ни секунды, продолжила преследование.

Лесок сперва казался небольшим. Но, забежав туда, я встретила далеко не одну линию посаженных сосен. Федя с Борей постоянно виляли, убегали из стороны в сторону, заставляя меня сворачивать за ними. Однако, из-за моего роста и ширины плеч я была крайне неповоротливой в этих лесных условиях. Пару раз я врезалась в тонкие, однако, крепкие сосновые стволы. Но не сдавалась, теперь стараюсь вилять всё меньше. Пробегая большое расстояние напрямик, я перемещалась в другой лесной ряд, не задевая сосны. Парни были в панике. До них мне оставалось всего несколько метров. В некоторые моменты казалось, что вот: я сейчас же схвачу их. Но только я протягивала руку, как их будто ошпаривало кипятком. Так что они сразу подпрыгивали, уходя от моего хватка.

Лесок закончился. Следом шла поляна, застланная цветущими кустами и травой. Здесь-то им не уйти. Минута, две, три... Наконец, я сбила Борю с ног. Федя даже не оглянулся. Этому эгоисту не было дела до кого-то ещё. Только до себя. И если ему пришлось бы выбирать между своей жизнью и жизнью сотни человек, он без раздумий выбрал бы себя любимого.

Я нависла над лежащем Борей. словно грозовая туча, закрыла для него небо. И схватила его за щёки, сжав их так сильно, что предатель застонал от боли.

– Как ты посмел? – рычала на него я. – Как посмел врать нам? Мне и... Алине! Ты для неё образец доброты! – из глаз покатались слезинки. – И всё это время ты врал? Был с этой... «Элитой» ...

Он не ответил. Лишь одобрительно покачал головой. В его лице не было никаких чувств. Он не был расстроен, раскаян. В то же время не был рад своему идеальному обману. И даже, вопреки моим наблюдениям, не был напуган. Будто знал, что всё будет хорошо. Но с чего бы вдруг?

Резко в плече что-то кольнуло. Я хлопнула по плечу, чтобы убить насекомое... Но поняла, что это было не насекомое...

Я выдернула из себя короткий дротик. Не успела его толком рассмотреть, как второй дротик прилетел мне прямо в шею. Всё поплыло. Глаза перестали слушаться. Как и всё остальное тело. Я свалилась на траву, слыша напоследок только голоса приближающихся полицейских.

На следующий день меня судили. Все доказательства против меня. Меня бы и так посадили за избиение, так ещё приплели торговлю наркотиков и допинга. Полицейские вломились в качалку, арестовали тренера. Изъяли кучу стероидов. Это конец.

Боря с самого начала нас обманывал. Он был поставщиком наркотиков для «элиты», но занимался этим очень

скрытно – передавал наркотики в виде конфет. Об этом, скорей всего, знала лишь меньшая часть «элиты». Поэтому нас по-прежнему доставали, даже в его компании. Чёрт! Я не замечала его обмана с самого начала! Теперь Алине конец! Он уничтожит меня в её глазах, а после сможет делать, что захочет.

Озвучили приговор. Мой срок – пятнадцать лет, несмотря на возраст. Еще через день меня привезли в полицейской машине к воротам тюрьмы и ввели внутрь. У входа я столкнулась с папой. Его, наконец, выпустили. Мы с удивлением посмотрели друг на друга.

– Дочь! Но, как? За что?

– За дело, пап... За дело.

– И на сколько?

– Пятнадцать лет. Не беспокойся за меня. Лучше думай о маме. Ей очень сложно.

– Но...

– Я всё сказала, прощай.

– П-Прощай...

Меня толкнули полицейские. Приказали двигаться. Моим сокамерником оказался мой тренер. Ну, хоть кто-то знакомый. Так, может будет веселее. Похоже, свободу я не увижу до тридцати...

Я сижу здесь уже четвёртый год. Мы с тренером надоели друг другу, поэтому постоянно ругались. Ни о какой дружбе речи уже не шло. В тюрьме нас боялись заключённые, ведь я была сильней их вместе взятых, но не полицейские. Со мной обращались особенно строго. Это просто отвратительно!

Меня навещали родители. Они еле-еле выбирались из задницы, более-менее вставали на ноги. Рада за них. Они не сломались, упорно двигались вперёд. Я спрашивала про Алину. Мне сказали только, что у неё обнаружили бесплодие. Для них это была несчастная случайность. Но я то знала, что, скорей всего, это работа Бори. Этот сукин сын опять накачал её какой-то химией, чтобы без последствий трахать. А когда она заговорит о женитьбе, бросить её. Я бы сказала про это, но мои слова покроют целой сотней других слов. Надо признать: я проиграла эту войну.

Этой ночью я не могла уснуть. Как закрывала глаза, сразу видела Федю и Борю, смеющихся над плачущей Алиной. Меня больше всего волновала её судьба. Она была, есть и будет моей единственной подругой. Я поклялась, что когда-нибудь доберусь до Бори, Федю и других уродов. Доберусь до них, и тогда они заплатят за всё. С этой мыслью я попыталась уснуть, но вдруг к двери камеры подошёл тюремщик.

– Ты, на выход. – приказал мне он.

– Куда?

– Увидишь. Идём уже.

– Ладно...

Он надел мне наручники и выпустил. Мы шли тихо. Я всё ещё не понимала, что происходит. Тюремщик вёл меня в сторону выхода. Там стоял ещё один.

– Давай быстрее, – прошептал тот, что у двери, – скоро они заметят, что камеры взломали.

– Ладно, ладно.

Внезапно подошёл третий тюремщик, с недоумением спросил:

– Так, так... А куда мы её ведём?

– Слушай, тебе не всё равно?

– Нет, я включаю тревогу!

Тот, что у двери, достал шокер и ударил третьего током. Лже-тюремщики спрятали поражённого в подсобку, из которой уже слышалось мычание. Втроём мы вышли из тюрьмы. У дороги стоял джип с большим кузовом. Все запрыгнули в него, усадив меня в кузов.

Джип быстро стартует и едет прочь от тюрьмы. Мне снимают наручники. Я начинаю осматривать спасителей. Ниче-

го не понимаю.

– Что происходит?!

– Мы тебя спасаем! – неясно объяснил водитель.

Его голос мне показался очень знакомым, а потом я увидела лицо водителя в зеркале. Это был Эсс Шейкер. Подумать только, за это время он серьёзно изменился. Неаккуратная шевелюра сменилась дорогой модельной стрижкой. На подбородке стали появляться первые светлые волоски. Но по выражению лица парень выглядел ещё более зрело. Будто, жизнь преподавала ему урок...

– Босс, вы решили меня освободить? Что, слишком нужна клубу?

– И да, и нет. Да, я решил тебя освободить, но не ради клуба. Клуб уже давно не самое важное.

– Что же тогда важно?

– Улучшение мира.

– О чём вы?

– Зови меня на «ты». Вот, знакомься: Татар Гёрл, моя помощница; Шак'Хид, наш босс, создатель Вселенной; Гробовщик, лучший киллер города; Очкожуй, хакер, изобретатель...

Перечисляя всех, он показывал на них рукой.

– Короче, Шак'Хиду нужно свалить с планеты. – продолжил Эсс Шейкер. – Мы хотим встать у власти, чтобы развить технологии, в том числе космические. Да и вообще, улучшить жизнь людей. И для этого нам нужна твоя помощь. В нашей... Скажем так, организации, Татар Гетто, могут находиться только самые выдающиеся люди. Так что ты более чем подходишь. Ну как, поможешь? Взамен получишь всё, что желаешь.

Подумав немного, я согласилась. Шак'Хид дал мне псевдоним «Качок». Так сказать, моё официальное имя члена организации. Я помогу Гетто завоевать мир. Взамен получу шанс преподать урок «элите», и главное, Феде с Борей. В этот раз они не отвертятся...

Глава 6, Невидимая во всех смыслах

1989 год, СССР, идёт Холодная война. В центре небольшой комнаты, которая полностью заставлена оборудованием, стоит стол, на котором лежит девушка. О ней мы знаем только то, что её звали Таисия, ей на тот момент было 29 лет.

Таисия

В комнате находились только я и один учёный, который от скуки задремал. Было тихо. Тишину нарушало лишь похрюпывание этого учёного и летающая по комнате муха, которая, подлетая близко, сильно раздражала. Несмотря на это, я, видимо, не без помощи каких-то препаратов, тоже начала

закрывать глаза.

Вдруг дверь с грохотом отворилась, в комнату вошло пятеро докторов. Во главе шёл худощавый мужичок с седой щетиной и облысевшей головой. С виду он выглядел слабым, но смотреть ему в глаза было страшно. Он будто гипнотизировал человека, заставляя его бояться. Имя его я не знала, но про себя дала ему прозвище «Старец». Старец подошёл к столу, приказал своим спутникам приподнять меня, а после посмотрел мне в глаза.

– Добрый вечер, Таисия. Как себя чувствуете?

– З... Здравствуйте... Что со мной? Чем вы меня накачали?

– Не беспокойтесь! Вам сейчас это необходимо меньше всего. Для эксперимента нужен покой.

– Эксперимента? О чём вы? Я пришла, чтобы стать донором крови! Меня недавно убеждали в этом.

– Стойте, так вам не сказали?! Простите, прошу!

– Не томите! Что за эксперимент?!

– Главное не волнуйтесь! Вы знаете, какое сейчас время. Идёт холодная война со Штатами. Все учёные страны сейчас пытаются изобрести что-то новое. Ну а у нас, думаю, это скоро выйдет. Мы разработали...

– Что разработали?

– Как бы вам сказать... Мы разработали сыворотку невидимости...

– Это что, шутка?

– Нет, я шутить никогда не умел. Да и начинать учиться не желаю. Поверьте, это правда! Сыворотка содержит смесь из особых частиц. Частицы проникают во все клетки организма, придают им прозрачность. Мы уже протестировали сыворотку на животных. И я думаю, самое время провести эксперимент на человеке. Вы – та, кто нам нужен!

– Но почему я?

– Вы единственная, кто подходит для этого... из тех, кого мы проверили. Помните, пол города просили явиться на медицинское обследование? Из всех обследованных у вас единственной нет никаких заболеваний, травм, в том числе психологических. Видите ли, сыворотка очень чувствительна, если у человека вредоносные бактерии, вирус, предпосылки к опухолям, сыворотка скроет все следы вышеперечисленного. В итоге у человека может появиться любая болезнь, но врачи не смогут точно определить, какая. Ведь всё будет невидимо.

– А вы точно полностью меня проверили? – взволновалась я.

– Не беспокойтесь. С вами всё в порядке. Знаю, после моей речи вам скорей всего захотелось заболеть чем угодно, но не подвергаться эксперименту. Но я привык говорить моим пациентам только правду.

– Я могу отказаться?

– К сожалению, нет...

– Что? Почему?

– Ведь сыворотка уже введена. Вы в скором будущем станете невидимой.

– Что?! Нет! Я не хочу этого!

Старец нагнулся ко мне и схватил за плечи, попытавшись сделать дружелюбное лицо.

– Прошу, успокойтесь! Мы щедро заплатим! Только представьте: будете известной на весь Советский Союз! Вас будут называть «Невидимая героиня», или как-то вроде этого. Вас будут уважать все и каждый, вам воздвигнут памятник. После того, как всё это кончится, вы сможете ни в чём себе не отказывать. Вам постоянно будут рады помочь с любым делом. Вдумайтесь!

– Н-ну, я думаю, это того не стоит. А если что-то пойдёт не так? И как мне жить невидимой?

– Не беспокойтесь, суть эксперимента и заключается в том, чтобы сделать процесс превращения обратимым. В итоге, вы сможете становиться таковой, пока это нужно, а в остальное время всё будет, как раньше. Вы даже не почувствуете!

– Но что я должна буду сделать после эксперимента?

– Ничего особенного. Не бойтесь, мы не заставим вас шпионить в Америке, если вы об этом. Вы просто должны испробовать сыворотку. А после мы, так сказать, отключим

вашу невидимость. Всё будет, как раньше. Не считая обретенной вами славы...

– Ну, хорошо если так...

– Тогда, прошу за мной! Вам нужно переодеться в специальную форму. А затем мы проводим вас в палату!

Уже с каким-то странным спокойствием я отправилась за стариком. Он привёл меня в раздевалку, где уже висела форма. Она представляла собой облегающий комбинезон с перчатками и носками. Не прошло и пяти минут, как я была готова.

Дальше путь шёл через стеклянный коридор. В окне красовались площадки с оборудованием, учёными, ходящими, как муравьи из угла в угол и что-то создающими. Мне стало жутко любопытно, что уже получилось создать у учёных СССР. Я люблю свою Родину, и не упускаю шанс возгордиться ей.

Наконец, коридор пройден. Мы вошли в одну из палат. Она была совсем непохожа на обычную больничную палату. Была просто огромной. Там, казалось, находится всё возможное для жизни: кровать, письменный стол, шкаф, кресло, диван, даже декоративный камин. Из палаты ещё одна дверь вела к операционной.

– Можете отдохнуть. – уходя, заявил Старец. – Вся палата в вашем распоряжении. У вас 3 часа, а потом мы приступим

к процедурам.

Он вышел. Все учёные покинули палату вслед за ним. Я осталась в одиночестве посреди огромной комнаты. И нашла бы, чем заняться, но эти неизвестные препараты не давали покоя. Меня клонило в сон. Недолго думая, я прыгнула на кровать и, укрывшись, заснула...

– Таисия, Таисия! Проснитесь! Нам пора! – сквозь сон слышался знакомый голос. – Вы проспали лишний час, вас уже заждались!

Я начала пробуждаться ото сна, открыла глаза. Передо мной стоял всё тот же пожилой учёный. У него в лице замечалась еще большая строгость, чем раньше. Этот взгляд заставил сон пройти мгновенно. Я встала с кровати, думала спокойно пойти за Старцем. Но последний быстро схватил меня за руку и куда-то повёл. Я не успевала за ним, из-за чего хватка старика всё больше сжималась.

– Доктор! – жалобно проговорила я. – Вы сжимаете мне руку! Мне больно!

– Замолчите и шевелитесь!

– Что произошло? Почему мы так торопимся?

– Мы не должны ждать, пока вы сообразоволяете прийти!

На кону успех всей операции!

Сколько не пыталась я вытянуть из Старца хоть одно слово о происходящем, у меня это не вышло. Он лишь больше сердился и грубил. В итоге я решила на время замолчать, чтобы окончательно не вывести старика из себя. Хотя не понимала, что именно его так выводит.

Мы прошли мимо указателей с надписями «Морг», «Операционные» и «Склад». Я начала догадываться: меня ведут в одно из этих мест. Вдруг очередной указатель «Склад» свернул в сторону крепкой железной двери. Старец же прошёл мимо него. Остались морг и операционные. Спустя минуту блужданий по лабиринтам исследовательского центра мы дошли до развилки. Указатели здесь расходились в разные стороны. Ах, да! Ну куда ещё можно вести меня, как не в операционную? Ведь Старец сказал: «приступим к процедурам». Это значит, что старик просто хотел отвести меня на процедуры, но перед этим перенервничал от всей этой тяжкой работы. И потому так груб, и нетерпелив. Всё логично!

На миг полностью успокоившись, я была поражена неожиданным поворотом событий. Старец свернул в сторону с указателем «Морг». Всё внутри затряслось. Я никогда не видела трупов вживую, да и те трупы, которых я видела по телевизору, всегда вызывали у меня страх и отвращение. Я всегда думала:

– Как можно показывать такое широкой аудитории? Лад-

но я, но ведь это смотрят и дети...

Мне ничего не оставалось делать, как морально подготовиться к не очень приятному зрелищу. Одна мысль о встрече с телами умерших вызвала у меня невольную тошноту. Вот, уже видна эта злосчастная дверь в царство мёртвых...

Старец на скорости с шумом открыл дверь. Я зажмурилась. Напрасно... Морг был абсолютно пуст, ни единого трупа. Я смахнула со лба каплю пота и с облегчением выдохнула.

– Доктор, что мы тут делаем?

– Идём в лабораторию...

– В лабораторию?

– Да, в лабораторию! Тут достаточно тихо, чтобы расслышать?!

– Почему вы грубите?!

– Я сказал замолчать!

Старик в два шага подбежал к стоящему у стены шкафу, начал открывать ящики. Открыв один из них, он в секунду с грохотом выбросил всё содержимое наружу и провёл мизинцем по дну. Нащупав маленькую кнопку, он нажал. Стена напротив шкафа дрогнула и зашипела. Старец надавил на стену, та открылась, словно дверь. Смотря на всё это, я не знала, что и думать...

– Д-Доктор, вы... меня пугаете...

– Плевать. Заходите внутрь!

– Нет, постойте! – я собрала всю уверенность в кулак. –

Я никуда не пойду, пока не смените тон и не объясните мне, куда вы меня ведёте!

– Как же ты надоела! Я не обязан ничего объяснять!

– Тогда простите, я отказываюсь от этого! Проводите меня до выхода! Впрочем, я и сама постараюсь найти, не могу больше находиться в вашей компании!

Я чуть ли не бегом вышла из морга и пошла по коридору, но Старец догнал меня довольно быстро. Для своих, на вид, шестидесяти он неплохо сохранился. Мне на зло... Он обхватил меня, начал тянуть обратно в морг. Я старалась вырваться, повторяя:

– Отпустите! На помощь!

Старец, видимо, окончательно потеряв терпение, сильно ударил меня по лицу.

– А ну заткнись! Ты пойдёшь со мной. И хватит крутиться!

– Нет! Я никуда не пойду! Пустите!

– Столько денег потрачено! Тебя никто не спрашивает!

– На помощь!

Ещё один удар. От боли я ненадолго встала в ступор. Старец с силой начал затаскивать меня. Так, через пять минут я уже лежала, привязанная к медицинскому креслу.

– Какая же ты, девчонка, упрямая! – буркнул он. – Сколько я с тобой возился!

– Развяжите меня! Вы псих!

– Может быть, ты и права... Я просто очень люблю свою работу...

– Когда я выберусь отсюда, вам несдобровать!

– Хе-хе-хе... Это вряд ли. Когда ты выйдешь отсюда, ты уже не будешь той Таисией... Тебя не узнает никто, если вообще увидит...

– Вы монстр! У меня есть родственники... и муж! Они будут искать меня!

Старец начал листать стопку исписанных листов.

– Да, да, да! Муж, значит? Это тот, который Виктор? Тот, с которым вы в том месяце поженились? Или предыдущий, Иосиф? Три года совместной жизни, развод после громкого скандала... М-да... Тебе 29! И уже два брака. О времена, о нравы! Моя дочь вышла замуж в 27, и уже 20 лет живут душа в душу. Учитесь, молодёжь! Та-а-ак, а что это тут?! Ты зна-

кома с Виктором всего четыре месяца?! Ха! Ещё лучше... И предложение он тебе сделал только из-за того, что ты забеременела от него...

– От... Откуда вы знаете? Впрочем, это не так! Да, я беременна, но Виктор любит меня!

– Да, пожалуйста... Пусть, хоть молится на тебя! Всё равно, факт есть факт: свадьба из-за беременности!

– Ну хватит уже!

– Да, ты права. Я заговорился. Ты хотела объяснений? Так получи! На самом деле я соврал. Хотя я этого и не люблю... Ты не имеешь иммунитета ко многим болезням. В сущности, ты ничем не примечательна. Да, невидимость скроет твои болезни, но мне на это плевать. Тебя взяли сюда только потому, что ты забеременела!

– А что, в то же время не забеременело ни одной женщины?

– Да, вообще-то забеременело. Обрюхатили еще две женщины. Но у них есть болезни, способные повредить ребёнка, а у тебя нет. Ты – идеальна для вынашивания! Твой организм перенесёт действие сыворотки и сможет вынести здорового ребёнка.

– Зачем вам это нужно?!

– Это нужно для господства СССР в будущем. Когда холодная война закончится и всё затихнет, твоя девочка сыграет свою роль.

– Девочка?

– Да, у тебя девочка. Можешь тихонько порадоваться. Хотя... Она всё равно не будет жить жизнью обычных девочек.

– Что вы с ней сделаете?! – на глазах проступили слёзы.

– Перед тем, как что-то делать, я должен буду серьёзно подготовиться. Девушку с такими идеальными показателями, как у тебя, найти очень трудно. Возможно, другой и не будет. Сначала мы заморозим тебя, и только через 10 лет ты будешь разморожена. За это время я потренируюсь на менее здоровых девушках и их детях. Я же не хочу погубить идеальную девочку! Лишь потратив на подготовку, тренировки и эксперименты годы, я позволю себе взяться за твою прекрасную дочурку... Её рождение и воспитание – апогей моей миссии!

– Воспитание?

– Из неё сделают идеального агента. Так как она унаследует твою невидимость, сможет шпионить, проводить диверсии, заказные убийства... теракты...

– Я... Я и не думала, что правительство способно на такое...

– Вообще-то, формально моя цель – создать невидимого человека, ну и воспитать, как послушного агента. Но, как я уже говорил, я люблю свою работу! Я вижу в этом всём огромный потенциал. Столько всего можно сделать, имея невидимость!

Вдруг, подпрыгивая, зазвонили настольные часы.

– Прошу прощения, – смягчил он голос, – но твоя ванна готова. Остальное расскажу потом.

Старик взял со стола шприц, вколол мне под кожу. Больно не было. Но тело резко начало неметь. Старик расстегнул ремни кресла, переложил меня в крио капсулу.

– Спи спокойно, дорогая. Когда ты проснёшься, я расскажу много интересного!

Старец закрыл капсулу и включил режим сна. Мне стало немного холодно. Вскоре я уже не чувствовала ничего. Глаза уже не могли ничего увидеть. Я только и слышала равномерный шум капсулы и колыбельную в исполнении Старца:

«Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?»

«Не гонял я волн морских,

Зве-зд не тро-гал зо-ло-тых;
Я ди-тя о-бе-ре-гал,
К-о-л-ы-б-е-лоч-ку...»

Далее всё как в тумане. У многих было состояние, когда они не могли нормально уснуть: засыпали, им виделся какой-то обрывочный сон, а затем их снова выбрасывало из сна. Одним словом – бессонница. У Таисии это чувство было на протяжении следующих 10 лет. Только она не просыпалась. Капсула не давала этого сделать. Да, видно, что эта капсула не идеальна. А ведь подождать пару лет, и новые разработки смогли бы обеспечить более комфортный крио сон...

Таисия

И вот, гудение крио капсулы начало стихать, но только внешне. В моих ушах звон останется навсегда.

– Таисия! Таисия! – услышала я знакомый голос.

Приходя в себя, я открыла глаза. У капсулы стоял Старец, но заметно постаревший, и ещё один человек, которого я видела впервые.

– Как спалось? – с ухмылкой спросил Старец.

– Ужасно! Мне кажется, я сейчас умру...

– Это пройдёт. Впрочем, ты права, это было рискованно. Я поступил глупо. Капсула не совершенна, она могла тебя погубить. Прости, я не мог тебя разбудить, это втрое рискованней.

– Чёрт! Вы – ужасный человек! Так, сколько я спала?

– Десять лет. – сказал второй, до этого тихо стоявший в стороне. – Если быть точным, то десять лет, четыре дня, семь часов и двадцать три минуты.

– Спасибо за точность... – саркастично выдавила я.

– Кстати, – Старец сделал шаг ко второму, – знакомься, это мой сын, Пётр.

– Очень приятно! – Пётр вышел вперёд и потянулся ко мне. Я с отвращением ударила его по руке.

– Пётр, я же тебе говорил! Она недолюбливает меня!

– Мягко сказано! – злобно буркнула я.

– Эх, видимо, мы уже не помиримся...

– Видимо...

– Тогда давай я расскажу, что произошло за эти десять лет в мире. Так сказать, краткий урок истории. Холодная война закончилась, мы проиграли. Но, как я уже говорил, если ты помнишь... Моя цель – обеспечить превосходство России после войны.

– Вы сказали «России»? – удивилась я. – Может, Советского Союза?

– Ах да, чуть не забыл: Советский Союз распался восемь лет назад. Мы уже давно граждане Российской Федерации.

– Вот как...

– Да... такие дела... но сейчас это неважно. За десять лет я провёл множество экспериментов. Потом, когда Пётр доучился, тоже стал работать над этим. И сейчас у нас под опекой есть дюжина детей, которых в данный момент воспитывают, как беспощадных орудий для убийства и максимально надёжных разведчиков.

– Ужасно! – возмутилась я. – Я всё ещё не могу поверить!

– Придётся, дорогая, придётся... – утешающе произнёс он.

Следующие девять месяцев были адом. Я испытала на себе сыворотку невидимости. Сыворотка постепенно делала своё дело, так что казалось, будто я исчезаю, или рассыпаюсь. Так, к началу третьего месяца я полностью исчезла.

Осознав это, я обрадовалась тому, что смогу сбежать. Но ничего не вышло. У учёных были специальные очки, позволяющие видеть невидимых людей. Неясно как. Однажды я спросила об этом у учёных, на что получила очень развёрнутый и одновременно непонятный ответ. Что-то связано с тепловизорами, подсвечиванием невидимых частиц и так далее. Почти все учёные в моём отделе ходили в таких очках. Убежать было нереально.

Как-то раз мне, правда, удалось ненадолго выбежать из

отдела. Там я увидела многое, что было скрыто от простого народа. Новые разработки, прототипы оружия массового поражения, роботы. Это ужасно. Неужели всё это может быть пущено в бой?

Но ничто не сравнится с местными методами воспитания невидимых детей. Им внедряют мысли, которые остальным людям покажутся бредовыми. Но дети, впечатлившись с раннего возраста, послушно верят в это. И они будут готовы следовать установленным законам. Как запрограммированные роботы, только живые. Меня пробирала дрожь от одной такой мысли.

В один день, разругавшись в очередной раз со Старцем, я схватилась за живот одной рукой, а другой облокотилась на стену.

– Кажется... – полушёпотом проговорила я.

– Что такое? – Старец убрал руку с лица и поднял на меня глаза.

– Кажется... У меня отошли воды...

– Значит, началось! Время пришло! Таисия, Таисия! Послушай меня. Просто дыши, ты должна держаться.

Он помог мне присесть, подбежал к двери и с грохотом открыл её. Затем он крикнул проходящей медсестре, чтобы она помогла. Медсестра подбежала, стала успокаивать меня, а Старец рванул готовить всё к родам. Минуту спустя меня

уже везли в процедурный кабинет. За коляской, как и мимо неё, суетливо бегали врачи и учёные. И даже люди, не связанные с родами, как-то нетипично смотрели на меня. Было видно, что моя «особенность» – не секрет для работников лаборатории.

Наконец меня ввели в процедурный кабинет. Я стонала от схваток. Врачи держали мои руки, старались дать мне больше воздуха. В кабинет вошли двое акушеров, полностью обтянутые продезинфицированными масками, халатами и перчатками. Они стали диктовать инструкции... Я безотказно старалась их выполнять. Столько пережив, я не могу, не имею права сдаваться и потерять ребёнка!

Николай Донской (Старец)

Роды принимали уже в течение двенадцати часов. Таисия была совершенно измучена, она даже не могла кричать. Из её рта издавался лишь хрип. Вот чертовщина, она сорвала горло! Ну хватит. Она достаточно намучилась, пора закончить это. Я подошёл к одному из акушеров и на минуту отвёл его в сторону.

– Слушай, я не акушер, но немного в этом понимаю. Она измучена, ей всё больней, так и от шока умереть можно. Роды проходят уже тринадцатый час. Закончился период естественных родов, время принимать решение!

– Да, я понимаю, – кивнул акушер, – вы думаете о кесаревом сечении. Я тоже об этом подумываю. Но мне кажется,

можно дать ей ещё времени.

– Времени на что? Чтоб она вдоволь помучилась?! Сколько ты здесь работаешь?

– Пять лет...

– А я во столько же раз дольше! И я потратил на этого ребёнка десять лет своей жизни! Десять, мать твою! Ты понимаешь, что эта девочка... Ей уже почти 11 лет... И она всё ещё не родилась! Первый человек, настолько долго находившийся в утробе матери! И я бы не рекомендовал рисковать и бездействовать. Плод в любой момент может быть инфицирован без околоплодных вод. Тем более после двенадцати часов. Чего я это тебе рассказываю?.. Сам знаешь. Но для моей миссии нужен здоровый, на сто процентов здоровый человек! Поэтому, я не одобряю ничего, кроме кесарева!

– Что ж, раз так, убедили, – он повернулся к другим докторам и приказал готовить всё для операции.

Очкожуй

Наконец, я нашёл её! Секретная лаборатория Советского Союза, ставшая независимой после его распада, продолжившая разработки и исследования. По крайней мере, только такую информацию я нашёл в лаборатории из уничтоженного посёлка, основанной коллегами этой, Материнской лаборатории. В том филиале делали упор на генную инженерию, химическое оружие. Однако, Материнская лаборатория не реагировала на просьбу о помощи из посёлка. Интересно, почему? Надеюсь, скоро выясню, интереса ради. В ту лес-

ную лабораторию вернуться я не смогу, по многим причинам. Во-первых, она напоминает мне прошлое. Во-вторых, на взрыв от приземления Шак'Хида вскоре съехалось море народа. Все стали вести расследования, пытаться как можно больше выжать из этого события. Хорошо, что Шак'Хид зарыл лабораторию под землю. Что, кстати, являлось третьей причиной, по которой мы туда не вернёмся. Та база сыграла свою роль.

Теперь, спустившись на подземный уровень через фальшивый уличный гараж, я стою у толстых бункерных дверей Материнской лаборатории. Шак'Хид спокойно закладывает мини взрывчатку под дверь. Гробовщик с подозрением смотрит по сторонам, будто пытается найти кого-то в округе. Да только в этой глуши на краю города никого быть не может. Гаражи эти давно заброшены, шляться здесь просто незачем. И все это прекрасно понимают. Но Гробовщик продолжает оглядываться. Должно быть, он немало настрадался за то время, пока не был с нами. Особенно после чудесного восстания из мёртвых. Надеюсь, ему когда-нибудь удастся избавиться от такой мини-паранойи...

Две минуты, и прозвучал взрыв. Интересное чувство: за полмига до взрыва я вспомнил, что взрывчатка сильна настолько, что выбивает замки на любых дверях, но может создать такой же сильный шум. И я сразу дёрнулся в сторону Шак'Хида, чтобы не дать тому нажать кнопку. Но было уже поздно. И только через миг после взрыва я вспомнил,

как сам же настроил взрывчатке возможность приглушённого взрыва. Новейшая разработка, между прочим... Ну, я надеюсь... Скоро проверим, есть ли тут какие-либо военные разработки. Сравним их с имеющимися.

Лаборатория была огромна. Она уходила достаточно глубоко под землю, имела десятки переплетений, мостов, переходов. Как целый город. Мы же застали её в виде города после апокалипсиса. Вокруг ни души. В коридорах разбросаны инструменты, мусор, запчасти.

Я вытащил из кармана схему лаборатории, найденную в посёлке. Год на карте – 1992. На висящем на стене графике «Эффективность» последним был указан 2010 год, причём показатель к этому году резко снизился до минимальной отметки.

Да, сомнений нет, причина закрытия лаборатории – экономический кризис. Но почему никто так и не разобрал всё оборудование за столько лет? Интересно...

Этот «город» состоял из множества отделов. Тут проводились самые разные эксперименты. Забавно, я нашёл прототипы тихих взрывчаток, составленных почти по той же технологии. Также могу похвастаться такими находками, как экзо скелеты, квадрокоптеры, примитивные платформы на воздушной подушке, сотни чертежей космических ракет и прочего.

Самое же интересное я оставил на потом. С трепетом на сердце я открыл дверь в биохимический отдел. Тщательно

осмотрев его, больше всего обратил внимание на записи о некоем проекте «Пустошь».

Удивительная сыворотка, беременные женщины, выращивание из рождённых детей специальных агентов... Интересно... Стоило побольше узнать по этой теме.

В местных камерах, за магнитными замками, лежали скелеты двенадцати подростков. Перед смертью они бились в стены, пытаясь выбраться. Похоже, их бросили здесь без еды. Всё это крайне странно...

Я нашёл записки некоего Николая Донского об идеальном для проекта ребёнке. Указано, что беременную мать по имени Таисия заморозили в крио капсуле на 10 лет. После чего Николай с его сыном Петром сначала подготовили девушку к родам, потом проследили за ними лично. Роды пришлось проводить кесаревом сечением. И, к сожалению, по неосторожности врача, девушка умерла от потери крови и болевого шока. Дочку же спасти удалось. Донские получили их желанный материал для работы. Холст, на котором можно написать свою собственную картину, какую угодно.

И они написали. Сначала работали оба, воспитывали девочку в строгости. Потом записи оборвались. В кабинете Петра я нашёл описание следующих событий. В 2004 Николай умер от рака простаты. Пётр продолжил его дело, и преуспел. Девочка отличилась от других полным послушанием и огромным потенциалом. Она изучила ряд стилей борьбы, стрельбе из практически любого оружия, так же искусству

шпионажа. Но под конец, когда ей было всего 10 лет... Чёрт, только десять лет, а уже умела делать такое...

Под конец, когда её уже хотели отправить на первое задание, она вдруг пропала. Все устроили переполох. Подумать только, невидимая девочка-убийца пропала. До этого её держали в комнате с тепловизорами. Начали гадать, что произошло, провели целое расследование. Но ничего не удалось узнать. У каждого сотрудника было алиби. Никто ничего не видел. Она просто пропала. Испарилась!

Как только люди, стоящие сверху, узнали об этом, они пришли в ярость, грозились закрыть всю лабораторию, ведь выделяли на эту девочку колоссальные суммы. Дальше лучше просто зачитать несколько отрывков из записей...

Пётр Донской

Они были в бешенстве, хотели закрыть всё к чёрту... Уволить всех, уничтожив их жизни. Я, как никто другой, понимал всех этих людей. Многих я знал лично много лет. И всё из-за меня. Проект «Пустошь» – мой проект. И ответственность лежит на мне. Стоило уволить лишь меня.

Я не могу это так оставить. Я заставлю начальство молчать. Верней, забыть об инциденте, забыть обо всём. Мой друг из соседнего подотдела может изготовить особый газ. Я не особо разбираюсь в этой области химии, но надышавшись этим газом можно легко гипнотизировать...

Однако... Всё зашло слишком далеко... Слишком многие знают об этом. Нельзя отыскать конкретных людей и убедить

их в чём-то. Всё равно всё всплывёт на поверхность. Единственный способ... Единственный способ – очистить сознание всем. Просто дать людям жить спокойно...

Мы использовали этот газ на заведующем лабораторией. Он созвал всё начальство и осведомлённых лиц на совещание.

Мы успели подготовиться. Подвели контейнеры с нашим газом в вентиляцию, закрыли все двери. Сейчас сидим в кабинете заведующего. Газ запущен. Похоже, он уже успел распространиться на всю лабораторию. Мы заранее записали обращение с наставлениями забыть обо всём происходящем здесь. Инвесторам обращение прикажет выплатить компенсацию каждому работнику. Осталось только включить запись по громкой связи.

Мы поставили таймер. За это время газ дойдёт и до нас. Все должны забыть. Особенно этого хочу я... Целью моего отца было создание из той девочки агента. Он потратил на это всю жизнь, передал дело мне. И я всё просрал... Просто потерял девчонку... Я бесполезен. И уж лучше я забуду всё, буду жить в спокойствии. Вот представляю, как приду домой, увижу свою жену... Она спросит:

– Что случилось?

А я отвечу:

– Всё хорошо, дорогая, теперь всё будет хорошо...

Так и будет!

Гробовщик

У нас было много работы. Татар Гетто пополнилось ещё тремя членами. Татар Гёрл весьма милая. Качок выглядит немного странной. Думаю, понятно, почему. Зато она может быть для меня отличной помощницей в бою. Эсс Шейкер же, хоть и слегка легкомысленный, но хороший человек. Он испытал то же, что и я. Как я его понимаю... Потерять любимую... у себя на руках... через минуту после того, как узнал, что она, хоть и невольно, сдала тебя Упырям...

Эх, Упыри... Грёбанные Упыри! Они погубили моего единственного друга, которого я мог назвать сыном! Затем отправились за мной. Чтобы ограбить и убить по возможности. И у них получилось. Прострелили мне лёгкое и оставили умирать. Ещё и смеялись, стоя надо мной, задыхающемся и захлёбывающемся в крови. Один даже плюнул мне в глаз. Ещё бы немного, и эти ублюдки ушли. Шак'Хид с Очкожум успели вовремя, они убили их всех. Мне оставалось недолго, кровь Шак'Хида спасла меня. Я снова мог дышать...

Но я отвлёкся... За более, чем четыре месяца Очкожуй разработал систему слежки в городе. Он решил искать девочку, а точнее, уже девушку, на улицах. Это было самым простейшим решением. Он подсоединил по две камеры: обычную и тепловизионную ко всем квадрокоптерам в лабо-

ратории.

К слову, наша лаборатория тоже преобразилась. Мы убрали бардак, продали некоторые легальные и незасекреченные вещи. Подземный город, который мы называли «Нескончаемая обитель» в честь второго имени Шак'Хида «Нескончаемый», был готов к эксплуатации. В обители мы нашли жилые отсеки и поселились в местных комнатах...

Но я опять отвлекся... Квадрокоптеры снимали весь город маленькими кусками. Каждый кусочек снимали целые сутки. И в конце сравнивали записи этих двух камер. Девочку, которую мы ищем, можно найти только тепловым зрением, поэтому только одна камера будет её видеть. Очкожуй, однако, думал, что ничего не выйдет, что она не могла просто сбежать. Её точно кто-то забрал. И следить за одним городом – очень неэффективно.

Однако нам повезло. Спустя эти долгие четыре месяца бессонных ночей за просмотром записей нам улыбнулась удача! Татар Гёрл наконец обнаружила девочку. В узком переулке на пустынной улице, где, если кто и пройдёт, то только случайно, мы увидели силуэт девушки, сидящий на земле, укрывшийся шубой. Нам сильно повезло, и мы немедленно выдвинулись.

Эта девчонка знает о борьбе побольше любого из нас. В конце концов, я самоучка, Качок обучалась у не больно-таки мастера и имеет преимущество лишь из-за огромной массы тела. Шак'Хид в борьбе вообще не понимает. Зато он может

принимать множество форм, легко адаптироваться под ситуацию. Про других и говорить не стоит.

Поэтому поехали за «Пустошью» только вчетвером. Четвёртым был Эсс Шейкер, ведь он единственный умел водить машину. Все были слишком заняты, чтобы учиться. Лишь я однажды решил взять у него урок. Правда, эта тряска рук... Пережиток прошлых дней... С ней очень сложно водить... Чёрт, убивая, я ничего не чувствовал, и руки не содрогались вообще, а в остальное время... постоянно...

Очкожуй с Татар Гёрл информировали нас с помощью квадрокоптеров. У каждого из нас были инфракрасные очки. Кроме Шак'Хида конечно же. Ведь он, как я уже сказал, мог изменять своё строение, потому изменить своё зрение на инфракрасное.

Мы обошли переулок с двух сторон, чтобы девочка не сбегала. В этих очках ничего не было видно. Только два оранжевых пятна. Одно маленькое, наверное, – кошка. Второе – размером с человека. Я на миг приподнял очки с носа. На месте пятна ничего не было, пустота.

– Вот и она! Приступайте к вербовке! Только осторожней! – проговорила Татар Гёрл по рации.

Мы подошли к ней, встали вокруг её места жительства. Оно представляло собой грязный матрас, засыпанный разным мусором, пакетами с найденными на улице вещами,

плюшевым медведем вместо подушки. Рядом находился сломанный мангал без ножек, в котором горели журналы, коробки и прочий мусор. Девушка сидела на матрасе, укрывшаяся старой шубой, которая, видимо, служила так же одеялом, подрагивала от ноябрьского холодного ветерка и пекла на огне три картошины.

– Привет, девочка... – начал я, и сразу заткнулся. Не лучшее начало.

– Вы... кто? – с опаской подняв глаза спросила она.

– Не бойся, мы не хотим делать с тобой ничего плохого, просто хотим поговорить. – заявила Качок.

– Вы... Как вы узнали обо мне? У вас инфракрасные очки!

– Мы... Как бы сказать... Искали тебя...

– Искали? Вы из Материнской лаборатории?

– Да, да! Оттуда! Наконец, мы тебя нашли! Ты одна?

– Да, одна. С кем ещё мне быть?

– Когда ты пропала... Мы все перепугались... Мы думали, всё потеряно...

– Долго же вы меня искали...

– Да... Но поверь, нелегко найти невидимку в таком большом городе. Ты расскажи, как ты жила всё это время?

– Меня готовили и не к такому. Собирала мусор, иногда удавалось найти что-то реально нужное. Порой подворовывала из магазинов. Вот, например, незаметно порвала мешок с картошкой и унесла несколько штук.

– А ты молодец!

– Ты лучше расскажи, что произошло? – перебил Шак'Хид, – Ты просто пропала из виду в тот день! Все были в шоке!

– Я... Я...

– Ну же, не молчи! Ты просто ушла? Одна?

– Я... Мне...

– Тебе кто-то помог? Говори же!

– Мне не стоит отвечать на этот вопрос. Особенно тем, кто не работает и не работал в Материнской лаборатории!

С этими словами она толкнула подошедшего слишком близко Шак'Хида, затем обхватила двумя толстыми журналами мангал и высыпала горящее содержимое на Качка. Та закричала от боли, начала стряхивать с себя огонь. Её волосы и кожа обгорели в некоторых местах. Я бросился на девочку, обхватил её и прижал к себе. Она начала дёргаться, но моя хватка была слишком сильна. Пока Шак'Хид помогал Качку вколоть кровь, Эсс Шейкер вытащил из кармана электрошокер.

– Эй, а ток в тебя не уйдёт? – спросил он меня.

– Нет, у меня плотная одежда. Давай, бей!

Он подошёл поближе и хотел было уже ударить Пустошь током. Но девушка оказалась проворной. Она, оказывается,

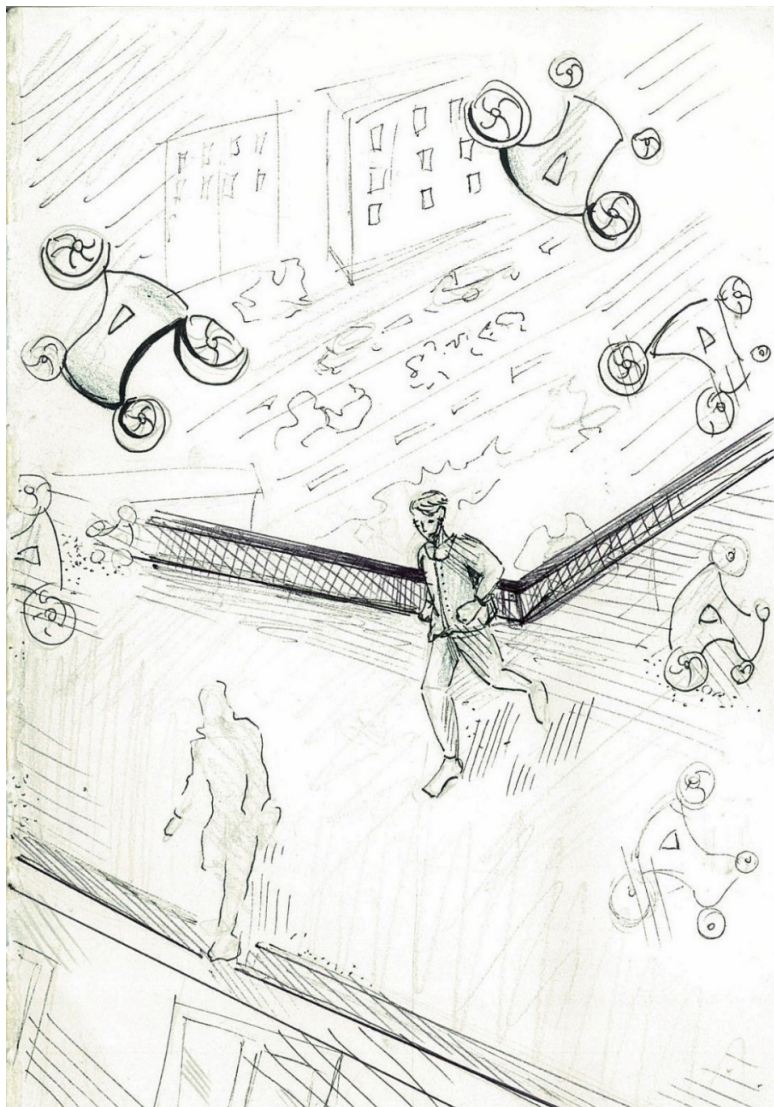
имела отличную растяжку, потому как сначала выбила ногой электрошокер, а затем двумя ногами сделала мне подножку. Я не удержался на земле и упал, чем она воспользовалась. Перекувырнувшись из моих рук, вскочила и бросилась убежать. Правда, необычным образом. Девочка начала вскарабкиваться на крышу.

Мы поднялись и побежали в разных направлениях. Шак'Хид отрастил себе острые крюкообразные когти и вскарабкался вверх по стене, после чего вновь принял обычный облик и побежал за Пустошью по крыше. Мы с Качком побежали в обход. Эсс Шейкер к машине. Как назло, крыши имели разную высоту и давали возможность поворачивать. Поэтому, бежать иногда приходилось в слепую, перелезая через заборы и протискиваясь через машины, параллельно не упуская Пустошь из виду.

Но вот, очередная крыша имела форму буквы «Т». Пустошь могла побежать направо или налево. Но к этому были готовы Очкожуй с Татар Гёрл. Они направили все свои квадрокоптеры, создав из них стены, закрывающие проход к обоим путям. Квадрокоптеры были наклонены лопастями к Пустоши, поэтому она не рискнула бы влететь в них. Стены сужались. Оставалось два пути: вперёд или назад. Прыгнуть с крыши с сомнительным шансом выжить или побежать к Шак'Хиду. И она прыгнула. С крыши пятиэтажки...

Послышался удар, хруст и крик боли. Когда мы подбежали, увидели, что девушка, ноя от боли, держится за но-

гу. Верней, примерно в такой позе лежало оранжевое пятно. Шак'Хид спрыгнул с крыши, и его участь была более ужасная. Не позаботившись о группировке тела при падении, он шмякнулся головой, с противным хрустом перекрутился и упал с полностью раздробленным телом, с рядом открытых переломов, весь в крови. Полежав так пару секунд, он начал регенерировать, сопровождая восстановление очередной кости хрустом.

Полностью восстановившийся, он встал, подошёл к Пу-стоши, присел и сказал:

– Ничего, успокойся. Мы сможем тебя восстановить за пару мгновений. Только спокойно расскажешь всё.

Он приподнял девочку за плечо. Но та, тяжело вздохнув, вытащила из кобуры Шак'Хида пистолет, ухватившись за него свободной рукой и здоровой ногой, раскрутилась, словно на шесте, оттолкнулась в сторону так, чтобы все мы стояли с одной стороны от неё. И всадила всю обойму во всех троих...

Я упал с жутким звоном в ушах. Одна пуля оторвала мне ухо, другая засела глубоко в бедре, третья попала в нижнее левое ребро, чуть ниже сердца. Качку, кажется, в сердце тоже не попало. Чёрт, пронесло! С кровью Шак'Хида нам стали не страшны многие повреждения. Любой орган можно восстановить с помощью этой жидкости. Кроме мозга и сердца. Только фатальные повреждения этих органов фатальны для нас в любом случае. Стоит носить защиту головы и груди. Чувствую, дальше будет только хуже.

Шак'Хиду же единственная пуля попала прямо в сердце. Но он стоял спокойно... и с улыбкой. За его спиной остановилась машина, из неё выбежал Эсс Шейкер. Он помог

нам принять сидячее положение и протянул шприцы с кровью. Шак'Хид же мелкими шагами подходил к обездвиженной Пустоши и посмеивался. В один момент дыра в его груди широко разжалась, пуля с щелчком вылетела. Затем грудь вновь восстановилась, как ни в чём не бывало. Вдруг Очкожуй громко передал нам по рации:

– Шак'Хид, я узнал её стоп-слова! Повтори чётко: *Voleria altys nleokka!* Всё понял? *Voleria altys nleokka!*

Мы все немного растерялись, Шак'Хид переспросил.

– Говори же! Она сейчас убьёт себя! – Очкожуй закричал ещё громче.

И вправду, девочка, видимо, оставила в пистолете одну пулю, ведь ствол пистолета не выдвинулся, как при разрядке. Она направила его себе в голову. Шак'Хид быстро среагировал и прокричал с особой громкостью:

– *Voleria altys nleokka!*

Девочка округлила глаза, бросила пистолет и встала в стойку смиренно сидя, ведь нога всё ещё была сломана.

– Какие будут приказания? – голосом робота проговорила

она.

Мне это показалось особенно жутким, ведь та пуля, что оторвала мне ухо, так же задела мои очки, разбив их пополам. И глядя на расплывающееся радужное пятно, говорящее таким голосом, можно запутаться в происходящем...

Татар Гёрл

Она сидела передо мной. Так странно, ты не видишь человека перед собой, но знаешь, что он есть. И ещё странней, наверное, смотреть на это со стороны... Мне выпал жребий допросить её. Почему именно мне? Почему не Жую? Почему не Шейкеру? Я уж не говорю о Шак'Хиде. Этот... Это... Оно... Да! Оно живёт уже сколько миллиардов лет, видело сотни рас и цивилизаций. И оно не знает, как эффективно допросить пленного! Как будто я лучше... Я за всю жизнь ничем таким не занималась! Ну ладно... Хватит ныть! Они попросили меня. В конце концов, надо же доказать свою полезность и преданность. С чего бы начать...

– Как тебя зовут?

– У меня нет имени.

– Как это «нет»? У каждого есть имя.

– Значит, я исключение...

Её голос был настолько неестественным. Слышать его было очень жутко. Я судорожно перелистала несколько стра-

ниц, соединённых скрепкой степлера. Там написан план допроса: вопросы, методы. Только не ясно, откуда начинать. В какой последовательности допрашивать. Совершенно запутавшись, я помотала головой, закрыла лицо руками.

– Успокойся, сделай глубокий вдох! – передал Жуй по рации.

Я вдохнула, убрала лишние волосы с лица. Взяла страницы с текстом, перекутила их в руках и нашла, наконец, первую страницу. Начнём...

– У тебя ведь есть кодовое имя. Позывной, или что-то вроде того?

– Пустошь.

– Ты недоговариваешь, – я постаралась повысить тон, – «Пустошь» – проект по созданию агентов. Ты одна из агентов. Назови своё полное кодовое имя!

– Агент 001. Так меня зовут.

– Для дальнейшей работы нам нужно знать, как к тебе обращаться. И, знаешь... Думаю, «Агент 001» не подходит.

– Я могу отзываться и на другие имена. Только скажите.

– Отлично, теперь тебя будут звать...

Я вдруг осознала, как же тяжело давать имена новым людям. Это имя закрепится за ним на всю жизнь. Даже если

сменить его позже. С «Агентом 001» всё проще, ведь ей элементарно можно наплести всё что угодно. Она так воспитана...

– Идина! Теперь твоё имя Идина.

– Как скажете! Теперь я Идина.

– Так, Идина, приступим. На чьей ты стороне?

– На стороне Российской Федерации!

– Отлично. Значит, ты обещаешь без вранья рассказать всё, что ты знаешь?

– Да, я клянусь рассказать всё.

– Итак...

Я прочитала следующие вопросы. Они должны были проверить её на честность, ведь составлены из того, что мы знали.

– Как звали человека, который воспитывал тебя?

– Он был не один. Двое. Николай и Пётр. Отец и сын.

– Кто они тебе?

– Николай – отец, Пётр – брат.

– Не ври мне!

– Я не вру! Николай отец, потому, что воспитывал меня.

Отец ведь – тот, кто воспитывает тебя... Пётр – брат, ведь он тоже ребёнок, тоже слушается Николая. Так делают дети. А если у кого-то тот же отец, что и у тебя, то он твой брат...

– А кто ты Петру?

– Сестра.

– Настя, следуй по тексту! – вмешался Очкожуй.

– Подожди! Здесь, похоже, нужно пойти другим путём!

Я отошла в сторону, чтобы Идине не было слышно. Она, похоже, имеет совершенно другие представления о жизни, о положении в обществе. Всё потому, что так ей легче управлять.

– Чёрт, Настя! Мы теряем время!

– Послушай, если мы хотим заполучить седьмую из Великой Восьмёрки... Мы же много раз обсуждали, что Восьмёрка должна быть основой всего, а значит, каждый её член должен здраво мыслить, и знать о мире. Она, как видишь, не знает ничего! Даже хуже! Она обладает фальшивой информацией. И полностью уверена в её правильности. Нам надо исправить её, сделать, прежде всего, обычным человеком!

– Да, возможно, ты права. Не сразу об этом подумал... Отведём её, пока что, в камеру. А потом обдумаем, как мы будем её обучать. К тому же, так мы узнаем от неё правду.

– Нет, у меня идея получше. Я попробую поговорить с ней. Камера может подорвать её доверие к нам. Пусть даже она обучена не обращать внимания на мелочи, нам всё равно нужно аккуратно обращаться с ней. Пока она считает нас хозяевами, из-за кодовых слов. Но кто знает, что ещё эти учё-

ные намешали в её голове.

– Настя, не глупи. Надо составить план нашего с ней диалога!

– Послушай, дай мне шанс. Я лишь попытаюсь, заодно узнаю пару фактов о ней.

– Эх...

– Очкожуй... Алексей... Ну, пожалуйста! Я конечно не хочу тебя обидеть, но...

– Но?

– Но я провела всю жизнь в цивилизованном обществе, а ты... ну, в общем... ну...

– В подобии дикарского каменного века?

– В общем-то, да... Прости...

– Да ничего, не за что прощать. Так и быть, дам тебе шанс.

Но только, будь аккуратна.

– Непременно!

Я вернулась на место. Пустошь, в ожидании, подняла голову.

– Прости за то, что так долго. – неуверенно начала я.

– «Прости»? Что это значит?

– Ты правда не знаешь?

– Нет.

– Ну, это когда... э-э-э... – я попыталась подобрать подходящее объяснение. – Когда ты разбиваешь чашку друга...

– Зачем разбивать?

– Случайно.

– Что значит «случайно»?

– Блин, – под нос сказала я себе, – сейчас всё объясню, пожалуйста. Дай закончить.

– Хорошо...

– Когда ты разбила чашку друга, а он тебя прощает... То есть закрывает на это глаза, – я замолчала, поняв, что теперь, когда я использовала этот фразеологизм, ещё больше её запутала.

– А-а-а, ясно, – неожиданно ответила Идина, – теперь всё ясно.

– Так ты... – тихо проговорила я.

– Могу я задать ещё один вопрос?

– Да, можешь.

– Что за время моего отсутствия произошло в мире?

– Ну... Например... В Америке сменился президент. Теперь у власти Дональд Трамп. В 2014 началась гражданская война на Украине и она идёт по сей день. Чуть позже к России присоединился полуостров Крым.

– Значит, вы нашли меня, так как я нужна Российской Федерации?

– Нет, в смысле да... Но, не совсем... Ты нужна нам, Татар Гетто.

– Татар Гетто?

– Да, мы – организация, стремящаяся сделать мир... за-

мать, не только Россию, а целый мир... идеальным. – сказала я, выдержав драматическую паузу.

– Вы работаете на Российскую Федерацию лишь косвенно? Я немного не понимаю.

– Мы хотим изменить страну. Люди, правящие ей, используют власть не по назначению.

– В смысле?

– В личных целях. Мало думают о людях, живущих в стране.

– Я не верю! Они не могут быть такими...

– Твои создатели работали на таких людей... И чего добились...

– Чего?

Я попыталась сказать помягче, ведь боялась обидеть её.

– Они заставили маленькую девочку расти без родителей. Да ещё и обучали делать грязную работу.

– Родители? У меня же были родители... Верней, родитель. У меня был отец – Николай. И, к тому же, был брат.

– Дело в том... что Николай... на самом деле... Не был тебе отцом. А Пётр не был братом.

– Неправда. Отец – тот, кто воспитал. А брат...

– Да, я уже слышала. Только вот есть такое понятие, как «биологический отец».

– Как это?

– Это тот, кто тебя... создал. Твой настоящий отец. Николай же в реальности не был тебе никем, но считал тебя своей дочерью. Так же у тебя была настоящая мать. Её звали Таисия.

Идина молчала. Но явно ждала, пока я скажу что-нибудь ещё.

– Ну что вы молчите? Может быть вы объясните мне всё? Вы... Вы не можете просто так молчать... – в её голосе чувствовалась тяжесть, как будто, она начинала плакать. Хотя, я не думаю, что она знает значение слова «плакать». Она не понимала, что с ней происходит. Раньше ей никогда не приходилось испытывать такого. Похоже, внутри её сознания ещё были задатки каких-то человеческих качеств и чувств. И именно сейчас они начали проявляться. Идина начала всё это осознавать.

– Да, да я всё объясню тебе... 17 лет назад Таисия родила тебя, но сама умерла при родах. А твой настоящий отец зачал... То есть, создал тебя 27 лет назад... Это произошло потому, что Николай заморозил тело Таисии и 10 лет готовился к тому, чтобы ты родилась.

– Мне... То есть, у меня была мать...

– Да, но, так как Николай не позаботился о её безопасности, она не смогла выжить из-за боли. Её сердце не выдер-

жало таких нагрузок.

– Так значит, в её смерти, виноват... Николай?

– Да. Я понимаю, всё это сложно осознать. Я думаю, тебе нужно время. На то, чтобы решить, что делать дальше.

– Решить... мне? Я лишь подчиняюсь...

– Никто не имеет права приказывать тебе, с кем тебе быть и что делать дальше! Ты – личность. И ты сама в праве решить.

– Личность? В каком смысле?

– Ты человек. Такая, как все. Можешь иметь своё мнение, не то что навязали тебе те или иные люди. Можешь иметь свои интересы, любимые занятия... любимых людей.

– Но я... не знаю, как мне... обрести всё это?

– Тебе придётся научиться. Теперь ты – своя собственная хозяйка.

Пауза. Она задумалась.

– И я могу лишь предложить тебе несколько вариантов. – снова начала я. – Ты можешь стать почётным членом Татар Гетто. Одной из большой восьмёрки. Или ты можешь найти своего отца. Его зовут Виктор Карнешин. Мы нашли упоминания о том, где он может жить. Правда, это было 27 лет назад. Кто знает, но попытаться стоит... Впрочем, тебе решать...

– Хорошо... Я... решу. Но можно ещё вопрос?

– Конечно! Сколько угодно...

– Как... Как вас зовут?

– Настя. И, давай лучше перейдём на «ты»?

– Хорошо. Настя, ты можешь больше рассказать мне о мире? Я ведь столько не знаю...

Я кивнула и начала рассказ.

Шак'Хид

Очкожуй весь в работе, после того, как мы поймали эту девочку. Он взял её волос, получил цепочку ДНК... Потом взял образцы моих клеток и, как только передал допрос в руки Татар Гёрл, заперся в лаборатории и начал работать. Сегодня утром я решил разбудить его, чтобы выведать об успехах перевоспитания. Но в его комнате не было никого, постель была заправлена, а воздух свежий.

Выйдя из комнаты, я наткнулся на Очкожуя. Глаза его были кроваво-красными, мешки же под ними – тёмными, словно космос. Веки не держались на месте, постоянно, то медленно опускаясь, то резко вскакивая. Он еле стоял на ногах, поэтому, чтобы вовсе не свалиться, опирался на стену. Увидев меня, он с трудом улыбнулся и протянул мне серебряное кольцо с камнем, похожим на небольшой изумруд.

– Вот, держи... – хрипло проговорил он. – Отнеси эту прелесть Пустоши...

– Просто кольцо? Зачем ей кольцо?

– Это не просто кольцо. Это аппарат для рассеивания невидимости... Ах, чёрт! – он чуть не упал, вовремя подставив ногу вперёд. – Всю ночь его делал. Действует точно обратно Кольцу Всевластия из Властелина Колец. Ты же знаешь этот фильм? Наверняка в твоей чрезвычайно обширной памяти есть место этому фильму. Ведь так?

– Да, я знаю этот фильм.

– Хорошо. Я вот, на днях посмотрел. Ну и решил сделать прибор в виде кольца. Это... Кольцо нищеты, или как-то так. – он громко зевнул. – Хрен его знает... Сам назови его, если хочешь. Ты же любишь это.

Я промолчал.

– Короче, отнеси ей кольцо.

– Почему я?

– Слушай, какая разница? Я не могу. Ещё шаг, и я упаду. Лучше упасть на кровать. А других искать... Сейчас утро, все сонные, кроме тебя. Тебе же не сложно...

– Да, без разницы. Давай кольцо. Кстати, насколько хорошо прошло перевоспитание?

– Абсолютно без понятия. Вот сам и узнаешь.

Ответ меня не порадовал. Не люблю соваться в неизведанное. Но придётся...

Чёрт возьми, как же мне не хотелось заходить к ней. Ме-

ня смущал её... Её вид. Никто из них не видел того, что видел я. Они видели лишь красно-синее пятно, а мне всё виделось чётко. Её стройное тело не было прикрыто ничем, она была полностью нагой. И, что странно, в памяти людей, чьё сознание я поглотил, я нахожу картины и даже целые сцены неприкрытой наготы и разврата. Но тогда, на улице, я будто увидел всё это впервые. Я не могу понять, почему мой организм так реагирует на неё. Никогда такого не испытывал.

Не успел стук завершиться, как дверь распахнулась, последний удар ушёл в воздух. Открыла, как и ожидалось, Пустошь. Она была одна. Похоже, лишь мы вдвоём более-менее бодрствуем в такую рань. Как-то инстинктивно я провёл взглядом снизу вверх, осмотрел стоящую передо мной. И пожалел об этом. Она всё ещё была нагой. Если бы я соблюдал в себе строение обычного человека, мои щёки покрылись бы румянцем, а достоинство начало давать о себе знать. Но я не соблюдал такой достоверности. Поэтому, обошёлся просто смущённым голосом.

– П-Привет...

– Здравствуйте...

– Вот, держи. – я протянул ей серебряное кольцо.

– Вы... Вы собрались делать мне предложение? – смутилась она.

– Предложение?

– Ну, руки и сердца... Настя говорила, что с кольцом

обычно делают предложение.

– Нет-нет! – взволнованно прикрикнул я. – Это другое. Это кольцо... Может сделать тебя видимой...

– Что, правда? Это получается, на меня будут смотреть без очков?

– Да, именно.

Я взял её руку, положил в неё драгоценность и сжал ладонь в кулаке.

– Постойте, как вы определили, где моя рука? На вас нет очков. И тогда... Тогда тоже не было...

– Я вижу тебя и без них. И кстати, лучше бы тебе найти, что одеть... Я имею в виду...

– Что я голая? А что в этом такого?

– Понимаешь ли, на людях обычно одеваются. Понимаю, невидимой одежды нет. Поэтому тебя готовили к тому, чтобы идти на задания совершенно нагишом. Но теперь, с этим кольцом, ты можешь выходить на люди. А значит, нужно одеваться...

– Понимаю...

– К тому же, в такой вид, – я провёл взглядом по её телу, зачем-то сглотнул, – может вызвать у некоторых... Чёрт...

– Что вызвать?

– Да, ничего... Забудь. Ну же, надень кольцо!

Я сменил своё строение глаз на простое, человеческое. Девушка исчезла. Но ненадолго. Сначала проявилась левая рука, на средний палец которой было надето заветное кольцо. Затем туловище, голова, бёдра, ноги. Вот она, стройная, с тоненькими ручками, небольшим круглым личиком татарской национальности, коротко и топорно постриженными волосами цвета вороньего пера. Она посмотрела на свои руки. И очень удивилась.

– Я вижу их! Впервые вижу свои руки!

– Ты правда не видела их?

– Ну да, сыворотка... сделала меня невидимой... для меня, в том числе.

– Что ж, наконец ты сможешь жить нормальной жизнью...

Она ланью подскакала к шкафу, порылась там и достала понравившуюся ей одежду.

– Я хотел извиниться... За ту погоню. Должно быть, было больно падать?

– Да, было. Но это не важно. Я видела, как вы упали вслед. Но вы совершенно невредимы...

– Как и ты...

– Что было в том шприце? После инъекции нога восстановилась незамедлительно. Что это было? Новое лекарство?

– Всего лишь моя кровь... Дело в том, что я не человек.

– А кто тогда? Вы видите невидимое... Ваша кровь исцеляет. Кто вы?

– Я и сам не до конца знаю это. Но что знаю точно – я из тех, кто жил ещё до создания Вселенной в нынешнем виде. Скажу тебе по секрету, я ничего не помню о своём прошлом. Лишь с того момента, как зародилась Вселенная. Мне показалось, что именно я приложил к этому усилия.

Помолчав немного, она попросила меня рассказать свою историю. За этот год я уже с десятков раз пересказывал её разным людям. Но что поделать, если нужно заработать их доверие? Я согласился.

Летели минуты, я всё говорил и говорил. Она внимательно и покорно слушала, внимая каждому слову и запоминая каждую деталь. Так, мой, предполагаемо, недолгий визит с целью отдать кольцо, продлился целый час. А то и больше. И рассказ о путешествии в космосе занимать лишь половину всего времени. Остальное время мы просто разговаривали о мире, но на более масштабном уровне.

Заметно, что Татар Гёрл посвятила, как она её назвала, Идину, в детали жизни на Земле. Я же, смотря на то, как увлечённо Идина слушает, рассказывал о планетах, системах, а так же таком романтическом явлении, как звездопад. Она, выслушав всё, сильно увлеклась, даже захотела увидеть звездопад самолично. Я пообещал, что покажу ей эту красоту... когда-нибудь...

Когда я вышел за дверь и начал удаляться от её комнаты, меня пробрала дрожь. Я словно на секунду принял облик ручейка, бурной реки или даже беспокойного океана. Всё сжималось и разжималась. Я решил принять полную, достоверную форму человека, чтобы точно определить, по крайней мере по человеческим меркам, какой характер у этого явления. Дрожь шла из сердца. Его будто свело чем-то приторным. В поисках ответов я погрузился в своё глубокое сознание. И вскоре мне удалось нечто большее, чем определить чувство. Я вдруг вспомнил что-то. Что-то, что было давным-давно. Из прошлой жизни, когда ещё не было Вселенной. Я помню голоса. Кто-то говорил о некоем понятии “Latne”. Что оно означает?

Пустошь

Всё это так странно, я теперь могу выбирать сама... Выбирать, что мне делать... За время жизни на улице я не вступала с людьми в контакт. Ведь меня учили:

– Ты невидима. Люди не должны подозревать, что ты есть. Не разговаривай ни с кем, ни в коем случае.

Теперь Татар Гетто знает, что я существую. И я даже разговаривала с ними. Я не знаю, что думать о них, о ситуации в целом. Ведь меня не учили думать о чём-то, кроме деталей поручений. Я не до конца доверяю Гетто. Но они указали возможный адрес проживания моего отца. Всё это очень

странно. Я не могу этого понять. Мне нужно просто найти Виктора Карнешина и расспросить обо всём. Пусть он скажет правду.

Вот и та самая квартира. Я постучала. Один раз, другой... Ответа не последовало. Должно быть, никого нет дома. Стоит постучать к соседям.

Но я не успела повернуться, как врезалась в чьё-то массивное тело. Человек был в грязной майке, с трудом натянутой на толстый живот, в штанах была огромная дыра на колене. Дернув головой, он дрогнул своими двумя подбородками. Голова лысела, но зато волосы на бороде и бакенбардах были жёсткими и ровными. Человек брился, оставляя лишь бакенбарды, на месте усов и бороды была лишь дневная щетина. Он смотрел на меня своими рыжевато-кариими глазами, поедая меня своим взглядом.

– Осторожней. Ладно меня с места не сдвинуть, а другого можешь и сбить. – он рассмеялся.

– Простите, я не хотела...

– Да ничего страшного! – он похлопал меня по плечу. – Ищешь кого?

– Отца ищу. Би-биогического...

– Может, биологического?

– Да, точно. Его зовут Виктор Карнешин. Он жил в этой квартире, или живёт, я точно не знаю.

– Да, дела... – Он всё ещё не убирал руку с плеча, а теперь

ещё и прогладил руку до локтя. – Не представляю, какого тебе. Живёшь, живёшь. А тут оказывается, что твой отец не настоящий. Лишь отчим. Тебе, наверное, очень плохо?

– Не знаю, я запуталась, не могу чувствовать что-то одно.

– Бедняжка, – второй рукой он погладил меня по голове, а первой перешёл за спину, к лопатке и прижал меня к себе.

Всё это он делал медленно, слабо и неуверенно. Как при объятьях. Всё, как по рассказам Насти. Она говорила, что так люди высказывают свою радость, либо пытаются утешить друг друга.

И, чтобы не выглядеть глупо, нужно отвечать на объятия взаимностью.

И я ответила: медленно обхватила его обширное тело, положила голову ему на грудь. Он источал тепло. Я почувствовала биение его сердца. Всё, как по рассказам Насти. Надеюсь, я ничего не забыла, всё делала правильно...

– Я могу тебе помочь. – сказал он, чуть отпустив от себя, но оставив руки на моей талии. – Виктор – мой старый друг. Он и вправду живёт тут.

– Значит, я не ошиблась, это хорошо!

– У меня идея. Раз его сейчас нет дома, давай зайдём ко мне. Я хорошо его знаю, уже много лет живу с ним по соседству. Должно быть, сложно будет начать диалог с отцом. Я могу подбросить тебе пару идей.

– Правда? Было бы здорово!

– Тогда, милости прошу...

Внутри сильно пахло потом. На мебели было много мусора, в основном, остатки от еды. Квартира была тёмной, все окна занавешены. Комнату освещали две лампочки, и то, одна из них мигала. Но сильнее её освещал монитор включенного компьютера. Да, место не из лучших. Однако этот человек хочет помочь.

– Присаживайся! – указал он на диван. – Чувствуй себя как дома...

– Спасибо вам. А, кстати, как вас зовут?

– Зови меня Пузан, меня так тут все называют.

– Почему «Пузан»?

– Пузо себе отрастил, хе-хе-хе. Ну а тебя как, красатуля?

– Идина.

– Красивое имя. Никогда не слышал о таком, интересное... Гордись!

– Спасибо. Ну же, расскажите мне об отце!

– Да, конечно. Не желаешь чего-то выпить?

– Я... Не знаю... – на этот случай у меня не было шаблонов поведения. – А что именно выпить?

– У меня есть один рецептик, сейчас сделаю.

Через минуту он поднёс мне стакан с синей жидкостью и уселся в кресло, напротив. Аромат напитка оставлял желать лучшего.

– Я подумал... – замялся он. – Я подумал, что нам будет необходимо что-то крепкое, ведь рассказ будет тяжёлым. Не страшишься запаха и вкуса. Это «Нектар жизни», популярный в узких кругах напитков. Его изюминка в особом... Послевкусии...

– А почему рассказ будет тяжёлым?

– Отхлебни. Будет проще принимать ситуацию.

Я не задумываясь сделала пару глотков. Вкус был ужасен. Даже вода, которую мне иногда приходилось пить из лужи, живя на улице, была вкуснее. Я еле удержала это во рту. Но, поморщившись, через силу проглотила. Он неустанно смотрел за мной, а когда я отхлебнула, выпил и сам. Похоже, он уже привык к такому вкусу.

– Ну же, рассказывайте! – нетерпеливо поторопила я.

– Так вот, кхе-кхем, – он кашлянул и начал рассказ, – я переехал сюда пять лет назад. Мы с Виктором сразу разговорились, он познакомил нас со своей семьёй: женой Жанной и сыном по имени Григорий. Ты же знаешь причину расставания ваших родителей. Тебе мама рассказывала?

– У меня... Моя мама... Умерла давно. До того, как я узнала.

– Даже так... – он сочувственно глянул на меня. – Иди сюда, дядюшка Пузан тебя утешит.

Он расставил руки в стороны. Я подошла к нему, секунду подумала, как удобней обняться. И наконец придумала. Присев на его левое колено, я вновь обхватила его руками. Он прижал меня очень сильно, даже слишком.

– Я до конца не знаю, что произошло. Может вы знаете?

– В том то и дело, что об этом мне не особо многое известно. Я слышал что-то, будто у Виктора была дочь... Но думал, это всё выдумки. Оказалось, нет. Прости, не могу помочь... Слушай... не держи ноги на холодном полу! Зима на дворе, а отопление работает не очень хорошо.

Пузан обхватил рукой мои ноги и закинул на своё правое колено. Дальше начал слегка массировать ступни. Какой он заботливый... думает о здоровье совершенно незнакомой девушки.

Как это приятно, говорить с людьми. Надеюсь, он такой не один... Продолжая массировать, он рассказывал. Я наконец ощутила послевкусие «Нектара жизни» и, наслаждаясь им, внимательно слушала.

– Я тогда тоже был не одинок. У меня была любящая жёнушка Прасковья и сын Альберт. Ровесник Григория. Мы были двумя счастливыми семьями, как две капли воды похожими. А то, что жили мы по соседству, ещё более улучшало наше существование. Альберт попал в класс Григория. Они стали лучшими друзьями, всё делали вместе. Даже обрели общий интерес – музыка. Представляешь?

Я промолчала.

– Так вот, кхе-кхе, они выиграла в музыкальном конкурсе,

получили путёвку на шестерых за границу. В отпуске мы решили съездить на экскурсию в каньон. Пожалуй, самое красивое место, которое я только видел... – он посмурнел. – И самое ужасное...

– Почему ужасное?

– Когда мы были в каньоне... Там... Там... Прости, мне сложно об этом говорить. – он сделал большой глоток «Нектара жизни», всхлипнул. – Понимаешь... Когда мы были там, все мы... Там случился обвал... – он шмыгнул носом, в голосе стало беспокойно. – Обвал... забрал их всех...

– Кого?

– Жанну, Прасковью, Григория. Они погибли под завалами. А мы с твоим отцом как раз в то время отходили в сторону, купить воды. Какие же дураки... – снова глоток нектара. – Альберта выгребли из-под завалов. Но его ноги были раздроблены. А потом выяснилось, что его контузило, он теперь в больнице лежит. Эх...

Он совершенно упал духом, опустил глаза. Из глаз покапались слёзы. Какая ужасная история. Ему, должно быть, совсем плохо. Я должна его утешить. Моя очередь обнимать!

Поэтому я прижалась к нему сильнее некуда, в этот раз, подтянувшись к его лицу. Щекой к щеке. Тонкая струйка его слез увлажнила моё лицо. Но этого, как я посчитала, мало. Настя рассказывала, что есть ещё более сильный способ проявить дружелюбность – поцелуй. Аккуратный поцелуй в щё-

ку. Но использовать его, по словам Насти, нужно было лишь в особых случаях. Ну а этот случай как раз был особым. Пузан нуждался в тепле, прямо сейчас. И я поцеловала его.

– О-ого... – удивлённо прошептал он.

– Я что-то не так сделала? Простите! Я просто хотела...

Утешить вас...

– Нет-нет! Ты всё правильно сделала. Ты так добра. Мне уже легче...

– Я рада.

– А можешь, – помолчав сказал он, – ещё раз поцеловать?

Мне этого очень не хватает...

– Да, конечно!

Я повторила поцелуй, он в свою очередь ответил мне тем же, поцеловав мою щёку. И ещё раз, и ещё... И ещё... Последний поцелуй был пущен в мои губы. Я удивилась, отвела голову.

– Что такое? – спросил он.

– Э-э-э, ничего...

О губах у меня тоже не было шаблонов. Но раз Пузан так спокойно целует в губы, значит это в порядке вещей. Должно быть, Настя просто забыла об этом упомянуть. Ну ничего... Я, как она сама сказала, теперь самостоятельная. А значит,

и учиться должна сама.

Я снова приблизилась к его лицу, положила ладонь на щеку и поцеловала его в губы. Он в свою очередь снова сжал меня, правой рукой обхватив спину, левой – бёдра. Я почувствовала, как между ног появилось что-то жёсткое. Не успев понять толком, что это, я услышала:

– Идём на диван, нужно больше места.

– Места для чего?

– Увидишь...

Он обхватил меня на бёдра и понёс на диван. Осторожно положив меня, он навис надо мной.

– Ну же, поцелуй меня ещё раз...

Я послушалась. Не думала, что общение с людьми настолько сложно и продолжительно. Это намного сложнее того, к чему меня готовил Николай. Рукой он пролез под мой свитер, задрал его до ключиц. Дыхание его было тяжёлым, как и моё теперь. Далее его рука расположилась на моей груди. Он пару раз сжал грудь, начал стягивать лямку лифчика.

И тут я задумалась. А всё ли так, как должно быть? Ша-к'Хид говорил, что у людей моё обнажённое тело вызовет странную реакцию. Он так и не договорил, какую. К тому же, лифчик, как одежда совершенно бесполезный: он слабо гре-

ет, закрывает лишь грудь. Но ведь, у него должно быть какое-то назначение? Может, как раз, в сокрытии груди? Чтобы не вызывать эту загадочную реакцию? Но тогда, что это за реакция, если люди так пытаются её избежать? Не та ли самая, которую сейчас демонстрирует Пузан? Как всё это странно...

– Пузан, – я отвела его от своих губ, – давайте лучше поговорим о моём отце. Он может скоро прийти, а я не знаю о нём ничего, кроме этой печальной информации...

– Ну погоди ты! Давай докончим. Сейчас самое важное будет.

Он схватил меня за джинсы, расстегнул пуговицу, начал стягивать их. Я, в свою очередь, начала ему препятствовать. Так или иначе, я слишком мало знаю, чтобы заходить столь далеко. Справлюсь с отцом сама, без разговоров с Пузаном.

Мы начали шуметь. Старый диван трещал под огромным весом. Я случайно задела ногой стакан с недопитым «Нектаром жизни», который незамедлительно опрокинулся и залил весь стол. Он был сильнее меня, несмотря на мою натренированность. Здесь умения были бесполезны, ведь он придавил меня своим телом, совершенно ослабив.

Внезапно дверь распахнулась. В комнату забежало двое: среднего роста мужчина со светлыми волосами и невысокая рыжеволосая женщина лет сорока. Мужчина начал кричать

неизвестными мне словами, но произносились они грубо, и строение их казалось вульгарным. Я поняла, что это ругательства.

Он скинул с меня Пузана, ударил его ногой прямо по животу. Женщина подбежала ко мне, приподняла меня, спустила свитер и подтянула штаны. Затем, приговаривая: «Бедная, несчастная...», обняла. Повела на выход, закрывая картину избиения Пузана.

Она привела меня к двери в ту самую квартиру, куда я час назад пыталась попасть. Но почему она живёт здесь? И кто она? И кем был тот мужчина? Неужели, отцом? Я ничего не понимаю.

– Бедняжка, как это ты попалась... – взволнованно тараторила женщина, протягивая мне чай. – С тобой всё хорошо?

– Да, всё отлично...

– Ой, вот и славно. Как же надоел этот Пузан! Всякий месяц находит себе жертв, таких как ты. И насилует их.

– На-насилует?

– Ну да! Это хорошо, что мы услышали.

– Насилует... – всё повторяла я. – Но ведь он меня не бил!

– Да нет же. Насилует в другом смысле!

– В каком?

– В смысле... Ох, зайка... Ты правда не знаешь? Или не помнишь? В любом случае, это ужасно. Такая молодая...

В комнату зашёл светловолосый. Женщина сразу вскочила с места и подбежала к нему.

– Ну что там с ним, Вень?

– Поговорили по-мужски. Снова обещал прекратить, ссылался на его синее пойло, мол это оно его совращает и к действию призывает.

– Может, всё-таки сообщим в полицию?

– Нет, Деля, ты же знаешь... Кто позаботится об Альберте?

– Да, – она раздосадовано вздохнула.

– Простите, могу я спросить? – встряла я в разговор.

– Что, моя милая? – обернулась на меня Деля.

– Я искала отца, биологического. Мне сказали, что он здесь живёт. Его зовут Виктор.

– Нет, здесь мы вдвоём.

– Я сейчас вернусь. – бросил светловолосый и удалился.

– Но, Пузан мне сказал... Что он его старый друг. Что у них жёны погибли при обвале во время отпуска. И сын Виктора тоже погиб, а сын Пузана покалечился.

– А ты не слушай его. Да и вообще, будь внимательней с такими...

– С какими «такими»?

– Ох, бедная, бедная девочка... Как тебя угораздило!

– Я не понимаю. Простите, я мало... очень мало, что понимаю. Можете рассказать мне всё?

– Ладно, – она вздохнула, – наш дорогой сосед, Аркадий Карпов... ну или, как он приказывает себя называть «Пузан» – насильник. Он находит девушек от пятнадцати до восемнадцати лет, совращает. Насильно занимается с ними сексом, если не поняла.

– Занимается сексом?

Деля вновь раздосадовано вздохнула, подвинулась ближе и в минуту обобщённо объяснила значение секса, без окуна-ния с головой в детали. Чтобы не потерять нить диалога.

– Так значит... Он всё это выдумал... Наврал мне, чтобы заняться со мной сексом?

– Ну, вообще-то, он сказал лишь половину правды. Насчёт его жены и сына – правда. Остальное он просто вплёл, дополнил картину. И именно поэтому он выглядел так искренне... Просто вспоминал правдивую историю, пробирающую до слёз. Хитрец...

– Его сын, Альберт, правда покалечен?

– Да, это так. И если бы не сын, мы бы уже давно сдали его полиции. Но иначе, лечение сыну никак не получить. Аркадий непрерывно работает. Что-то продаёт в интернете, деньги собирает. Ну и устаёт жутко, стресса много. – она вновь вздохнула. – Вот и сломался. Ищет отвлечения от всего мира в контакте с девочками. Ужасно!

– Согласна, история просто ужасает...

– Только и остаётся, что вырывать бедных девушек из его лап. Благо, по соседству мы с Веней живём.

Наконец, вернулся светловолосый. В руке у него был листок бумаги.

– Ха-ха, наконец нашёл... – сказал он. – Милашка, я знаю твоего отца. Я с ним переговаривался, когда покупал эту квартиру. Семь лет назад. Он оставил координаты, на случай, если понадобится. Вот, хе-хе, понадобился...

– Отлично! Спасибо вам!

– Впредь будь осторожна! – посоветовала Деля...

Дом отца. Наконец я нашла его. И это была не обычная квартира. На этаже их было всего две – самые большие в доме. Я воображала, что же меня ждёт... Кто меня ждёт... Примет ли он меня? Как сильно обрадуется моему появлению?

Я позвонила в дверь, открыла мне женщина с каштановыми волосами, свисающими до поясницы.

– Что вы хотели? – спросила она.

– Я ищу отца.

– Простите, девушка, вы квартирой, наверное, ошиблись.

– Нет, всё должно быть верно! Моего отца зовут Виктор.

Она удивлённо дёрнула головой назад, крикнула вглубь квартиры.

– Ви-и-итя-я! Иди-ка сюда!

– Что такое? – послышалось из дальней комнаты.

– Тут девушка тебя зовёт! Говорит, ты её отец!

– Чё? – послышались быстрые шаги. На входе возник пятидесятилетний мужчина с сединой на висках. На щеке у него был небольшой шрам. Почесав его, он переспросил. – Чего вам нужно, девушка?

– Вы Виктор?

– Всё так.

– Значит, я нашла вас... тебя... Ты мой папа!

– Чего? Не припомню... Я уже двадцать лет как женат. У меня нет других детей!

– Есть один. Ты помнишь Таисию? Я её дочь.

Он округлил глаза и встал безмолвно, будто проглотил язык, лишь всё яростней почёсывая шрам. Женщина шлёпнула его по руке, чтобы он перестал.

– Витя? Что это значит? Что ты от нас... Ах, ты!

– Молчи, женщина! Дай разобраться. Я её вообще не знаю...

– Мы и вправду ни разу не виделись, но...

– Выйдем, поговорим наедине. – перебил он меня. – Достало неведение!

– Да, отмахивайся, – скрестила руки женщина, – за моей спиной... Ах, ты козёл!

– Молчи, говорю!

Мы вышли в коридор.

– Папа...

– Я тебе не папа. Это было давно. И как ты вообще меня нашла?

– Долгая история. Скажи мне лучше, почему вы с мамой расстались?

– Из-за тебя, мелкая ты дрянь!

– Из-за меня? Почему?

– Мне было хорошо с Таисией. Но потом она забеременела тобой! – он снова начал нервно чесать шрам.

– Но, что в этом плохого?

– А то, что я не хотел детей. Никогда! Я просто терпеть их не могу: вечно ноют, просят есть, пить. А когда вырастут, ещё и подростковые драмы начнутся, вообще сдохнуть можно! Тем более, если родится девочка. Как я вижу, это и произошло... Правильно сделал, что отдал Таисию врачам.

– Ты, ты отдал её?

– Да, тебе мама не рассказывала?

– Она умерла при родах.

– Что ж, мне... жаль...

Молчание. Из лифта вышли два подростка: парень и девушка. Они обменялись приветствиями с Виктором, зашли в его квартиру.

– Эх, твою же мать... Наказал меня Господь Бог! Отказался от одного ребёнка, и у меня появилось двое... – он схватил себя за чешущую руку, осознав, что шрам уже болит от его усердия. – чёрт возьми!

Я промолчала.

– Ну, и чё ты сюда припёрлась? Ожидала прыжков от радости? Думала, я тебя под опеку возьму, денег дам? Нет уж, у меня, вон, жена какая ревнивица! Чуть скандал не начала. Да сейчас начнёт. Давай так: ты забываешь, кто я, где я живу. Я возвращаюсь в дом. Говорю, мол, ты домом ошиблась, и тут неподалёку другой Виктор живёт. И мы будем жить, как жили...

Я ничего не ответила. Повернулась и ушла.

Уже ближе к вечеру, возвращаясь в лабораторию, я решила. Решила, что нужно вступить в Татар Гетто. Они помогли разобраться в беспокоящих меня вопросах в самых разных сферах: от прошлого моей мамы до загадочных ежемесяч-

ных болях в паху. И мотивы их, как я поняла, тоже нельзя назвать плохими, даже спорными. Ведь всё прекрасно. Они стремятся к лучшей жизни для всех. И я хочу им в этом помочь...

Глава 7, Не остывшее блюдо

Хойт

Я поставил одну ногу на ящик, стал чистить джинсы от грязевых пятен. Как же меня бесит эта дыра, и все, подобные этой. Я, чёрт побери, олигарх, владелец многих законных и незаконных предприятий, а также всего, что нужно от жизни, включая дорогущую яхту, на которой я могу выплыть лишь пару месяцев в году из-за этого сраного климата. Реки замерзают на зиму, потом оттаивают до мая, затем ещё месяц вода слишком холодная, ну а к началу августа вода нагревается и становится такой зелёной и вонючей, что купаться там будет лишь конченный извращенец, который уже совсем себя не уважает. И я бы с удовольствием перевёз её на юг, но один мой друг, Гоша, вечно просит меня покатать его. Но когда я предлагаю, он занят. Так и стоит моя «Беатрис» на стоянке, рядом с карликовыми яхтёнками и катерками.

Но хватит об этом. Я, будучи обладателем всего вышеперечисленного, а также одним из предводителей группировки Упырей, всё же вынужден посещать такие дыры. Но ничего. Все мы начинали в подобных местах.

Почистив джинсы, я поправил свой красный пиджак. Наконец, я готов. Пора выходить, произносить речь перед но-

вичками. Да, подобные дыры забиты новичками среди Упырей. Множество гаражей, подвалов этого города. Эта дыра, к примеру, представляла собой небольшой склад. И какого чёрта я должен принимать каждую очередную кучку молодых лично? Надо будет назначить для этого наместников. Ну да ладно, это всё потом...

Я встал на подобие помоста. За моей спиной стояли Вован и Боб, мои приближённые. Перед нами расселись юные парни лет двадцати двух. Я начал свою речь:

– Да, вижу многие из вас сейчас делают вид, что они такие крутые... Но меня вы не обманете. За угрюмыми и мрачными гримасами, которые вы сами состроили, я вижу страх неопределённости. Вы сомневаетесь, туда ли вы попали. Выгодно ли быть Упырём? Ну давайте разберёмся. Вот, посмотрите на меня. У меня есть всё: машины, яхта, много мелких, средних и пару больших бизнесов. Но счастлив ли я?

– Обязан быть. – пробормотал кто-то из сидящих.

– Кто это сказал? Ну, вставай! Не бойся, не ударю. Наоборот. Ты начал диалог, теперь можно разобраться получше.

– Ну, это я сказал. – поднялся с места брюнет среднего роста.

– Отлично, осмелился. Не то что все они... Ну так, каково твоё мнение?

– Я считаю... Что такие богатые люди не должны ныть, ведь у них и так есть всё. Остальные вещи они, либо могут за-

просто достать, либо их получение является совсем уж чем-то за гранью.

– Интересная позиция. Но вот вопрос. Имея даже все деньги мира, знаешь ли ты, как ими пользоваться. Куда потратить накопленное?

– Машины, девушки, яхты... Мне ли вам объяснять?..

– Хе-хе, – я усмехнулся и на момент отвёл глаза, – яхты, машины... Узко мыслишь, друг мой, очень узко. Счастье не в дорогом транспорте, а в том, как и с кем ты проводишь время.

– Ну я и сказал, девушки! – воскликнул он.

– Ты, как я полагаю, имеешь в виду размалёванных «моделей», проституток и других глупеньких дурочек? Я не о них.

– Ну, ясное дело! Вы уже, наверное, чей-то дедуля. Ваше время прошло.

– Ну что с тобой не так, дуралей?! Совсем значение слова «иерархия» не знаешь? – я повернулся к Вовану и Бобу и намекаяще дёрнул головой в сторону наглеца. Они кивнули и сошли с платформы. – Совет на будущее, мальчик: думай, прежде чем что-то сказать. А пока, прогуляйся с парнями на улицу. У них к тебе разговор.

– Чё? Вздумал мне угрожать? Да ты знаешь, кто мой отец?

– Все слышали? – указал я на нахала. – Вот этого вообще никогда не говорите! Особенно при мне. Ненавижу эту фразу. Сразу показывает, насколько ничтожен человек, раз сра-

зу же прикрывается достижениями родственников или знакомых.

– Отпустите меня! Не имеете права! – кричал парень, удерживаемый двумя.

Они удалились. Помещение снова погрузилось в тишину.

– Ну и с кем лучше проводить время? – вновь обратился я к слушателям. Они все долго не осмеливались ничего выдать.

– С близкими людьми! – поднялся ещё один. Но он отличался от всех остальных, был старше лет на десять. Он был щетинист, с уложенными русыми волосами.

– Вот, учитеесь! Видно, человек с опытом! Как тебя зовут?

– Эль Гангстре.

– Нет, мужик, зачем давать себе какие-то тупые псевдонимы? Представляйся по своему имени! Вот например, меня звать Хойт. Знаю, имя не местное. Мои предки приехали сюда из Америки. Ну а тебя?

– Ну ладно, меня зовут Дэн.

– Так-то лучше! Приятно познакомиться! – я протянул ему руку, тот без заминок крепко её пожал. – А теперь присядь, я сделаю вывод.

Дэн вернулся на место. Я в свою очередь сделал шаг назад.

– Родные и близкие – люди, которых вы должны защищать, заботиться о них и проводить с ними как можно больше времени. Однако, я понимаю. Среди вас есть те ещё ублюдки. Что плюют на семью, на друзей... Но жизнь научила меня терпеть неприятных людей, поэтому я не буду вас переубеждать. Но лучше бы вы, конечно, ко мне прислушались. В этом самое главное счастье.

Выдержав небольшую паузу, я продолжил.

– Вы наверное недоумеваете: «Как же так, про Упырей говорили столько: про безнаказанность, про криминал и много ещё чего. И, придя сюда, мы слышим, как старпёр распинается о ценности семьи.» Не беспокойтесь. Всё, что я сейчас рассказывал – мои взгляды. Не мне вас перевоспитывать. Быть может, вы хотите развлекаться иначе. И я не буду против. Люди приходят к Упырям, желая стать безнаказанными. И мы даём им такие возможности. Благодаря связям самых авторитетных Упырей, включая меня, и проходит всё веселье. Полиция не будет реагировать на большинство ваших действий. Если же вас поймают на чём-то более серьёзном, мы добьёмся, чтобы ваше наказание было минимальным. Плюс, у вас будет многое для развлечения. Включая незаконное. Вы просто должны помнить о тех, кто обеспечивает вас в ваших деяниях. И, мы будем благодарны, если кто-то из вас, вдоволь наигравшись, посвятит себя работе,

станет одним из почётных Упырей, будет обеспечивать таких же новобранцев, как вы сейчас... Ну как, воодушевила вас моя речь? Все хотят стать одними из нас?

Все поочерёдно высказали слова согласия. Осталось лишь дать им ссылку на наш сайт. Телефоны и адреса, естественно, давать не безопасно. Ведь для полицейских одно – получить взятку, чтобы замять дело о мелком преступлении, а другое – выйти на лидеров огромной группировки. Тут взятками уже не отделаешься.

Поэтому сайт, который, к тому же, находился в даркнете, был отличным вариантом. Его мы использовали для общения, планирования дел, ну, а также, принятия различных запросов, от новобранцев, на вроде отмазок от преследования полицией.

Ссылки были у меня, но раздать должны были Вован и Боб. Как раз, на склад зашёл Вован. Ничего себе, его руки были в крови. Тот парень, конечно, взбесил меня, но что-то они перестарались.

– Вован, вот и ты. – я направился к нему. – Не настолько он был нагл, чтобы быть до полусмерти избитым. И, где Боб?

Вован молчал. Он шёл медленно, прихрамывая.

– И, почему ты так ковыляешь? – взволновался я.

Снова без ответа.

– Ну ответь уже! Постой... твою же мать!

Вован что-то невнятно промычал. Вдруг он раскрыл рот, брызнув струёй крови. Упал на колени, а затем, не удержавшись на трясущихся руках, рухнул на землю полностью. Из его спины торчал небольшой нож. Все вскочили с мест, достали пистолеты. Ко мне приблизился Дэн.

– Надо убираться от сюда. Я прикрою вас. – сказал он.

– Я и сам смогу за себя постоять. Этот придурок убил Вована ножом, а у нас пистолеты.

Трое начали приближаться ко входу, чтобы узнать, что произошло. Один почти сразу закричал и взялся за ногу. В ноге красовалась дыра от сквозного ножевого ранения.

– Что за чёрт? – закричал его друг и вдруг захрипел.

Раненного в ногу залило кровью. У второго было перерезано горло. Все попятились назад. Должен признать, и я тоже. Такую хрень я ещё не видел. Это ведь ножевые ранения, это невозможно!

– Хойт, надо сваливать! – потряс остолбеневшего меня Дэн.

– Да... В жопу эту дыру. Парни, сваливаем!

Толпа пятилась к нам, ведь именно за помостом располагался второй выход. Дэн бился в прочную железную дверь, которая была так стара, что не открывалась из-за ржавчины.

В это время один парень, что стоял в первом ряду образовавшейся толпы, упал замертво от удала ножом в грудь. Все открыли огонь по пустому пространству. Мы не прекращали стрелять, вдруг среди оглушающих выстрелов послышался женский крик и падение. На земле из ниоткуда образовалась лужа крови.

– Вот, мы ранили его! Стреляйте! – Заорал я.

Пустота над лужей начала искриться, мигать, становясь на миг видимой. Вскоре какой-то объект, похожий по форме на одежду на женском теле, уже совсем видимый, лежал в луже. Мы снова открыли огонь. Пули стали неестественно медленно приближаться к цели. А когда до неё осталось пару метров, и вовсе рассыпались в пыль прямо на лету.

– Да что за дерьмо тут у вас творится? – вскрикнул я разъярённо.

Недалеко от лужи начал бушевать вихрь. Пыль и мусор залетали по складу. Огонь по странному явлению не дал ничего. Пули так же рассыпались в прах. Вихрь начал приближаться. Один бедолага из толпы потерял равновесие, его за-тягивало. Товарищи взяли его за руку в последний момент, но это не помогло, помощники вскоре и сами начали терять устойчивость.

– Возьмите нас за руки! – закричал один из них. – Всех он не сдвинет! Ну же!

– К чёрту, парни, спасаемся! – прозвучало в ответ.

Толпа побежала к двери, чуть не столкнув меня с ног. Они вдавили меня в дверь, да так, что я ударился виском о петли. Место удара жутко заныло. По щеке потекло что-то горячее. Бедолаг, что пытались устоять на ногах, сорвало с места, раскрутило в воздухе и швырнуло кого куда. Каждый их удар о поверхность был смертелен. Один даже снёс шкаф с коробками. При падении коробки раскрылись, оттуда вылетели журналы, которые сразу присоединились к пыли и мусору.

Вихрь приближался. Вначале он, словно злодей из кино, двигался медленно, как бы давая шанс спастись в последний момент. Но в один миг резко рванул на толпу. Всех, кого касался этот вихрь, убивало ужасным способом: разрывало изнутри, ломая кости и смещая органы. Ещё пару секунд, и

мне придёт конец. Я закрыл глаза.

Казалось бы, какого чёрта? Я всего лишь пришёл утвердить новых Упырей. Ради этого я вылез из кровати рано утром, вылез из объятий жены. Чтобы просто так сдохнуть от хрен знает, чего. Ненавижу эту жизнь!

Вихрь просвистел, поддерживаемый хрустом костей ни в чём неповинных людей. Но я не ощутил на себе ничего. Никакой боли. Только сердце сильно сжалось. Неужели смерть не так страшна? Неужели боль совсем не чувствуется, если человек погиб сразу? Но самое волнующее – останусь ли я тут, если открою глаза. Стану ли призраком и буду ли следить за взрослением сына? Или, при попытке открыть глаза, окажется, что их просто нет, как и всего тела. И я просто буду видеть пустоту целую вечность.

Постойте, что это? Я чувствую, что лежу на земле. Голова всё же заныла, как и руки. В ушах стояло всё то же завывание смертоносного вихря. На губах что-то колющее и холодное. На языке всё то же, но ещё и на вкус немного солёное и, явно, несъедобное.

Я с трудом сжал пальцы рук, а потом понял, что сделал это зря. Пальцы жутко заболели, глаза аж прослезились. Но, несмотря на боль, я радовался. Я могу чувствовать, значит – я, либо жив, либо верна моя первая гипотеза о смерти. Чтобы узнать, что именно из этого, я открыл глаза.

Я лежал на заснеженном асфальте. Губы и язык были утыканы мелкими камушками. Руки были в крови, из правого

запястья торчала кость. Пальцы дрожали и от этого ужасно болели ведь судя по всему, они тоже были переломаны.

Я оглянулся, насколько мог. На улице не было прохожих. Никого, кто мог бы помочь. Недалеко от меня лежало два человека. Шея одного была вывернута на большой градус. Его лицо застыло в ужасающей гримасе. Второй лежал ко мне спиной, но он был ещё жив, ведь так же дрожал от боли. Сквозь свист прозвучали стоны девушки. И ветер в секунду стих. За моей спиной начало происходить что-то странное. Но я не мог повернуть голову, чтобы это увидеть. Послышался топот. Топот обычных человеческих ног, в мужских туфлях. Он начал отдаляться. Я попробовал звать на помощь, но не мог произнести ни слова. Звуки просто улетали в никуда. Топот исчез, уйдя обратно в помещение. Я вновь остался наедине со своей болью. И смотрел я только на того живого парня. Ведь он – единственное, что сейчас я вижу из мира живых. Остальное всё холодное, тёмное и безжизненное.

Парень собрался с силами и перевернулся лицом ко мне. Я сразу узнал его – это был Дэн. И он меня узнал, ведь сразу слабо улыбнулся. На вид у него не было травм. Лишь ушибы и ссадины. Потому он, отдышавшись, опёрся на трясущиеся руки и поднялся.

Встав на четвереньки, он медленно подполз ко мне, осмотрел мои руки. Схватив меня за голову, он побил меня по щекам. Я обрадовался ещё больше. Я чувствовал каждое прикосновение. Значит, я всё-таки жив. Я выжил!

– Хойт, нам нужно убираться отсюда. Идти сможете? – глухо проговорил он, во всяком случае, я слышал всё очень глухо. Должно быть, уши заложены.

– Д-да, – ответил я, заметив, что ноги почти не болели, даже безотказно двигались, – но вот подняться...

– Я помогу...

Дэн поднялся на ноги, сначала чуть не упал, но удержался. Подойдя ко мне сзади, он обхватил меня за торс и потянул на себя. Я подставил ноги и снова почувствовал себя в этом мире. Стоял я уверенно. Даже тогда, когда Дэн, снова став терять равновесие, облокотился на меня, чуть задев больные руки, что заставило меня зашипеть от боли.

– Там, – Дэн указал в сторону, – машины. Надо взять ключи.

– Где их взять?

– У него есть, – Дэн показал на труп со свёрнутой шеей. – подойдём.

Я помог ему подойти к телу. Дэн нагнулся, ударил по карманам куртки, штанов. Ключи лежали во внутреннем кармане. Подтянувшись на моей штанине, он снова указал к машинам.

Мы ковыляли медленно, пуская все силы, чтобы не

упасть. Падать было нельзя. Падение – смерть. Если упаду – истеку кровью и умру. Я не имею права. Мой сын... Он не должен жить без отца. От этих мыслей глаза налились слезами, а вытереть их не было возможности, ведь руки переломаны. Всё потом. Плевать на всё, сейчас главное – выжить! Чёрт, как же холодно...

Дойдя до машины, мы открыли двери. Я сел на пассажирское сиденье, Дэн закрыл дверь и, облачиваясь на капот, перебрался к своей двери. Сев на место, он завёл машину, включил обогрев. Я с облегчением выдохнул. Воздух стал теплеть, один из недугов остался позади.

– Терпи, терпи! – бормотал самому себе Дэн, пытаясь вернуть свои растрепавшиеся волосы в старое состояние. – Всё. Отпустило вроде, собрался. Руки, вроде, не трясутся.

– Едем тогда?

– В больницу?

– Куда же ещё, черт возьми!

Пустошь

Снова эта боль! Казалось, лишь недавно я оклемалась после перелома этой же ноги. И теперь то же самое...

Костюм моргает. Не может, ни исчезнуть, ни появиться. Я чувствую, как кровь сочится из раны. Надо вытащить пулю и перевязать рану, пока не поздно. Вот, этот нож подойдёт для вытаскивания пули.

Я с трудом доползла до него, взяла и, сев в позе лотоса,

подготовилась погрузить нож в рану. Эта операция проходила с огромной болью. Я даже при сильном старании не выдержала и один раз закричала. А пуля всё ещё была в ноге. Она слишком глубоко. Так я загоняю её ещё дальше, получится достать лишь более тонким инструментом. Вдруг послышался стук каблуков.

– Вот чёрт, Пустошь, ты как? – взволнованно спросил Шак'Хид.

– Всё хорошо, только... Ай! Прошу, осторожней!

Он быстро отдернул руки от моей ноги.

– Прости, прости! – затараторил он. – Буду осторожней.

Из ниоткуда, как по волшебству, он создал небольшие щипчики. Далее он точно угадал местоположение моей руки, нащупал кольцо, аккуратно снял его. И замер. Я поняла, в чём дело. Закрыла грудь и интимное место руками.

Костюм был повреждён. Из-за своего несовершенного строения он не мог исчезать областями – лишь целиком. А значит, если повредить костюм, его закортит, он будет исчезать и появляться, вне зависимости от того, в каком состоянии нахожусь я. А значит сейчас Шак'Хид видел меня голой.

Из обсуждений с Настей я узнала, что секс – занятие, вызывающее удовольствие. Но главный вопрос: с кем именно

этим заниматься. Вроде как, неприлично просто так заняться сексом с незнакомцем. Только с близким человеком. Но при этом не с родителями, или братьями. Как всё это странно... Ничего не пойму... Вроде как удовольствие, а испытать его нельзя. Обязательно нужно искать «близкого» человека. А кто он, этот близкий? Если ни папа, ни мама, ни брат, не сестра? Разве что друг...

И то... Эсс Шейкер и Настя уже давно близкие друзья. Но они ни разу не занимались сексом. Хотя что им мешало? Наверное, мне следует вообще отказаться от секса. Ведь я в любом случае сделаю что-то не так. Боюсь, я никогда всего этого не осознаю... Как не осознаю и того, почему Шак'Хид так на меня смотрит...

После продолжительной паузы он отвёл глаза, удобней взял щипчики и потянулся к моей ноге. Вскоре помещение наполнило шипение. Я, будто разъярённая змея, шипела, вдыхая и выдыхая. Как же больно! Я невольно схватилась за его руку, сжала её так сильно, насколько могла.

Он остановился, оглянулся на меня. Моё лицо было кроваво-красным. Слёзы не переставали течь из глаз, затрудняя возможность что-либо видеть. Он, возможно, хотел сказать, что я ему мешаю. Но увидев мои слёзы, осёкся. Из его правого локтя неожиданно выросла третья рука. Я ужаснулась, но боль быстро перебила этот ужас. Мне уже было всё равно что там отрастает, и откуда. Главное, чтобы эта боль быстрее закончилась.

Правой рукой он держал мою руку, средней рукой держал щипчики, а левой – придерживал мою ногу. Минуты две или три спустя пуля была вытащена. Я выдохнула. Однако боль ещё не прекращалась.

Шак'Хид взял шприц, так же, из ниоткуда. В шприце была алая густая жидкость. Войдя чуть ниже бедра, игла излила эту жидкость в мои вены. Сердце ёкнуло, будто приняло удар. А затем начало биться с ужасной скоростью, чуть ли не выскакивая из груди.

Меня затрясло. Ногтями я впились в руку Шак'Хида, но он никак не прореагировал. С озадаченным видом он осмотрел ногу. В момент, когда меня затрясло, зажал дыру от пули рукой. Я не видела, что там происходит, но я знала.

Нога очень быстро восстанавливалась. Всё благодаря этой жидкости, как Шак'Хид говорит, его крови. Дыра затянулась. Дрожь спала. На ноге остался лишь небольшой шрам. Шак'Хид вмиг рассыпал щипчики и шприц в прах, его средняя рука утонула в теле и исчезла будто её и не было.

– Ну как ты? – тихо спросил он.

– Н-нормально... Уже лучше...

Лицо горело. Слезы начали щипать щёки. Он молча подвёл ладонь к моему лицу, большим пальцем легонько стёр слёзы. И остановил руку на моём подбородке, прислонившись к нему большим и указательным пальцами.

Пауза длилась долго. Мы смотрели друг другу в глаза. В его взгляде я видела что-то странное. Золотовато-карие глаза блестели, при этом, будучи какими-то средними между водяными и стеклянными. Первой сдвинулась я, так как взгляд начал меня пугать.

– Нам пора... – всё ещё заплаканным голосом сказала я.

– Да... Точно... Пора...

Хойт

Ехали мы молча. Не могли сказать ни слова. Все мысли спросить о чём ни будь сразу же пресекались. Не потому, что я сноб, или Дэн мне противен. Напротив, он был самым адекватным новичком среди Упырей, из тех, кого я знаю. Ну

а я...

Меня вряд ли назовёшь снобом. Только не меня. Я общался с сотнями и сотнями людей, видел, пожалуй, все виды характеров и прочих психологических классов. И я привык не только терпеть самых худших собеседников, но и договариваться с ними.

Ну а сейчас я молчал, потому что... Да чёрт его знает, почему... Наверное, мне было слишком больно. Любая кочка, на которой подпрыгивала машина, доставляла мне не очень-то приятные ощущения. Да и сам я подрагивал и стучал зубами.

– Ого, где это вы так? – крикнул ошалевший врач.

– Помогите нам, сейчас с ног свалимся! – прохрипел Эль Гангстре.

– Да, да, конечно! Эй, парни, у нас тут перелом! – обратился врач к кому-то внутри здания.

Выбежали работники скорой помощи, приняли меня у Эль Гангстре. Уложив на каталку, быстро куда-то повезли. Я видел лишь потолок, иногда лица медсестёр, которые что-то шептали мне и торопливо переговаривались. Я не слушал, о чём они говорили. Мне просто хотелось отдохнуть. Даже если они сейчас спрашивали о чём ни будь, будь то причина перелома или мои инициалы... Неважно, всё потом. Я уже натерпелся, пора отдохнуть...

Остановился, снова поехал. Потолок сменился на потолок лифта. Врачи окружили каталку. Поскрипывая, старые двери лифта закрылись. Лифт пискнул и двинулся с места. Врачи, осознав наконец, что от меня слов не дождёшься, перестали донимать. Вместо этого бросили друг в друга дружескими вопросами о повседневной рутине, что-то о семье, о том, чем бы заняться после работы. Обычные люди, такие же, как и я. Более-менее...

Лифт снова скрипнул, двери распахнулись, я снова поехал невесть куда. Было слышно хлопанье открывающихся передо мной дверей. Потолок сменился, стал каким-то синеватым. На самом деле, так казалось из-за света от медицинского оборудования. Каталку подвезли на центр комнаты, меня обхватили несколько человек, переложили на операционный стол.

– Павел Геннадич, – обратился к кому-то врач, – у нас тут открытый перелом, третьего типа.

– Такс, посмотрим... Ага! Что говорит?

– Ничего. Молчит, как рыба. Может, контузило?

– Всё может быть. Но, судя по ране, уже не время выяснять. Надо оперировать! Подайте водку! И готовьте наркоз!

Все начали шуршать и бегать, как муравьи. Плечо измучили уколами толстого шприца. Затем все снова забегали.

А после всё, как в тумане. Глаза озарил свет и я, забыв

обо всём, полетел прямо навстречу этому свету. Я бродил по светлой комнате, при этом слабо ощущая своё тело. Скорее паря над поверхностью, чем ступая на неё. Всё здесь было очень размытым, но совершенно белоснежным: полы, стены, мебель, окно с подоконником и цветочным горшком на нём. Даже растение в горшке было бледно-салатового цвета. Из окна, словно от мощного прожектора, бесконечно шёл поток слепящего глаза света. Похожий свет излучали и белоснежные свечи, расставленные по всей комнате.

Это место... Так похоже на... На рай... Весь этот свет, эта невинность... Всё сходится! Неужели я всё-таки здесь? Но как это возможно? Всё ведь было хорошо, меня положили на операционный стол. Это главный травматологический центр. Здесь просто не может быть врачей, настолько идиотов, чтобы они, оперируя руку, умудрились убить человека.

Но тогда, почему я здесь? Наркоз ведь не должен так работать. Хотя, я не знаю наверняка. Разве он не лишает лишь чувствительности? Не-е-ет, что-то здесь не так... Что-то произошло. И если это смерть, то я даже не удивлён. Всё почти так, как и говорят о рае. Столько людей просто не могли ошибаться! Уже не одно тысячелетие они живут с верой в жизнь после смерти, стараются быть хорошими, чтобы попасть именно в рай, а не в ад. И я так рад, что их вера не была напрасной. Что рай... Действительно существует! Хе-хе, поверить не могу, и я попал сюда! Попал, несмотря на Упырей. На всё, что я натворил.

Пора двигаться, выйти из комнаты, найти кого ни будь ещё. Не может же это место быть пустым. Прогладив все четыре стены, я наконец наткнулся на дверь, которая была ещё мутная в моих глазах. А вот и ручка, осталось повернуть...

Замок открыт, дверь потихоньку проскользнула по полу. И снаружи повалил сильнейший поток света. Ни одна звезда не может так светить. Это уж точно. Ну, уж в раю, наверное, это считается нормой. Я привыкну, со временем. Ну что? Пора выйти...

Я сделал шаг в неизвестность... Мгновение, и всё начало проясняться... Яркий свет начал меркнуть. А затем и вовсе пропал.

Я открыл глаза, увидел всё тот же потолок операционной. Голова еле поворачивалась. Да и вообще всё тело, кроме глаз, находилось в сонном состоянии. Тело было прикрыто покрывалом, в области руки покрывало приняло на себя роль ширмы. Я не чувствовал боли, чувствовал лишь прикосновения. Но, судя по каплям крови на «ширме», это были далеко не прикосновения пальцем. Подошёл врач, взял меня по обе стороны лица, поворожал мою шею и шепеляво спросил:

– Так-ф, как вы?

– О-о-ох, фто шо мнои произоффло? – я еле выговаривал слова. В голове казалось, опустело, вылилось, как из горшка. И я мог произнести лишь то, что осталось размазанным по

стенкам этого горшка.

– Вфё хорошо, это профто наркозф.

– Я быу... Как бутто... В Райу...

– Не-е-ет, уфпокойтефь, это только наркозф. Рано вам ещё, на тот фвет то...

Эль Гангстре

– Ну, давайте... – со вздохом вылетело из уст медсестры.

– Что давать?

– Рассказывайте. – усмехнулась она, – Ваш приятель не очень-то разговорчив. Возможно, не хочет говорить, а возможно его и вовсе контузило. Не дай Бог, конечно. Мы хотим надеяться на лучшее. Однако, нам всё равно нужно знать, как это произошло. Сами понимаете, такие переломы на пустом месте не случаются.

– Хорошо, если это так необходимо...

Я призадумался. Мне нужно было составить правдоподобную легенду. Благо, на свете существуют шаблонные ситуации. Пожалуй, использовать и нарастить подробностями одну из них было верным решением.

– Мы с Хойтом, так его зовут, и ещё двумя другими друзьями... Кхе-кхе! Акхе-кхех! – я сымитировал кашель, чтобы выиграть побольше времени для создания своей легенды. – Мы пошли в ресторан. У нашего друга был юбилей. Решили отметить. И денег не жалели: заказали караоке, пе-

ли и разговаривали. Тем самым, привлекли внимание группы подростков. Ну как подростков... Таких... Лет двадцати... Они начали сначала просто жаловаться на громкость. Но когда мы вежливо извинились, они не приняли извинений, наоборот, набросились с кулаками. Типичная гопота, ну вы знаете... Так вот, мы, конечно, их утихомирили по-своему. Но меня нехило так поколотили. А Хойту, вон, вообще руку сломали.

– Ничего себе...

– Да, так-то...

– Самое удивительное: как они умудрились руку-то так сильно переломить? Подобные переломы происходят, в основном, от падения с высоты, ну или в авариях...

– А... – я немного смутился. – Ну... Так они его с лестницы сбросили... Имею в виду, не по ступеням, а через перила. Он приземлился неудачно...

– Бог ты мой! Бывает же у людей!

– Да... Бывает...

Наступила минута неловкого молчания. Я просто не знал, что добавить. Легенда есть, вопросов больше не зададут. Но чувство, будто что-то забыл... Ах, да!

– Послушайте... Как вас зовут?

– Екатерина.

– Хорошо, Екатерина... Я хотел бы попросить... Об одол-

жении...

– Конечно, чего вы хотите?

– Хойт – очень важный, занятой человек. Я очень сильно надеюсь, что он поправится как можно скорей. Однако, от него зависит очень многое. Поэтому к нему будут постоянно приходиться люди. В связи с этим прошу... Не могли бы вы, Екатерина, найти для него отдельную палату?

– Простите, но... И так еле находим места для больных. Сейчас зима, больше всего травм происходит. Сами понимаете, лёд повсюду. Это, тем более, ещё только начало зимы. После Нового года, когда мороз утвердится и льдом покроется большинство дорог, пострадавших будет столько, что у нас просто не хватит на всех места. И выделить отдельную палату, пусть даже и самую малую – просто невозможно! Я уж не говорю о том, что такое делается только в особых случаях...

– Мне кажется, – я не дал ей закончить, – что этот случай – как раз особый.

Я вытащил кошелёк, неуверенно взял пятитысячную купюру. И, когда сомнения отпали, купюра легко легла на край стола.

– Что это? – взволнованно, слегка подрумянив щеки, спросила она.

– Это... Так сказать, подарок красивой девушке... Ну, а

также скромная награда за небольшую услугу...

– Вы мне взятку предлагаете?

– Ну почему же сразу «взятку»? Говорю же... подарок, награда... Между прочим, вы, Екатерина, поможете не одному человеку. Как я уже сказал, Хойт очень занятой. Под его крылом находится не одна фирма. И эффективность работы этих фирм зависит от него... Теперь уже от вас...

Её правая ладонь, лежащая на столе, в дециметре от купюры, затряслась в пальцах. Глаза уставились на руку, на «награду».

– Ну хорошо, – глубоко вдохнув и выдохнув сказала она. Пожалуй, я смогу найти для вашего друга отдельную палату. Раз это так важно...

– Спасибо, спасибо! – я невольно повысил голос и сразу осёкся, продолжил уже смиренно. – Вы сделали правильный выбор.

Я подвинул купюру ближе к её руке, задев её ладонь пальцами. Меня удивило то, что такая прелестная рука не украшена кольцом. Странно, и даже, как-то возмутительно то, что такую красивую девушку ещё никто так и не взял замуж. Но кто я, чтобы судить... Она мне совсем незнакома.

Когда я убрал руку, она поставила пальцы на ассигнацию и начала медленно притягивать к себе. Очень медленно

но... предвкушая, наверное, что она может себе позволить на неожиданную «премию». И, к сожалению, эта медлительность была слишком не кстати...

– Так, а тут у нас что?! – прикрикнул некто зашедший в белом халате. От этих слов Катерина отдернула руку и выпрямилась.

– Павел Г-Геннадьевич! Доброе ут-тро! Вы с-с операции? – дрожащим и фальшиво весёлым голосом спросила она.

– Ага, долго же возились с этим мужиком с рукой. Ладно хоть пьяный не был, иначе бы без наркоза пришлось делать. Ну, не меняй тему! Это что за деньги?

– Это м-мои...

– Серьёзно, что ли? А почему такой большой номинал? До зарплаты ещё две недели!

– Так м-мне... П-Подарили... На день р-рождения...

– Что, правда? А я думал, у тебя день рождения только в апреле... Я тебя умоляю, хватит врать! Ты же всё равно не умеешь... Признайся, это взятка! Я полагаю, от вот этого индивида? – указал на меня Павел Геннадьевич.

– Да... – она вздохнула. – От него...

– Ну, и за что же? Нет, молчи, я сам поговорю с нашим индивидом. А с тобой потом!

– Х-Хорошо... – раздосадовано и дрожа промямлила она.

– Ну, индивид, давайте, пройдем ко мне в кабинет?

– Пройдём... – повторил я, выражая согласие.

Выходя из кабинета, мы напоследок столкнулись с Екатериной взглядами. Она показала всем своим видом, что произошедшее не повлечёт за собой ничего хорошего.

Кабинет врача находился за углом. Но и того времени, чтобы добраться до него, было достаточно, чтобы понять: Павел Геннадьевич взбешён. Я шёл за ним. Ступал он топорно, громко стуча подошвой, словно, специально пытался встать как можно более шумно. Встречая на пути кого-то из врачей, он лишь быстро кивал им. Врачи, видимо, прекрасно понимали, что это означает.

Дверь хлопнула. Я остался наедине со своим разъярённым спутником. Он упал на своё кресло, поставил голову на руку, усердно помассировал переносицу и свою лысину.

– Ну, индивид, давай, поведай мне причину, по которой ты решил давать взятки. – он говорил спокойно, но в голосе чувствовалась струна удержания, которая может в любой момент разорваться.

– Вкратце... Я работаю на того, кого вы прооперировали. Его зовут Хойт. И он бизнесмен, крайне важный и занятой человек...

– Ну и чего дальше? – перебил он меня. – Все мы болеем. Всё в жизни бывает!

– Понимаете, как бы не было неприятно получить такую

травму, Хойту нужно работать. На нём держится множество компаний. Ему необходимо работать, вернуться на место в ближайшее время...

– Вы прям как мать его, честное слово...

– Поэтому я потребовал, – в этот раз я его перебил, – чтобы его положили в отдельную палату. Но как оказалось, такое здесь не практикуют.

– И вы сразу же решили дать взятку, чтобы практиковали? А, индивид?

– В Казани нет платных травмпунктов со стационаром, вы это прекрасно знаете. Мы и так в пробках стояли. Думал, Хойт умрёт по дороге. Это во-первых. А во вторых... Прощу, не называйте меня индивидом!

– А как же мне вас называть? Могу жёстче. Могу, вообще, матом. Ну по-моему, индивид – подходящее прозвище. Ведь вы, как истинный член общества, способствуете его загниванию.

– Что вы несёте?

– Коррупция, индивид, не погибает, благодаря таким, как вы. – он ткнул пальцем в мою сторону. – Такие, как вы, думают: «А, ладно... деньги есть, знакомые есть, что нам мучиться? Возиться с получением прав, поступлением на работу... С лечением... Занесём купюрку рыжую, а иногда, так вообще просто дружку ручкой махнём, да и дело с концом. Всё в тот же миг получим.» Только вот что с теми, кто пытается честно жить? Кто днями раз за разом пытается сдать на

права, годами набирает себе солидный стаж. Чтобы какой-то ужасный сноб, лениво рассмотрев их резюме, так же лениво закатил глаза и, махнув рукой, принял на желанную работу, если конечно повезёт...

– Что-то вы утрир...

– Что самое ужасное, – он опять меня перебил, в этот раз перекричать его не вышло, – простые люди, насмотревшись на подобных вам, сами подумают: «Зачем же пытаться жить честно, если это не поощряется, а наоборот, является бессмысленной тратой сил?»

– Ну...

– И тогда... именно тогда общество рухнет. Все знания, всё это будет не нужно. Ведь есть взятки и друзья...

Я пытался сдерживаться, но лишь до сей поры. После его последнего наглого перебивания я вспылел. Ох, могу только представить, как всё это ощущалось тем, кто находился вне кабинета. Всё было так, словно разразился гром. Врачи и ожидающие пациенты обернулись в сторону комнаты. Повышенные тона, удар рук по столу – Павел Геннадьевич опёрся на них, чтобы приподняться. Затем в словах начали проскакивать нецензурные выражения. Надеюсь, стены были достаточно толстыми для того, чтобы приглушать эти слова. Мне в какой-то момент стало стыдно: я же не мог гарантировать то, что снаружи не было детей. Сначала жестами попытался чуть приглушить собеседника, но потом сдался и лишь

громко сказал.

– Всё! Прошу прощения, но мне надоело. Я хочу отказаться от лечения и забрать Хойта.

– Что ж, хорошо, только не сегодня.

– Почему это?

– Что за вопросы? Ваш друг от наркоза отходит. Он еле говорить может, а вы его увозить... Эх, индивид... Ничего, полежит сегодня в общей. Бедностью не заразится, если вы этого так боитесь.

– Я хочу его увидеть.

– Пожалуйста, пожалуйста... Он в 416 палате. Выходя отсюда, направо, затем налево, до конца, последняя дверь справа.

– Благодарю... – выдавил я из себя и, вытерев пот с лица, вышел.

Хойт

– Как вы, Хойт? – спросил зашедший Дэн.

– Оох, это ты, Тэн... Пуости, до сих поу не могу выгоуауиуать суова. – я посмеялся. – Фто, тове налков никогда не деуаи?

– Да, не делали... Сильно же он действует!

– Ага, хе-хе... Слушаи, што влачи гофоят?

– Я рассказал, как вы получили травму. Вы же ничего им не говорили?

– Нет. Ну и засем? Сами зе не снаем, фто это быо!

– Вы не поняли. – он нагнулся к моему уху. – Я сказал, что вас скинули с лестницы молодые хулиганы, когда напали на нас в ресторане.

– Хе-хе, – я облегченно улыбнулся, – холошо плидуmano... Можно тебя попьосить? Сечас стланные влена, с этим вихлем, убиушим новичкоф. Мне нужна отдейна пауата.

– Да, я это предвидел, поэтому сразу попросил, даже предложил взятку. Но...

– Но?

– Но главврач, Павел Геннадьевич, принципиально против взяток. Поэтому теперь в его отделении нам никто ничего не даст.

– Эх...

– Я заявил, что завтра мы выпишемся и дальше вы будете лечиться...

– Ого, какие ноуости, и где я буду ечиться?

– Пока не знаю. Платных травматологий со стационаром нет.

– Хе-хе, вуозможно, стоит влозиться в их сосдание. Да, так и сдеаю, как тойко выечусь. – я прикрыл глаза и представил себе большой комплекс с лучшими специалистами, оборудованием из-за рубежа и палатами, походящими больше на номера в пятизвездочном отеле.

– Ну а сейчас, я даже не знаю...

– Въемя до заутра есть. Мозешь, пожалуста, найти вари-

ант? Ты ведь тепей, хех, моя плавая лука...

– К-Конечно! Будет сделано! – ошарашенный неожиданным повышением кротко сказал он. – А вы...

– А я поезу в обсей, ничего стласного...

– Вы прям цитировали главврача.

– Хе-хе, сабауно...

Эль Гангстре

Правая рука... Да уж... Я и суток не состою в рядах Упырей, а уже удостоен такой высокой должности. Но ещё более удивительно то, что я вообще не ставил себе столь высоких целей. Упыри были для меня так называемым инструментом. Без них я бы уже давно сел. На этот раз пожизненно. Сначала, когда мы сбежали из тюрьмы, мой товарищ по камере вступил в ряды Упырей. Тогда я хотел лишь мести, поэтому пользовался положением друга. Он очень часто отмазывал меня. Однако это становилось всё сложнее. В конце концов, это не воровство помидоров, а полсотни заказов на убийство. Когда Михаил отказался работать, мой защитничек сразу же показательно выдохнул и, послав меня куда подальше, ушёл. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Но меня больше волнует моя судьба. Преследования и расследования не прекратились. Меня всё ещё могут взять за задницу. Так что пришлось прийти к Упырям самолично. А теперь я, похоже, просто так не уйду. Хотя... Сложно сказать. Стереотипы о гангстерах подсказывают, что, если я попытаюсь уйти, это будет означать лишь смерть. Лучше не го-

ворить что-то бездумно. Ну, а исходя из примерного представления о Хойте... Он выглядит и говорит, как истинный семьянин. Возможно, к моей истории и желанию уйти после укрытия от полиции он отнесётся с пониманием. А может и нет... Чёрт возьми, я не так хорошо его знаю. Нельзя просто надеяться на лучшее. Мой брат так делал. И где он сейчас? Эх...

Когда я вышел из травматологии, было около одиннадцати утра. Сел в машину, доставшуюся мне от парня, имени которого я не знал. Он владел тем складом, вместе со своими друзьями торговал старыми журналами, дисками и прочим хламом. И в какой-то момент они решили примкнуть к Упырям. Не ясно, какие были у них причины. Впрочем, это не важно. Так глупо, что и смешно, и горестно: их попросили поагитировать народ в округе. Собрать немалую группу, чтобы можно было завербовать всех сразу. И парни, жаждущие жить полной жизнью, пришли на бойню... На смерть...

Я поехал к своему дому. В тот самый район, откуда мы еле сбежали. Было ли это сумасшествием? Возможно... Но я решил рискнуть. Даже проехал мимо склада. Вид его был ужасен. Он и так не блистал красотой: был покрыт ржавчиной, разрисован граффити. Одна надпись была весьма красочной, качественно сделанной, даже украшающей стену. Два других отличались красочностью лишь в резкости и пошлости содержания. Так ещё и вчерашние события изрядно потрепали склад: двери склада открыты нараспашку, одна

сильно помята, внутри виднелись поваленные шкафы и разбросанные журналы. Однако трупов не было...

До дома я добрался к полудню. Поднявшись по лестнице на третий этаж, открыв дверь и войдя внутрь, я упал на кресло. Меня клонило в сон. Глаза тихо ныли от усталости, веки соскальзывали по глазным яблокам. Я сразу же задремал, но быстро очухался. Нельзя спать. Я должен работать.

Вскочив с места так, что полы скрипнули, я побежал на кухню. Стакан ударился о поверхность стола. Вода, вскипяченная в десять минут, хлестнула в этот стакан. За ней последовал молотый кофе, а затем – ложка. Быстро и неаккуратно размешав, я сделал глоток... Чёрт, ну и дрянь! Слишком крепкий. Но сейчас это поможет.

Ещё более резво я уселся за компьютер. В кармане я нащупал листочек с электронным адресом Упырей, доставшийся мне от Хойта. Там же был указан специальный браузер для нахождения сайта. Сам браузер можно было найти в свободном доступе, но и это было нелегко. На всех сайтах, откуда скачивался браузер, находилось множество фальшивых ссылок, скачивающих на компьютер вирус под видом браузера. Понять, какая именно ссылка нужна, нам объяснили устно. Лишь став Упырём, можно было решить эту загадку.

Но и это ещё не всё. Нужный браузер совершенно непохож на тот, что показан на сайтах. У него другое название, на нём проступает реклама не весть каких фирм. Всё для того, чтобы сбить людей с толку. Далее самое интересное...

Если вам удалось найти в браузере сайт Упырей, который, к слову, опять выглядит, как что-то иное, и начать регистрацию, вам начнут задавать десяток вопросов. Первым делом вас попросят ввести уникальный номер, который устно сообщают при становлении Упырем. Затем вопросы, похожие на те, что встречаются в тестах на IQ, с тем лишь отличием, что нужно отвечать прямо обратное заданию.

Между тем, сайт насильно определяет ваше местоположение. И если оно будет обнаружено в пределах «красных зон», то есть полицейских постов, министерств, администраций и так далее... Тогда человеку, рискнувшему на такое, несдобровать.

Ну а затем, когда все эти 7 кругов кибер-ада пройдены, вы попадаете в чат. Просто чат. И ничего более...

Добро пожаловать в чат!

@Ботьяра

Приветствую в чате, @El_Gangstre! Надеюсь, ты пригодишься Упырям!

@El_Gangstre

Привет всем!

@El_Gangstre

Есть кто?

@El_Gangstre

Внимание, срочные новости! На мою группу совершено нападение! Неизвестное явление убило всех! Оно было похоже на вихрь, но при этом будто разумный. Выжили только двое: я и один из главных Упырей – Хойт. У Хойта открытый перелом. Он сейчас находится в больнице, однако завтра его выписывают. Прошу помочь с поиском места для его лечения. И по возможности связаться с верхами. Это загадочное явление может повториться!

Вы можете задать вопрос боту. Для этого просто напишите: «@Ботяра, ...»

@El_Gangstre

Эй, кто-нибудь здесь вообще есть?

@El_Gangstre

@Ботяра, кто в чате?

@Ботяра

В чате состоят 38 человек. Из них 1 онлайн.

@El_Gangstre

@Ботяра, как сменить чат?

@Ботяра

Чат можно сменить только в случае смены вашей группы, или назначения вас главарём этой группы. Поговорите с главарём своей группы.

@El_Gangstre

@Ботяра, мой главарь мёртв.

@Ботяра

Ожидайте дальнейших действий. Ничего не предпринимайте, пока для вас не появятся поручения.

@El_Gangstre ушёл в реал. Вы тоже не засиживайтесь!

Чёрт возьми... Похоже мне доступен лишь чат моей группы. И я отрезан от всех Упырей, могу общаться лишь с программой. Чего-то от неё ожидать – глупо. Надо искать варианты самостоятельно.

Почти час дня. Я начал просматривать описание каждого лечебного заведения, травмпункта. В некоторые дозванивался. Стал читать отзывы о врачах, но ни один не подходил для подобного случая. До самых опытных не удалось дозвониться. Их график расписан на месяц вперёд. Похоже, поиск ничего не даст, как на зло...

Пять вечера. Расстроенный, я поехал обратно в больницу. Плохо было то, что до неё ехать достаточно долго. Было

просто необходимо решить проблему и перевезти Хойта куда поближе. Может, к себе? Да, почему бы и... Хотя стоп! Что это я... У него же есть семья! Быть может, ему лучше вернуться к ним. Среди родных он быстрее восстановится, будет под постоянным присмотром. Но с другой стороны... Он один из лидеров Упырей. Если произошедшее является своеобразным терактом в нашу сторону, значит нам всем стоит опасаться, а Хойту не стоит вмешивать семью. Тогда лучше отвезти его ко мне...

Впрочем, я и так слишком усердно выступаю в роли поводыря. Хойт ведь не слепой и не двинутый умом. Нужно дать ему возможность выбрать самому.

И не стоит забывать, что мои поиски оказались тщетными. Теперь, разве что, просить каждого врача в травматологии, или ползать на коленях перед Павлом Генадьевичом. Извиняться и просить порекомендовать специалиста. Ну или умолять оставить нас там. Эх, что за день...

Шесть вечера. Я в больнице, поднимаюсь на этаж Хойта. Сразу у лестницы натыкаюсь на знакомый кабинет – Екатерининский. Дверь была открыта нараспашку. Я мимолётно заглянул внутрь и остановился. Екатерина чистила свой рабочий стол от всех своих вещей, складывала и в сумку. Шкафы, тумбы – всё было так же открыто. Меня потянуло зайти.

– Снова здравствуйте. – начал я.

– О-охх... – тяжело вздохнула она. – Ну здравствуйте.

Что-нибудь нужно?

– Почему вы собираете вещи?

– Увольняюсь. Ну, формально увольняюсь. На самом деле, меня уволили. Просто заявление написала по-собственному, чтобы на других местах приняли.

– Я... Хочу извиниться... Это ведь всё из-за меня...

– Угу. Считайте, извинения приняты. И всё же, не желаете дать для примирения взятку?

– Я...

– Шучу... Ясно... шутка неудачная. Простите.

– Не за что прощать...

– Чтобы вас утешить, скажу: я и сама думала уволиться.

Меня просто выбешивает правильность Павла Геннадьевича. Он ведь не только на взятки так реагирует. Халат снимешь, даже в кабинете – кричит; опоздаешь, хоть на пару минут – кричит. Ну, а если вдруг на тебя хоть одним словом пациент пожалуется, он это слово превратит в сотню слов и выплеснет всё это прямо тебе в лицо. И вечно любит заговаривать о морали, о разложении общества... Тьфу! Как будто так легко избавиться от человеческого фактора. Если б это было так легко, мы бы все были не люди, а роботы. И, где тут общество? Эх...

– Вы правы! Вы абсолютно правы, Екатерина.

– Давайте перейдём на «ты», мы же уже, хе-хе, не на работе. Зови меня просто Катей.

– Хорошо, Катя. Ну и куда ты теперь?

– За меня не беспокойся. У меня есть на примете небольшая клиника. Я там раньше работала, поэтому меня с радостью примут назад.

– Что за клиника?

– Да так... Делаем платные анализы, рентген. Также некоторых больных с ограниченными возможностями навещаем у них дома.

– Правда? Это же как раз то, что нужно!

– Да? Вот и хорошо! Тебе дать телефон?

– Конечно!

Она взяла бумажку и быстро написала номер. При этом ей не пришлось никуда заглядывать, она знала номер наизусть. Видно, уже давно хотела позвонить туда. Настолько её выводил главврач.

– Вот, это номер клиники... А это вот мой, на другой стороне. На всякий случай...

– Спасибо, спасибо! Ты меня очень выручила. – я взялся за её ладонь, крепко её пожал и показательно поцеловал.

– Да... Не за что... – слегка покраснела она. – ну ладно. Должно быть, ты направляешься к Хойту. Удачи!

– Тебе тоже. Надеюсь, увидимся!

Я прошёл мимо кабинета горячо всеми любимого главврача. Час назад я хотел было уже зайти к нему и унижительным

тоном просить прощения. Сейчас я лишь фыркнул и сквозь зубы пробормотал в сторону двери оскорбление.

Палата 416. Двадцать минут седьмого. Утром Хойт был один. Но три другие койки были заняты, просто их хозяйева, видимо, ходили по процедурам. Сейчас, открыв дверь, я увидел население палаты в полном составе. Помимо Хойта здесь лежал молодой полный мужик со сломанной ногой, висящий на вытяжке сорокалетний с лукавым лицом и козлиной бородкой, а также парень, с виду здоровый, и не ясно, что вообще там делающий.

– А, вот и ты! – весело, но замученно проговорил Хойт. – Ну привет, присаживайся!

Я аккуратно присел на табурет рядом с койкой.

– Здравствуй... те... Как вы? Вижу, от наркоза отошли...

– Верно, отошёл. Как хорошо снова говорить нормальным голосом и чувствовать своё тело! И, кстати, да не называй ты меня «вы»! Просто «Хойт», ну или придумаешь что-нибудь ещё. Только, чтобы не было неудобно перед другими...

Я молча кивнул.

– Да ладно, не хмурься! Ну что? Получилось найти вариант?

– Получилось. Хе-хе, забавно выходит. Минут десять назад я так же перешёл на «ты» с одной медсестрой. Той, которой дал взятку.

– Может, приударить за ней, ты ведь холост? – он усмехнулся.

– Да какой там... – я махнул рукой. – Я не к этому вёл. Сразу затем она предложила мне помощь одной клиники. Там как раз есть врач на выезде.

– А остальной день ты...

– В том то и дело, что я искал клиники весь день. И ничего. А пришёл сюда, так сразу нашёл вариант. Эх, если бы я мог связаться с другими Упырями... Но мне доступен лишь чат моей ныне мёртвой группы. Бот приказал мне ждать у моря погоды.

– Ну, зря ты так про бота. Он у нас реально работает. Скорей всего, он сообщил в верхние группы. Так что в ваш чат должны были добавиться кто-нибудь оттуда. Напиши ему место, где я буду лежать. Да, кстати, мне самому интересно, где?

– Я нашёл два варианта. Либо у меня дома. Но я думаю, там не слишком много места. Второй вариант – к тебе домой...

– Второй – сразу нет. – Он резко поменял интонацию, стал строже. – Нечего семью втягивать. Да и первый вариант тоже однозначно нет. У Упырей такие порядки: бизнес, сборы групп, дела – это всё по городу или в специальных местах,

типа того склада. А дом – для личной жизни. Никаких связей между этими местами. У каждого есть право на время огородить себя от всего того, чем он занимается.

– Но если так...

– Если так, я предложу третий вариант. У меня есть квартира в Кировском районе. Тебе ближе ездить, да и врачей, думаю, не слишком затруднит.

– Да это же прекрасно! Почему же ты раньше ничего не сказал?

– Я просто, – он улыбнулся до ушей, – проверял твоё усердие. И ты справился. Вован и Боб, мои прошлые правая и левая руки, светлая им память, не были столь усердны, когда начинали.

– Спасибо. – подумав, сказал я. – За то, что... Так относишься ко мне...

– Не за что. – кратко бросил он. Но этим кратким словом уже было всё сказано.

Очкожуй

– Да чёрт возьми! Что непонятного? – Эсс Шейкер быстро жестикулировал. – У вас две карты, на столе до пяти карт. Вот, лист комбинаций перед вами. Смотрите... Если хоть что-то выходит, можете уравнивать ставку и оставаться в игре.

– А если нет? – спросила Настя. – Тогда сбрасывать?

– Можешь сбрасывать, а можешь рискнуть и остаться в игре, вдруг ещё что-нибудь выстроится...

Молчание.

– Ну, вы поняли или нет?

– Я уже давно понял. Давайте, догоняйте! – поторопил

Гробовщик.

– То есть, можно хитрить? – сделал я, возможно, очевидный вывод.

– Да, и хитрить можно! Всё в ваших руках.

– Всё, тогда я понял. Наконец!

– Я тоже поняла, – улыбнулась Татар Гёрл.

– Фух... – выдохнул Эсс Шейкер. – Ну наконец-то! Теперь начнём? Давайте карты!

Он собрал все карты, начал быстро и умело их перетасовывать. Казалось, карты сами прыгают друг через друга. Эсс Шейкер был настоящим асом в картах. Видимо, некоторые посетители были не прочь сыграть в покер. И можно было лишь гадать, в каком именно его заведении люди больше играли в карты: в клубе «У Эсс Шейкера» или элитном ресторане «Аляска», после смерти Маши переименованный в «Аве Мария». Во втором намного меньше любителей поиграть. Но зато в клубе люди, в основном, играют далеко не в карточные игры.

Карты розданы, блайнды выставлены. Игра пошла. Раунд за раундом, круг за кругом. По неписаным правилам поке-

ра нужно было понять своего противника. Выяснить, какой он: аккуратный или рисковый. Нужно было заметить его слабые и сильные стороны. Всё для того, чтобы помыкать им, заставлять делать то, чего хочешь именно ты.

И я волей-неволей начал замечать особые черты, которые, к слову, имели прямую связь с характером человека. Гробовщик, например, постоянно оставался в игре и часто поднимал ставки. Вряд ли у него постоянно такие хорошие карты. Должно быть, он просто слишком рисковый. Он не пытался блефовать, просто рисковал. Настя была очень осторожной, постоянно сбрасывала карты при большом повышении ставок. Эсс Шейкер был самым сложным противником. Его было намного сложнее понять, он постоянно менялся и подстраивался под ситуацию. Но и я теперь был во всеоружии.

Очередной раунд. Похоже, он изначально в мою пользу. На руки сразу попались два короля.

– Так, выкладываю! – предупредил Эсс Шейкер и, сбросив верхнюю карту колоды, ровно выложил на стол первые три карты: четвёрка, десятка и дама.

– Я повышаю! – наивно бросил Гробовщик.

– Принимаю.

– Я тоже. – поддержала Настя.

– Повышаю! – улыбнулся я.

– Ах так! Поддерживаю... – Гробовщик повысил голос.

– Принимаю. – вовлечённо повторил Эсс Шейкер.

– Нет уж, я, пожалуй, сброшу... – покачала головой Настя.

– Продолжим, – протянул Шейкер, выкладывая новую карту.

Дама. На этот раз уже молча Михаил подвинул на центр стола половину своего банка. Юрий думал долго, и всё же не решился продолжать. Он был обеспокоен положением карт. Две дамы на столе – отличный шанс собрать сет или даже фуллхаус. Но, зная Гробовщика, я решил рискнуть. Ровно отсчитанные фишки поехали в общую кучу. Юрий, хлопнув в ладони от переизбытка эмоций, потянулся за последней картой. Ничего особенного, просто шестёрка.

– Пожалуй, – нагнетая обстановку, заявил Михаил, — я пойду ва-банк!

Все недоумевающе посмотрели на него. У него было больше фишек, чем у меня. Он мог обойтись без риска вылететь, но не обошёлся. Что это? Безрассудность или хитрый план? Уже не знаю... Теперь я и впрямь задумался. Стоит ли подставляться? Может не стоит? Хотя, иначе я потеряю все отданные фишки. Чёрт...

Вдруг по стене что-то постучало. Все обернулись. В дверях стоял невысокий парень моего возраста. Я сразу его узнал, это Шак'Хид. Остальные понятия не имели об облике Жени. На постоянной основе он носил облик мужчины с за-

лысиной. Гробовщик хотел было встать и начать допрос, но я остановил его жестом.

– Ну что, всё получилось?

– Да, всё вышло. Этой группы больше нет. Правда, Пустошь ранили... – можно было заметить, как его кожа дёргалась, словно вода в луже при дуновении ветра.

– Она жива? Где она? – вскочил я.

– Жива... Я её исцелил. Жаль, не могу убрать шрамы...

– А что с Хойтом? Он был там?

– Был... Только вот, он ещё жив... Я... Упустил его...

– Чёрт побери, Шак'Хид! Они же теперь будут готовы!

– Готовы!? – он резко упёрся запястью в стену, так, что по всей её высоте пробежала трещина. – К чему, интересно? Что они смогут мне противопоставить? Не будем брать Пустошь, это было ошибкой. Там слишком опасно... Но против меня им нечего предложить! Какая разница? А так я спас её. – он махнул рукой куда-то назад. – Она важней!

– К тому же, – подхватил Эсс Шейкер, – это, возможно, даже лучше. Когда они поймут, что находятся в опасности, большинство просто уйдёт из Упырей. Они не будут рисковать жизнями. Некоторые завяжут вовсе, некоторые продолжат творить беспредел в одиночку, но таких даже полиция сможет обезвредить. Меньше жертв – меньше проблем.

– Да. Прости, Шак'Хид... – я откинулся на спинку кресла и помолчал. – Слушай, садись с нами в покер!

– Хе-хе... Прости, но если я сяду, то вы останетесь без денег вообще. Я ведь насквозь вижу, что у вас за карты. Вот ты, например, Грбовщик, сидишь и нагло блефуешь, у самого пара на тройках, а выставляешь, как за фуллхаус.

– Пара на тройках? – воскликнул я и сразу уравнил ставку, пойдя ва-банк.

– Вот же... – нахмурился Михаил.

– Вскрывается... – протянул подбадривающе Эсс Шейкер.

– Давай, давай! – ещё более подбадривающе сказал я, открыл своих королей и застучал пальцами по столу. – Открой свои троечки.

– Пожалуйста! – он поднял карты над головой и с размаху бросил их на стол.

– Две десятки? – недоумевающе спросил я.

– Ага. Фуллхаус! – рассмеялся он. – Банк мой!

– Какого? Шак'Хид!

– Считай, мы квиты... – он улыбнулся, а миг спустя захохотал.

Хойт

16/12/2017

Дорогой дневник,

Чёрт, до чего я докатился? Начал писать дневник, словно пятнадцатилетняя девочка... Но эта больница сводит с ума.

Палата 416. Такое ощущение, что четвёрку и единицу приписали уже потом... Игорь, тот, что со сломанной ногой, еле передвигается. А если двигается, то стонет, будто его режут прям щас... Петро висит на вытяжке, не двигаясь вообще. К нему пару раз зашли медсёстры, один раз врач. И это все его посетители. Я попробовал начать с ним разговор, но он лишь загадочно и тоскливо молчал. Бедняга...

Итого: двое нуждающихся в присмотре и помощи. И кому же приходится оказывать эту помощь? Естественно, мне. Третий сосед по палате помогать не будет. Да я бы и не доверил ему такое... Он, как он сам сказал, – блогер. Лёг в больницу, чтобы ему удалили... чёрт, забыл название... Какие-то полости у него в костях.

Ну, казалось бы, ладно, не только переломы бывают, всё по-разному. Но нет, он всё равно раздражает. Потому, что превратил своё положение в шоу. Кривляется, притворяется умирающим, в то же время бросается неуместными и не смешными шутками. Также тыкает своим телефоном нам в лица, просит что-то сказать. На замечания сначала кивает, извиняется. Потом отходит к себе и хихикает. Ох, что за дитя! Был бы я его зрителем... увидев подобное, приехал бы сюда и ударил его, честное слово.

17/12/2017

Дорогой дневник,

Вчерашний паренёк наконец прошёл операцию. Теперь вряд ли станет приставать к больным, поняв, что значит боль от перелома. Оперировали его в верхней части левой руки. Ох, как же он ревел, когда отошёл от наркоза. Всю ночь не давал нам спать. Но не он один. Моя рука тоже хороша. Ныла так, что меня всего трясло. Я никогда ещё так не радовался утру.

Я считал минуты до прихода Дэна. И он пришёл, даже раньше, чем предполагалось. Вот так пунктуальность! Написав отказ от лечения, мы вышли из больницы и уехали подалее отсюда. Огромный комплекс серых зданий с бирюзовыми плитками под окнами, окружённый узорчатым забором и гигантской парковкой стал отдаляться. К счастью... Мы проезжали редкие дома. Потом молодые берёзовые рощи, растущие, словно с иголки. За рощами снова следовали дома, но их уже было больше. Мы въезжали в центр города.

Эта квартира использовалась очень редко. Я хранил её специально для подобных чрезвычайных случаев. Да...

Узнал бы об этом среднестатистический гражданин, был бы в ярости... Ведь квартирка-то нехилая. Три комнаты: большая спальня, уютный зал с дорогими креслами, просторный кабинет со столом для переговоров. При том есть кухня, два санузла и маленькое помещение, идеальное для подсобки. Отлично расположился...

Дэну удалось связаться с остальными. Теперь Упыри наконец узнали о нас. Ближе к вечеру пришёл Максим, мой друг и коллега. Он также являлся предводителем Упырей. Более того, среди нашего совета обычно выступал, как главный. Он опросил меня о случившемся. Мне пришлось потратить немало времени на то, чтобы он поверил мне. Но хорошо, что Максим мне доверяет. Теперь все Упыри узнают, что стоит быть настороже.

18/12/2017

Дэн заказал мне врача, сегодня он пришёл в первый раз. Он седой, с морщинами, но разговаривает и мыслит в полную силу, не поддаваясь старению. А вот медсестра, которая пришла помогать ему, сначала показалась мне очень знакомой. Ну а потом я чуть не рассмеялся на всю квартиру. Меня осенило.

Это же та самая... Екатерина... Ох, Дэн-то счастливчик! Нам как помощница врача досталась именно она. Перед прощанием голубки перебросились парой слов. Выдерживая длительные паузы. За этим так забавно наблюдать. Правда, Дэн не разделил моего настроения, лишь нахмурился и отмахнулся.

20/12/2017

Вечером опять пришёл Максим. Он был расстроен. Рассказав мне о последних событиях, он пропитал расстройством и меня. Дело в том, что у нас начали пропадать люди. Всё больше чатов становятся пустыми. Всё меньше событий происходит. Что случилось? Может, все начали сваливать подобру-поздорову, пока не поздно? Ну Макс ведь не мог настолько сильно преувеличить... Странно это всё...

22/12/2017

Мне становится лучше. Рана почти затянулась. Врач говорит, что мне поставили две спицы. Теперь я инстинктивно нащупываю их. И каждый раз, касаясь инородного предмета в своей руке, у меня мурашки пробегают по коже, я невольно вздрагиваю.

Екатерина сегодня задержалась. Говорила с Дэном ещё около получаса. Но я уже не мешал им. Смотреть с улыбкой и хихикать – как-то по-детски.

24/12/2017

Сегодня Максим пришёл с очередными новостями. Вчера ночью была угнана моя «Беатрис». Чёрт те что. Сторож уверяет, что ничего не помнит. Но у него на затылке шишка от сильного удара. Не удивительно...

Пропажи людей замечены и в других городах. Причём как в Европейской части России, так и на Дальнем Востоке.

Мы обсудили, что можно сделать. Он настоятельно просил поддержать его идею с общим сбором. Макс планирует устроить съезд всех Упырей на его химическом заводе. Там и решим, что будет дальше. Сомневаюсь, возможно ли собрать всех и каждого в один день в одном месте. Мы никогда так не делали. Большая часть Упырей даже не знает предводителей в лицо. А тут... Все карты на стол... Но может, другого выхода и нет... Максим уверил, что так оно и есть. И раз по моим рассказам он поднял такую шумиху, я также должен довериться ему. Он ведь мой друг.

27/12/2017

Собрание через три дня. Сначала думали провести собрание прямо под Новый Год, но быстро поняли, что в это время мало кто захочет приходить. Поэтому лучше провести сбор 30-го числа.

Дэн приносил швабру, чтобы соблюдалась должная чистота. Я, уже окрепший, вызвался заняться мытьём полов. Вычистив пол до солнечного блеска, я решил убрать швабру в подсобку. Однако зашёл туда я не вовремя... Открыв подсобку, я лицезрел весьма пикантную сцену с Дэном и Екатериной. Они посмотрели на меня круглыми глазами, все красные и вспотевшие. Я молча поставил швабру и закрыл дверь. Дойдя до спальни, я не выдержал и громко расхохотался.

30/12/2017

Дэн избегает меня. Нехотя заговаривает. Ну и ладно... Неважно... Главное – сегодня день сбора Упырей. Макс даже передвинул время съезда пораньше, чтобы все смогли закончить и начать готовиться к Новому году. Вечером он заедет за нами, осталось совсем немного.

Эль Гангстре

Завод Максима поистине огромен. Он состоит из множества отделов, где производится огромный спектр химиче-

ской продукции. Его трубы, в отличие от всех остальных в Казани, извергали пламя, издав далеко походивший на факел. Видимые в любую погоду, в любое время и почти из любой точки Казани.

Опустевший от рабочих, завод вскоре наполнился сотнями человек. Здесь, и вправду, собрались практически все. Каждое звено, каждая веточка и листочек иерархии находятся в этом месте в это время. Мы расположились на огромной площади перед заводом. Самые низы стояли в толпе, группы повыше сидели на поставленных рядами стульях. Ну а предводители с их телохранителями, включая меня с Хойтом, находились на мостике перед всей многотысячной аудиторией. На таких же мостиках по бокам, а также рядом с нами, стояли вооружённые люди в бронежилетах.

– Макс, – Хойт подошёл к другу, – кто эти люди?

– Наша охрана. – сказал он спокойно. – Мы очень рискуем, проводя это собрание. Знаешь, мне кажется... Если за всеми событиями кто-то стоит, он, скорей всего, не станет упускать шанс покончить со всеми Упырями разом. Охрана не помешает.

– Да... Согласен с тобой.

Принесли микрофоны. Все было готово к обращению. Начало темнеть, поэтому площадь осветил яркий свет прожекторов. Толпа шумела, переговариваясь, ворча и что-то

обсуждая. Все были взбудоражены слухами. Взволнованны, представляя грядущие перемены. А перемены будут, это точно.

Максим в один из вечеров заикнулся при мне, что хочет предложить эффективное решение, но в подробности не вдавался, решив оставить всё в тайне. Что ж, если Хойт предпочёл ему довериться, с чего мне вдаваться в подробности? Ведь состою я в Упырях, от силы, две недели. Да и поднялся вверх исключительно по воле случая. Поэтому моё дело – помалкивать.

Хойт постучал пальцем по микрофону для проверки звучания.

– Раз, раз... Слышно? – озадаченно произнёс он, – народ, прошу! Потихе!

– Заткнулись все! – на время выхватил микрофон широкий мужчина с угрюмым лицом. Хойт рассказал мне о предводителях Упырей. Это Август Драмцев. Он является, пожалуй, самым грозным, вспыльчивым и бесстрашным Упырём. И он единственный совсем не боялся раскрывать полную информацию о себе. Он служил в армии свыше десяти лет, дослужился до полковника. Поэтому теперь никто его просто так не тронет. Иначе, против человека ополчится вся страна.

– Спасибо. – кивнул Августу Хойт. – Итак, народ! Я отчётливо вижу, что вы недовольны. Я понимаю, вас оттащили от своих занятий, да ещё и накануне Нового года. Но у нас

просто нет выбора. Речь идёт не об удобстве. А о жизни и выживании.

Толпа затихла и обернулась на нас.

– Дело в том, что две недели назад на группу новичков напал неизвестный вихрь. Он убил полсотни человек в пару мгновений. Мне и моей новой правой руке, – он похлопал меня рукой по плечу, – удалось выжить и сбежать. Я отделался лишь этим. – он акцентировал внимание на своей загипсованной руке. – Открытый перелом. Сложная операция...

Люди снова зашушукались.

– Но это ещё цветочки. Следом начали пропадать новые группы Упырей. Мы не находили тел, ничего. Они просто пропадали. И поверьте, они не могли просто сбежать! Наши люди смогут достать человека из-под земли. Но за это время ни одного не нашли. К тому же, они не ходили в полицию. На нас не завели ни одного дела. Значит, они, скорей всего, или мертвы, или в заложниках.

Толпа ещё больше загудела.

– Заткнитесь, говорю! – проревел Август Драмцев.

– Мы не за тем лишь вас собрали, чтобы сообщить вам эту

новость. У нас есть и вариант решения. У Максима, главы нашего высшего совета, – Хойт взял друга за плечо и подвёл к микрофону, – есть план, остававшийся в тайне для всех нас до сего момента. По его словам, он должен весьма эффективно решить проблему Упырей. Макс, твоё слово!

– Спасибо, спасибо! – начал глава совета. Скажу так, друзья мои. Упыри существуют уже 17 лет. Я помню, как мы занимались тем же, что и большинство ребят, сидящих здесь. Проворачивали мелкие аферы, иногда подворовывали. Но за всё это время я ни разу не чувствовал себя в такой опасности. Да, я думаю, и вы поражены новостями. Так вот, кхе-кхе... – он прикрыл рот ладонью, – К чему же я веду? Вы все люди. У каждого есть свои интересы, дорогие сердцу люди: родители, любимые девушки... У кого-то даже дети. И вы не хотите их потерять, во что бы то ни стало.

В толпе опять поднялся шум, начались переговоры.

– Я... – начал он, но не закончил из-за шума. – Август, можешь немного?..

– Непременно. – кивнул он, подошёл к микрофону и заорал, что есть мочи. – А ну все заткнули рты! Сколько можно говорить?! Балаболят, сидят... – далее следовало нецензурное выражение.

Народ испугался и затих.

– Я хотел предложить вам такой вот вариант... Настали трудные времена. Упыри под угрозой смерти. Поэтому, здесь и сейчас. Вы должны выбрать: уйти или остаться...

Толпа просто взорвалась, но шагнувший вперед Август сразу напугал и заглушил их одним своим видом.

– Прошу, подумайте хорошо! Вы можете уйти сейчас, отправиться к своей семье и продолжать жить в безопасности, при этом на вас кладётся неприкосновенность с нашей стороны. Высший совет ничего не скажет насчёт вашего ухода, а простым группам будет запрещено притрагиваться к вам любым способом. Или вы можете остаться. Но тогда пути назад уже не будет. Вы откажетесь от родных и на какое-то время полностью отдадите себя Упырям. Нашей первостепенной задачей будет узнать, кто стоит за всем этим. Ну и, соответственно, дать отпор. Но здесь я не смогу гарантировать вашу полную безопасность. Мы начнём играть с огнём. А в огне можно обжечься. Выбирайте прямо сейчас!

Толпа начала громкое обсуждение. Хойт подошёл к Максусу.

– Это и есть твой план? Ты уверен? Они ведь могут сдать нас!

– У нас есть их контакты. В случае чего, их просто сотрут в порошок. Не беспокойся, я всё предусмотрел.

– Хотелось бы верить, но... Отказаться от родных? Ты издеваешься? А как же та самая свобода, которую мы хотели давать и давали на протяжении этих лет?

– Хойт, я понимаю. Ты семьянин. Ты любишь свою жену и сына. Но обстоятельства заставляют воздержаться. По крайней мере, до того момента, пока всё не утихнет. Не беспокойся, семьи никуда не денутся. Представь, что ты... в очень длительной командировке...

– Эх... Да что за чертовщина! Ладно. Но нужно закончить с этим как можно быстрее. Я даже не попрощался. Никак не связался с ними. Дай хотя бы позвонить...

– Дам. Но только после совещания. Даже съездить к ним успеешь. Но сейчас не время.

Макс подошёл к краю мостика и снова обратился к народу.

– Ну что? Мы дали вам время подумать...

– А что думать? – вмешался Август. – Все здесь готовы вступиться друг за друга и помочь общему делу. Так ведь, друзья мои?!

– Нет, Август. Не так. Людям страшно, и это нормально. Их выбор: уйти или остаться. И никто их остановить не может.

Август что-то недовольно пробормотал себе под нос и отошёл назад.

– Итак, если вы хотите уходить – идите прямо сейчас. Другого шанса не будет.

Люди начали оглядываться друг на друга. Некоторые вставали с места и, переступая через колени остальных, выходили из рядов, и, пряча свои лица от презирающего взгляда толпы, направлялись восвояси. Сначала ушел десяток, потом еще один, за ним ещё... С каждым разом уходить становилось уже не так зазорно, ведь позор делился между множеством человек. Теперь уже уходили сотни. Август бормотал, бранился. Максим стоял, державшись за перила мостика. Этот «парад» продолжался минут десять. И вот, когда из всех тысяч человек осталось только около четырёхсот, Максим заявил.

– Ну всё, если никто более не желает уйти, прошу всех пройти внутрь завода, а то уже снег пошёл. Там теплей, да и есть проектор, на котором я наглядно объясню вам план действий. Прошу, только не толкайтесь, вас всё ещё много.

Ну наконец-то, мы дождались. Я совсем замёрз на улице. Толпа начала заходить. Нам же нужно было лишь пройти по

мостику и сразу в дверь. Я шагнул, но, поскользнувшись на маленькой замёрзшей лужице, упал на четвереньки.

– Осторожней, – хладнокровно произнёс охранник в бро-
нежилете.

– Спасибо... – промямлил тихо я.

Я посмотрел на него. И вдруг всё приняло совсем иную сторону. Шлема или маски на нём не было, и можно было отчётливо лицезреть лицо. И я знал это лицо. Тёмно-каштановые волосы, растущие наверх. Морщины на щеках, а на лбу красуется шрам. Последнего, конечно, я не застал, но всё остальное не давало соврать – это Михаил. Благо, он меня не узнал. Иначе я получил бы.

Не знаю, что он тут делает, но очевидно, что он связан с этой историей. Полгода назад первые пропажи Упырей начались недалеко от его дома. Одна компания пропала непосредственно при попытке вломиться в этот дом. Чёрт, не нравится мне это. Вряд ли он будет работать на Упырей. Но как Максим принял его? Да и вообще, странный план по сбору всех в одном месте... все эти пропажи... угрозы смерти... Что-то тут не чисто... Нет, лучше свалить, пока не поздно.

Я догнал Хойта и нашептал ему свои мысли. Он оглянулся на Михаила, потом на Макса.

– Ты уверен?

– Да, нам лучше уйти отсюда как можно скорей.

– Сперва поговорю с Максом.

– Нет, если хотите жить, нужно идти сейчас!

Педро Буджардини

Мать твою, наконец мы зашли внутрь! Я не успел сменить одежду на более тёплую, поэтому весь замёрз.

На этот раз усадили уже всех. Двери, из которого веял прохладный ветерок, захлопнули. Проектор начал загружаться.

– Итак, – начал Макс, – значит, здесь собрались самые преданные люди?

– Да. – чётко послышалось совсем недалеко от меня.

– Хотите ли вы быть свободными от вечных притеснений со стороны государства?

– Да!

– Вы готовы сражаться и умирать за свою свободу?

– Да! Да! – орал все разом.

– Ну и идиоты... – вдруг сказал Макс без особо энтузиазма.

Послышался звон металла. На мостиках показались дула пулемётов. Вот же ж...

Выстрелы. Много выстрелов. Пули летят, пробивая тела людей насквозь. Все орут, ругаются, шевелятся. Твари! Они всё подстроили! У нас отбирали оружие, якобы для безопасности.

Толпа начала двигаться. Некоторые падали, и их затаптывало сотней ног. Мы направились к выходам, но двери оказались слишком прочными. Тогда мы попытались пробраться наверх по лестнице. Здесь были решётки, но они не достаточно крепкие для такой толпы. И скоро мы доберёмся до убийц...

Вдруг в метре от толпы распахнулась большая дверь. Оттуда вышло трёхметровое чудище в чёрной пуленепробиваемой куртке. Руки его были больше среднего роста человека. А в них находилась громадная кувалда. Все попятились назад, но было поздно. Чудище замахнулось и ударило первые ряды, вмяв их в стену и раздробив на куски. Следующие за убитыми заорали до надрыва горла. Я же сохранял молчание. Но не в своей голове. *Mannaggia!* Мы между двумя огнями. Идти некуда. Пойдите, идея!

Я протолкнулся к краю лестницы, переметнулся через перила и спрыгнул вниз. Здесь уже было место разгуляться. Но долго думать не приходилось, ведь повсюду свистели пули.

Я прыгнул в сторону стоящих в углу ящиков, лёг на них и укрылся тентом. Из оставленной маленькой щелочки я продолжал смотреть на ужасающую картину. Послышался взмах, удар. Толпу окропило кровью и сверху попадали красные мешки с костями. Толпа сходила с лестницы, гонимая гигантским существом. Несколько человек, видимо, заметившие мой трюк, последовали моему примеру.

– Нет, дебилы, не сюда! Дьявол! – шептал я про себя раздражённо.

Они почти добежали, но, благо, их заметили и выстрелили... Пули нагнали цели в одно мгновение, вся кучка людей попадала. Но что это блеснуло? Там, под ремнём у одного из них. Это же... нож! Вне всякого сомнения, пора брать ситуацию в свои руки.

Я подождал, пока чудище стонит кучу, да и само сойдёт с лестницы.

Как только, так сразу... Я выпрыгнул из укрытия, на четвереньках подбежал к телу, достал нож, затем рванул к лестнице, допрыгнул до перил и, подтянувшись, перелез через них. Полежал там какое-то время, чтобы убедиться, что по мне не ведут огонь. Отлично, меня не заметили!

Перевернувшись на живот, я, всё ещё на четвереньках, пополз по лестнице. Наверху стоял один человек с автоматом. Достигнув вершины лестницы, я прокатился по полу,

воткнул нож ему в ногу, потянулся вверх и, схватив его за шиворот, уронил на спину. Нож сразу же устремился в глаз. Парень и вякнуть не успел. Годы службы в итальянской армии не прошли даром. Я машинально достал из кобуры пистолет, подвинул к себе автомат и снял с пояса мертвеца два магазина патронов. Теперь я был готов дать отпор!

– Псс! Эй ты! – послышалось из двери. Она чуть приоткрылась. Оттуда высунулся Август. – Давай покажем этим ублюдкам!

– Что?

– Покажем им, говорю! Дай мне оружие!

– У меня... только пистолет... Автомат разряжен... – соврал я, не доверяя дефицитный ствол какому-то старикану.

– Ну так давай его сюда!

– Уверены? Я думаю, лучше он будет у меня...

– Чё? А ну не ломайся! Стрельба – это тебе не компьютерные игры, сынок!

– Я шесть лет служил в итальянской армии, стрелял из всех видов оружия. И был одним из самых эффективных бойцов. Могу прямо сейчас отстрелить мизинец вон тому дальнему уроду. Причём мизинец на ноге.

– Ладно, ладно! Тогда будешь меня прикрывать.

– Идёт!

Мы быстро побежали по мостику. На пути стоял пулемёт-

чик с большим шрамом на лбу. Он поливал толпу свинцом и не ожидал удара сбоку. Август разбежался и заехал ему куском железа по голове. Мужик упал, продолжая получать железкой. Он прикрывался руками, но боль брала своё. Силы кончались.

Я направил пистолет на других убийц, но вдруг задумался. Начал оглядываться по сторонам. Толпа Упырей мечется, визжит от страха и боли. Убийцы невозмутимо стоят и палят из дорогих навороченных автоматов и пулемётов. Я состою в рядах Упырей около двух лет. За это время я успел продвинуться совсем ненамного. Я был главарём одной группы в тридцать человек. И то, из них сейчас ушли почти все. И какой смысл? Смотрю на чудище, которое подняло здорового мужика одной рукой, обхватив его за торс и, сдавив, раздробила его рёбра вместе с органами. Мне прикажете биться против такого? И какой смысл? Что смогут дать Упыри? Учитывая, что сейчас их империя рушится на глазах? Уже ничего...

– Такие перспективы меня не устраивают!

Я резко повернулся, направил пистолет на Августа и выстрелил. Один, два, три раза. Он прохрипел, выронил железку и рухнул. Я подбежал к лежащему мужику, протянул ему руку.

- Ты кто? – пробормотал он.
- Я тот, кто спас тебе жизнь!
- А-а-а... Кхе-кхе! Спасибо...

Он-таки взялся за руку. Я помог ему подняться.

- И всё же, кто ты такой?
- Потом объясню! Надо закончить начатое!
- Согласен!
- Ну ладно, хватит дурачиться! – произнёс громко Максим. – Пора заканчивать!

Он взобрался на поручни мостика, спрыгнул вниз, сделал в воздухе очень плавное сальто. Мне показалось, что он полетел. Приземлившись на ноги, он просто пошёл прямо в толпу. При приближении к Упырю из Макса, прямо из его тела, вылетало что-то похожее на комету. Пролетало грудь бедолаги насквозь, оставляя за собой огромную дыру. Затем, сделав петлю, влетало обратно в его тело. Так, он расправился со всеми оставшимися за минуту.

Ну вот и всё... Официально считается, что Упырей больше нет...

Глава ∞, Расследование, изменившее жизни

Лёня Симонов

Ночь. Глубокая ночь. Снаружи бара сильная метель, на дворе самый разгар суровой зимы. Мороз уже давно разу-

крашивает своими узорами стёкла. Бар пустует.

Я стою у стойки, протираю бокалы и кружки. Из посетителей в баре сидит только пьяный завсегдатай, который чудом ещё не упал со стула, и ещё два мужика в углу, играющие в карты на выпивку. Скучно... Обычно бар наполнен людьми, так что мест нет, люди пьют стоя и сидя на полу, а так же стараются напоить в хлам владельцев мест за столами, дабы те вежливо освободили местечко своим падением под стол. Эх, как забавно смотреть на такое в живую... Ну, а если найдётся десяток пьянчуг, которые устроят драку, так на это зрелище можно променять любой джек-пот в казино. А сейчас...

А что вообще должно быть сейчас? За несколько дней до Нового года? Люди дома сидят, никому сейчас не сдался этот бар. Я уж решил закрываться, смысла здесь сидеть нет. А дома жена с детьми. Верней... Сейчас ночь, они спят... Так и мне лучше поспать. Обычно, я прихожу утром, сплю до обеда, совсем не успевая провести времени с семьёй. А так, проснусь утром. Бодрый, готовый весь день стоять на ногах и, скорей всего, немного сгладить накаленность в семье. Жена постоянно пилит из-за бара. Из-за того, что у меня «нет времени». Понятно, что это всего день, но... мал золотник, да дорог...

Я расставил всю посуду на места, развязав фартук, вышел из-за стойки. Подошёл к мужикам. Они только доиграли партию.

– Ха! Я снова тебя выиграл! – радостно воскликнул один из них. – С тебя ещё кружка пива! Иди, закажи!

– Извините, мужики, —вмешался я, – бар сегодня закрывается пораньше...

– Эй, мы же только разыгрались! Вон, видишь, как мне карта идёт! Я только выпивку выиграл. Иди, налей!

– Послушайте, мужики, я всё понимаю, но и вы меня пойте. У меня дома жена...

– У меня тоже, и чё? Разве мы здесь не для того, чтобы от них отдохнуть?

– Кому-то отдыхать, а кому-то работать. Прошу, закругляйтесь!

– Слушай сюда: у тебя бар какой? Ночной! А знаешь, когда работают такие бары? Ночью! А сейчас что на дворе? Ночь!

– Да, знаю. Но я бы хотел закрыть пораньше...

– Пораньше? Ну так и закрой пораньше. Рано утром закрой!

– У меня с женой проблемы...

– Меня не колышет, что там у тебя с женой. Я пришёл выпить, а меня гонят.

– Завтра придёшь – налью бесплатную кружку.

– А ты мне, хе-хе, и так бесплатно наливаешь, за счёт вот этого чайника.

– Ну а завтра и ему платить не надо будет.

– На его кошелёк мне нахаркать, уж поверь мне. А вот выпить я сейчас хочу. И ты, лентяй, будешь мне наливать, пока я этого хочу. А жена радоваться должна, что ты деньги зарабатываешь!

– Деньги – это само собой, надо ещё и время с ними проводить.

– Знаешь, пахнет от тебя каблуком. Отойди за стойку. И принеси мне уже эту кружку пива!

Вздыхнув, я побрёл к стойке. Начал снова надевать фартук. Тут в бар вошли шесть человек. Они были в дорогих костюмах, выглядели богатыми, странно, что они здесь делают?

– Вот и посетители. – сказал я себе под нос, – Эх, видать, сегодня не уйду...

– Куда не уйдёшь? – ответил человек в костюме, неясно, как услышавший мои слова.

– Домой.

– Домой? – переспросил он. – Бару же еще часов пять работать?..

– Да, но, посетителей мало. Хотел закрыться пораньше, провести с семьёй время. Да... не берите в голову, всё равно меня не пустят те мужики, пока не напьются...

– Ты любишь жену? – спросил другой.

– Спрашиваешь... Конечно. Больше, чем кого-либо!

– А есть у тебя дети?

– Да... Есть... Две дочки-близняшки, по шесть каждой.

Эх, какие они у меня прекрасные... Хотел бы я проводить с ними больше времени. Да только этот бар...

– Если хочешь, мы можем помочь. – заявил первый.

– В смысле?

– Ты можешь идти к семье, а мы тут посидим, поохраниаем, потом закроем за собой.

– Не оставлю же я незнакомцев за главных... – пожал я плечами. – Сейчас не то время, чтоб людям доверять... Я вообще слышал, что развивается в России группировка «Упырей». Что она мол, как опухоль раковая, погубит Родину.

– Да, слышали о таких. Но в последнее время пошли слухи о том, что Упыри вскоре перестанут существовать.

– Как это? Неужто всех пересажают?

– Неизвестно. Но в любом случае, нам ты можешь довериться. Что сейчас нам нальёшь, то и выпьем, больше не возьмём. А уж грабить тебя – дело последнее!

– Хотелось бы вам верить, но...

– А ты поверь. Тем более, мы заплатим.

На стойку выкладываются четыре стопки с деньгами.

– Здесь хватит на две поездки за границу всей семьёй. – уверил второй. – Куда хочешь, лучший отель, все удобства. Уверен, жена твоя давно мечтала.

– П-Правда, – дрожащим голосом произнёс я, – м-мечтала... Вы, вы серьёзно?

– Серьёзно. Это ведь твой бар? Тогда найми себе работников. Семья нуждается в тебе. Нельзя сейчас пропадать из их жизни. Ибо вернуться ты не сможешь.

– А-а вы...

– Мы просто посидим, поговорим. Проследим, чтобы все ушли.

– Ну... Даже н-не знаю... как вас...

– Успокойся, – просто иди к семье, нам не нужна благодарность.

Со счастливыми горящими глазами и быстро бьющимся сердцем я сложил деньги в сумку, надел куртку, замотался шарфом, бросил на стойку связку ключей и вышел из бара. На миг в помещение влетел сильный поток ветра. Меня едва не откинуло назад. Но я опёрся на дверную раму, оттолкнулся и пошёл домой

Очкожуй

Ветер пронёсся по всему залу, взвивая принесённые с улицы снежинки. От ветра стало как-то холодно. Однако, дверь в бар полностью закрылась и ветер стих. Мы налили себе алкоголя средней крепости и сели за большой стол. Не успели начать разговор, как услышали смех мужика в углу. Он снова выиграл партию, пошёл к стойке.

– Бармен! Ты где, бармен?

– Нет его, – ответил Шак’Хид, – домой ушёл, к семье.

– Как «ушёл»? Он мне еще две кружки не налил!

– Так, ушёл, – поддержал я, – взял выходной. А выпивку я тебе налью. Чего тебе?

– Пива светлого... Стой, ты чё, за главного что ли?

– Вроде того. Вот твоё пиво.

– Так, что мельчить, налей больше!

– Хватит с тебя. Две кружки. И идите уже домой!

– А ты, может, сам пойдёшь... куда подальше?! Я здесь на всю ночь!

– У нас здесь важная беседа. – сказал Гробовщик. – Сегодня бар закрыт!

– Вы чё, люди?! Какого чёрта вы меня гоните? Я никуда не уйду!

– Лучше иди. – посоветовала Настя. – Так никому не будет хуже...

– Так, а вот бабам никто слова не давал! Тут мужской разговор!

– Ай-ай-ай... – погрозил пальцем Шак’Хид. – Так ты ещё и сексист?

– А ты, чё, феминист?

– Я? Можно сказать, и так... Я придерживаюсь идеи равноправия полов...

– Да, серьёзно, что ли? Слышал? – крикнул он своему сопернику по картам и рассмеялся. – А я то думал, все эти

парни-феминисты – выдумка, просто для создания иллюзии этой... как её... Легитимности, во! Так не, всё оказалось хуже, чем я думал. Знаешь, если тебе хочется жить в мире, где мужиков будут использовать лишь для продолжения рода... Тогда я тебе сочувствую...

– Тьфу! Вижу, тебе совершенно незнакомо понятие феминизма... Мне даже не хочется тратить время на объяснения. Ты меня напрягаешь, отойди...

– Напрягаю? Напрягаю?! Не посмею, чтоб меня малолетки оскорбляли, сейчас получите!

Он дернулся в нашу сторону, но сразу поймал на себе прицел пистолетов.

– Я про тебя так же скажу. – продолжил Шак'Хид. – Знаешь ли, представить себе не можешь, насколько я стар. И не хочу попусту избивать или убивать людей. Я убиваю только за дело...

– Эй, вы что? Ладно, ладно, проваливаю! Слышь, чайник! Выметаемся!

– Только, надеюсь, ты понимаешь, что никому рассказывать не нужно? – улыбнулась Пустошь. – Иначе, мы тебя найдём...

Она сняла своё кольцо и сразу стала невидимой. Картёжники в испуге выбежали из бара. Идина, смеясь, снова на-

дела кольцо. Пьяница-завсегдатай наконец истратил силы и упал со стула.

– Он в порядке, просто без сознания. – сказал я. – Перетащим его куда-нибудь, потом в отрезвитель. Очнётся утром, ничего не вспомнит. Давайте начинать!

Все удобно уселись на свои места, начался разговор. В бар вдруг с трудом пролезла трёхметровая накачанная девушка.

– Простите, была у своего психолога. – отдышавшись сказала она. – Я опоздала?

– Нет, мы только начали, проходи! Кстати, как оно? Есть продвижения?

– Пока нет... Он только пытается понять, с какой стороны идут эти скачки агрессии...

– Жаль, надеюсь, ты излечишься...

Качок села на диван, словно на обычный стул.

– И так, друзья мои. – начал я, – можно порадоваться... Татар Гетто понемногу формируется, всё идёт успешно.

– Всё верно! – поддержал Грбовщик. – И главное, скоро сделаем доброе дело: избавим страну от Упырей!

– Увы, с этим смогут поспорить слишком много людей. Как бы мы не отсеивали, как бы не пытались ограничить список жертв... Всё равно, погибнут чьи-то отцы, сыновья. Для

кого-то работодатели, для кого-то подчинённые. Короче говоря, не стоит особо гордиться истреблением Упырей.

– Очкожуй, заметь! – сказал Шак’Хид, – что у нас нет иного варианта их уничтожения. Что нам, сдать их полиции? Их отпустят, как только узнают о положениях некоторых особых личностей, вроде того же Августа.

– Да... Жаль... Но ради этого мы и здесь, ради этого формируем Татар Гетто. Для того, чтобы подобного не происходило.

Мы в молчании выпили.

– Так вот... О чём я ещё хотел сказать. Татар Гетто не может считаться сформированным, пока не сформирована Великая Восьмёрка. Нам нужен восьмой член.

– Хм, восьмой значит... – задумался Эсс Шейкер. – И где же нам его найти?

– Ну, вообще-то... – улыбнулся я. – Он... точнее она, сама нас найдёт...

Авдотья Григорьева

– Подведём итоги, что нам известно? – спросил меня отец с уверенным лицом.

Уверенным он был потому, что и так знал все детали. Он просто проверял мою внимательность. И я не разочаровала его.

– Из сейфа Чаповой Дарьи Айбековны был украден ряд вещей: бриллиантовое кольцо с тремя гранёными алмазами, фамильное кольцо с рубином, а также акции Газпрома. Сейф не был взломан силой. Смею предположить, что вор знал код. А значит, сумел подойти к хозяйке достаточно близко. Ведь, как заявила сама Дарья Айбековна, код не был нигде записан. Она единственная знала его.

– Верно подметила. – мягко сказал он. – Но, круг приближённых ей людей состоит лишь из подчинённых: уборщиц Вероники и Афанасии, двух сторожей, работающих посменно, и повара.

– Да. Но, возможно, есть ещё кто-то, о ком мы не знаем...

В этот момент я заметила на его лице ухмылку, означающую лишь одно: я что-то упустила. Осталось только понять, что именно.

– Возможно и есть. Давай, Авдотья, подумай хорошенько! Ты просто не могла не заметить весьма явные детали своими прекрасными зелёными глазками...

– Пап!

– Что? Я вру что ли? Глаза же у тебя и вправду прекрасны! Давай, не отвлекайся!

– Ну... – я напрягла мозги. – Она могла... Она могла вступить в клуб, любой. Например, кружок вязания или танцев.

Я видела у неё в доме чешки и клубок ниток со спицами.

– Думаешь, ей, богатой женщине, захочется шляться по каким-то кружкам?

Я призадумалась и чуть позже воскликнула:

– Да! Именно так! Она одинока. Муж умер, детей нет. Чем ей ещё заниматься?

Он ещё раз усмехнулся.

– Верно. Ей, должно быть скучно. Но ты пошла немного не по той дороге. Не заметила одной важной детали. В её ванной, в корзинке для грязного белья, лежала пара грязных мужских носков. Следовательно, у неё дома был какой-то мужчина.

– Да-а-а... – утихая, протянула я. – Одинокая дама. Чуть старше сорока лет. Грязные мужские носки. Думаешь, у неё есть любовник?

– Всё верно. Конечно, она сама это отрицает. Понятное дело, ей не хочется разглашать подробностей своей личной жизни. Но я опросил сторожа. Он оказался стойким, но я был слишком настойчив. С его слов я узнал, что один-два раза в неделю к ней ходит один и тот же молодой человек. Лет ему чуть меньше тридцати. Красив, строен.

– Хорошо бы знать больше... Например... Имя...

– Хорошо бы оно, хорошо... Только в работе детектива, чаще всего, мы оперируем без знания таких тонкостей. – он сделал паузу. – Для входа в дом необходима специальная карточка. Согласись, список имеющих такую очень невелик. Поэтому я, не отходя от сторожа, посмотрел базу данных. Во время похищения входная дверь была открыта карточкой Вероники, уборщицы.

– Значит, либо они в сговоре с любовником Дарьи Айбековны, либо любовник выкрал карточку. Но уборщица бы сказала об этом...

– Нужно опросить её.

– Может, используем полиграф?

– Хорошая мысль. Подтяну своих знакомых. Тем более, нам может понадобиться немного... Грубой силы... Девушка может вырываться и пытаться бежать.

– Ясное дело. – пожала плечами я.

На съемной квартире Вероники было достаточно тесно. Но нам хватило стульев. Даже удалось расположить громоздкий полиграф. За окном блесело заходящее солнце. Последние лучи проходили сквозь занавески и падали на обои с незамысловатым узором. Девушка, конечно, перепугалась... Но перетерпела свой первый испуг, даже приготовила нам чай. Не без помощи убедительности и педагогических способностей папы, разумеется.

– Вероника, – обратился он к ней, – прошу вас, не волнуйтесь. Говорите, как можно спокойней.

– Да, легко сказать... – пролепетала девушка.

– Сейчас я задам вам несколько вопросов. – убаюкивающе сказал отец. – Отвечайте на них лишь «да» или «нет».

– Х-хорошо...

– Итак, для начала что-нибудь простое. Вас зовут Вероника?

– Да.

– Правда! – пропищал полиграф.

Неизвестно, зачем у него была предусмотрена функция озвучивания правдивости ответа. Мне кажется, это может лишь пугать и сбивать с толку опрашиваемых.

– Отлично. Уволила ли вас Дарья Айбековна после инцидента?

– Нет, – она вздрогнула.

– Ложь! – пискнул полиграф.

– Нет, я не уволена! Дарья Айбековна бы сама сказала! Ей даже в такие моменты хочется с кем-нибудь поговорить!

– Вынужден согласиться с Вероникой. Она не обманывает. Просто слишком сильно волнуется. Прошу, сосредоточьтесь! Вы говорите, Дарье Айбековне необходимо общение? Предположу, что она чувствует себя одинокой, проживая без семьи. Вероника, я прав?

– Да, вы правы.

– Правда! – снова воскликнул аппарат.

– Она... – продолжила девушка. – Постоянно жаловалась на своё одиночество. Что ни день, то новое изнывание... Ой, простите! – она одёрнулась, – Прошу, не говорите Дарье Айбековне!

– Не скажем. – успокоил отец.

– Спасибо... Просто... Я не хочу лишиться работы. Лучшего предложения не найти! Мне нужно доработать хотя бы этот год. Дальше окончу университет и устраюсь на другую работу.

– Не беспокойтесь. Мы не разгласим ваших слов. Да и потом... вы ничего такого не сказали. Женщинам в таком положении свойственно желание сгладить своё одиночество. И вы, как довольно приближённый к ней человек, отлично подойдёте для составления компании.

– Всё верно. Но она немного успокоилась после того, как к ней... – она мысленно ударила себя по губам.

– Как к ней...?

– Нет, я не могу! Это ведь её секреты.

– Послушайте... – отец подвинул свой стул ближе к ней. – Мы уже знаем, что у неё есть любовник. И он является главным подозреваемым. И ваша неразговорчивость может быть принята за попытку его укрывать. Обещайте, что не будете что-то утаивать. Так будет лучше...

– О-Обещаю...

– Хорошо, тогда продолжим. Вы знали о любовнике. Но виделись ли вы с ним лично? Может, сталкивались? Или разговаривали?

– Нет, такого не было.

– Ложь! – полиграф пропищал противнее прежнего.

– Эх... – папа разочарованно прикрыл лицо рукой. – Ну что такое? Я же сказал!

– Простите, простите! – слезливо прохныкала она. – Я не хотела... В смысле, я боялась!

– Чего же вы боитесь на этот раз? Неужели снова увольнения? Мы же всё обговорили!

– Да... Обговорили, но об этом она точно узнает!

– Вероника, мы начинаем терять терпение!

– Ладно, ладно! Дело в том, что её любовник... Он ходит сюда только ради меня.

– Что? – оживилась я. – Как это, только ради вас?

– Он сам мне сказал. Когда мы сталкивались, обменивались парой фраз, я и подумать не могла... Один раз отпустил мне комплимент. Тогда я на него глянула с таким... Станным ощущением. Но вот, спустя время он подходит и чувственно заявляет, что я ему нравлюсь. А к Дарье Айбековне он ходит лишь для того, чтобы увидеться со мной. Представляете?

– Невероятно.

– А я то как удивилась...

– Авдотья, запиши это. – приказал отец. – Это очень важ-

но. Следующий вопрос. Вероника, вы знаете, где ваша входная карта от дома Дарьи Айбековны? Только прошу, без заканий и увиливания!

– Я... Нет, не знаю. Я потеряла её.

– Правда! – снова пискнула машина.

– Потеряли? Когда именно вы обнаружили потерю?

– На следующее утро после признания любовника.

– И вы не находите это странным?

– Странным? А что странного? Под конец рабочего дня меня, не задумываясь, выпустил охранник. Я даже не доставала карточку. Должно быть, потеряла её, идя по улице. Ну или она завалилась где-нибудь в доме Дарьи Айбековны.

– Странность в том, что пропажа могла случиться сразу после признания. Вы как-то сближались? Или, может, он заходил в подсобку, а там лежала ваша карта?

– Нет, ничего такого. Разве что... Я старалась увильнуть от смущающего диалога... но он был настойчив, даже обнял меня. Я сразу же выбралась из объятий и пошла... Подождите-ка... вы думаете, он полез ко мне специально?

Папа с улыбкой кивнул.

– Вот же урод! Простите за выражение...

Эти несколько минут я всё пыталась притронуться к слишком уж горячему чаю, при этом внимательно слушая

разговор. И под конец, бросив затею с чаем, я влезла в диалог.

– Замечу, – начала я, – что не стоит снимать Веронику со счетов. Возможно, она, конечно, и жертва обстоятельств. Но всё может быть и иначе. Она может быть с любовником заодно. Быть может, по той самой причине, которую описала наша подозреваемая: он признался ей в любви. И мог запросто предложить ограбить хозяйку ради неё. Тогда Вероника просто дала любовнику карточку. А тот, в свою очередь, провернул свою задумку.

– Что?! Нет! Я не... я не делала этого! – закричала она жалобно, на глазах выступили слёзы.

– Подожди, Авдотья. Перед тем, как бросаться обвинениями, надо проверить. Не забывай, у нас здесь полиграф.

– Хорошо, – остыла я, – проверим её.

– Вероника, последний вопрос. Вы заодно с любовником Дарьи Айбековны?

Она шмыгнула носом, подняла своё заплаканное лицо и с трудом выговорила:

– Нет, не заодно.

– Правда! – прожужжал полиграф.

– Ну вот и хорошо. А вы начали плакать. Всё ведь в порядке!

– Постой, пап! Но ведь полиграф – не очень точная штука. Стоит...

– Не стоит. – перебил он. – Я вижу: она точно не врёт. Вот тебе совет, дочка: учись присматриваться к людям. Во всех смыслах. Будь-то черты характера, мировоззрение или интересы. Мельчайшие детали могут сказать о многом.

– Ясно...

– Послушайте, – оживилась Вероника, – я знаю, чем смогу вам помочь. Я вспомнила его имя! Он заикнулся об имени, когда признавался. Его зовут Вениамин. Да, точно, Вениамин!

Мы шли в сторону дома. Солнце уже село. Но небо, по местному обыкновению, не спешило темнеть. Петербургскую набережную освещали довольно редкие фонари, делающие ночь совсем уж неотличимой от ясного дня. По Неве лениво проплывали небольшие, слабо освещённые кораблики.

– Авдотья, – нарушил тишину отец, – а ты молодец!

– Разве? Я ведь ошиблась...

– Нет-нет! Ты поступила очень разумно! Во-первых, не стоило отрицать любого варианта. Во-вторых, финальный вопрос помог расставить все точки над «i», а также выяснить имя подозреваемого. И всё, благодаря тебе!

– Спасибо тебе.

– Не за что. – он положил руку мне на плечо. – А теперь, вот тебе задание: завтра утром я еду в Казань. Меня позвали по одному делу трёхлетней давности. А тебе нужно собрать все материалы и передать их полиции. Я обо всём договорился. От нас больше ничего не потребуется, дальше любовничка просто вычислят по внешности и имени.

– Правда? И на этом всё?

У меня от такой простоты даже появилось желание засмеяться. Но я заткнула себя на пол пути. В итоге вышло что-то вроде резкого кашля.

– Да, на этом всё. Наша работа окончена!

Передав все бумаги полиции, я отправилась в университет. Просидела две скучнейшие пары, на которых подбадривала себя лишь послевкусием завершённого дела. Затем лениво пошла домой. Но прямо перед тем, как я вошла, мне позвонили. Неужели, папа?

– Алло?

– Здравствуйте, это Авдотья?

– Всё верно. Кто это?

– Меня зовут Амир Завялов. Я хозяин небольшого мотеля в Казани. Ваш отец сегодня утром въехал к нам, но сейчас...

– Что случилось?

– Понимаете... Я даже не знаю, как об этом сказать... Вашего отца...

Он сделал долгую паузу, слышны были тяжёлые вздохи. Я молчала, терпеливо ждала.

– Его... Нашли мёртвым...

Я услышала треск. Явный, отчётливый треск. Но откуда он вышел? Может, с той стороны провода? Или где-то поблизости? Да, точно. Определённо, треск был где-то недалеко. Даже очень близко. Но откуда? В этом коридоре было пусто. Ни одного элемента мебели. Электроника не могла сбоить, она новая. Нет, треск звучал ещё ближе. Он... во мне... Точно, скажу теперь с полной уверенностью: это треснула моя душа.

Спустя 3 года...

– Ну я ему и говорю: «Пошёл ты в задницу со своими «подругами»! Мне такие парни, как ты, нафиг не сдались!» – Зинаида выпустила изо рта громадный клуб дыма.

– Вау... – без особого энтузиазма выдала я.

– Что с тобой, Авдотья? Обычно, ты веселая. Что случилось?

– Да ничего... – я сделала глубокую затяжку. – Просто нет

настроения...

– Я знаю, чем тебе помочь! Тебе просто нужно найти парня! Да, точно! – лёгким движением пальца она сбила пепел с сигареты. – Я всегда о своих рассказываю, а ты всё одна и одна... Это не дело! Всё, решено! Сегодня вечером идём в клуб. Там и поищем тебе друга.

– Я бы с радостью, но не в этот раз. Завтра мне рано вставать. Я ещё не подготовила курсовую по журналистике.

– И чё? Да забей ты на неё! Хоть на сегодня. До сдачи ведь ещё две недели!

– Прости, но я правда не могу. – ещё одна затяжка, затем медленный выдох. – Завтра с утра еду в Казань.

– Это ещё зачем?

– Скоро день рождения моего отца. Я должна съездить в Казань, на его могилу.

– А-а-а... Прости. Тебе, должно быть, плохо, а я тебя с парнями достаю... – сигарета в руках Зинаиды заметно затряслась. – Сразу бы сказала, а то теперь неловко...

Я печально улыбнулась.

– Из-за этих мыслей совсем растерялась... Ладно, пойду-ка домой. Ещё собраться надо, да и в универ успеть забегать.

– Я с тобой. Давай помогу всё собрать.

– Нет-нет! Мне нужно побыть одной...

Я потушила сигарету об мусорку, обняла Зинаиду и ушла.

На следующее утро я закинула в рюкзак второй комплект одежды, тетради и блокноты для записей, пару ручек и свой ноутбук. Перехватив с кухни бутерброд, я выбежала на улицу, прыгнула в такси.

С момента посадки на поезд и на протяжении почти всего пути я обыскивала интернет на предмет свежих новостей. Для курсовой было необходимо взять несколько недавно произошедших в мире событий и выразить своё мнение о каждом из них.

– Здравствуй, Авдотья! Выглядишь великолепно!

– Ты уверен, Амир? После суток в пути?

– Ну не знаю... Возможно это компенсирует красота твоих глаз. Их изумрудный цвет забыть просто невозможно... – он сделал паузу. – Ну, как у тебя дела?

– Всё в порядке... Не считая испорченного настроения.

– Да, у тебя ведь на носу значащая дата... Какими судьбами у нас?

– Можно мне какую-нибудь комнатку? Самую скромную. Я ненадолго, лишь навещу могилу отца.

– Хорошо... – озадаченно произнёс Амир.

Моя комната была жутко похожа на ту, в которой убили отца. Поначалу я даже испугалась, не решил ли таким образом Амир сыграть со мной злую шутку. Но быстро смекнула, что всё-таки нахожусь в мотеле. И комнаты здесь не должны особо отличаться друг от друга.

Всё было обставлено простенько: небольшой стол, служащий и для еды, и для письма; весьма милый квадратный коврик с выходящими во все стороны кисточками; две тумбочки, прижимающиеся к незамысловатой кровати. В углу комнаты была ярко выделяющаяся из стены дверь в ванную.

Я сбросила куртку, скинула джинсы. Встав на коврик, прямо в центре комнатки, я потянулась, сделала небольшую зарядку. Суставы приятно хрустнули. Готово. Последствия суток, проведённых в поезде, устранены. Теперь время приступить к делам.

После некоторой рутины я собралась и поехала на кладбище. Прибыв, я быстро нашла могилу отца, пройдя этот лабиринт склепов словно с клубочком в руке. Что примечательно, могила была неплохо устроена, за ней постоянно ухаживали. Повезло нам. Амир договорился с владельцем кладбища, и тот согласился за очень небольшую цену огородить впечатляющий склепик с витым забором и фонарями. А ухаживание за могилами вообще не во что нам не обходится. Всё за счёт владельца.

– Хорошо, папа, что ты лежишь в таком приличном месте, а не где-то на грязной заброшенной земле... Но лучше бы ты оставался с нами. – по лицу прокатилась слезинка. – Нам так тебя, – я всхлипнула, – не хватает...

Придя с кладбища, я сразу села за телевизор, продолжила искать подходящие для обзора новостей. Но, как назло, ничего дельного не было: очередной повтор утренних новостей. Вскоре, я бросила эту задумку и решила лечь пораньше, чтобы не проспять свой поезд.

Около пяти часов утра

Сильный шум. Настолько сильный, что мой глубокий сон в миг прервался. Я вскочила с кровати, бросила взгляд в окно. Небо озарил ослепительный свет. Он исходил с горизонта. Поначалу, я задрожала, боясь, что это может быть ядерный взрыв или авария на заводе. Но свет погас всего за пару минут. Нет, это точно не бомба.

В этот момент в меня будто вселился мой отец. Мне резко захотелось разузнать все подробности произошедшего явления. Тем более, материала в новостях мало. А эта новость достойна внимания. Более того, я погляжу на всё из первых рядов.

– Куда едем? – озабоченно спросил таксист.

– Вы ведь видели тот свет на небе?

– А-Ага... – он почесал свою затылочку.

– Прощу, везите меня туда.

– Э-э-э, не-е! Я ещё жить хочу. Чёрт его знает, что там.

Вам тоже туда соваться не советую!

– Я заплачу вдвое больше.

– Да не за какие шиши!

– Втрое.

– Нет!

– Вчетверо, впятеро. Что вам ещё предложить?

– Говорю ж, не поеду я туда!

– Хорошо, – я достала кошелек, – тогда я предложу вам пять тысяч. Прощу, это вопрос жизни и смерти.

– Э-эх... Девушка... Ну что вас так тянет... Я привезу вас лишь недалеко от этого места. Сам не хочу туда. Пять тысяч не возьму, лишь тысячу. Вы и так, чувствую, можете настрадаться.

– Хорошо. Только, быстрее!

Таксист высадил меня у дороги. На трассе было пусто, пролетела лишь одна машина. Получив свою тысячу двумя купюрами по пятьсот рублей, он быстро рванул в сторону города, вслед пролетевшей машине.

Я пролезла между кустами и вышла в поле. Но сразу поняла, что это совсем не поле, а самая настоящая пустошь, будто после извержения вулкана. Хотя, это, скорей, напоминало...

кратер. Нет, быть такого не может. Неужели метеорит? Да ещё и такой громадный, раз разрушил настолько огромную территорию. Нужно дойти до эпицентра.

Пройдя пару десятков минут, я начала слабеть. Мне будто не хватало кислорода. При этом не пахло горелым. Что за чертовщина?! По привычке, от нервов я полезла в карман за зажигалкой. Достав её, я начала щёлкать, то зажигая, то туша огонь. Но огонь не загорелся. Невероятно! Новая зажигалка, которой всего дня два, не работает. Быть такого не может! Должно быть, при падении метеорита сгорела большая часть местного кислорода. Иначе и не объяснить. Ага, вот и воронка!

Постойте... Тут... Пусто? Но ведь это самая глубокая точка кратера. И, насколько я рассчитала, центральная. Здесь ведь должна лежать огромная глыба... Может, всё-таки, это что-то другое? Может, испытание оружия. Хотя, настолько близко к городу... Тогда, может, атака другого государства?

Я вдруг громко закашляла. Нет, ни секунды больше не выдержу на этом пустыре. Местная атмосфера сводит с ума. Я рванула назад, к расположенной за горизонтом дороге. Сердце забилося, как бешеное. Я задыхалась прямо на бегу. Ветки прыгали в такт моего бега, затрудняя обзор. Благо, пустырь был крайне редко усеян более-менее цельными горелыми частями, оставшимися от окружения. Поэтому я просто не могла споткнуться обо что-нибудь. В конце концов, я вновь вдохнула более-менее свежего воздуха.

Что же это было? Данная новость вполне подойдёт для моей курсовой. Хоть она и полна загадочности. Сомневаюсь, что я смогла бы разгадать эту загадку. Даже с отцом...

Встав к семи, я спустилась к Амиру, чтобы сказать о своём отъезде.

– О, доброе утро!

– Доброе... Амир, я думаю, мне пора. Сегодня я уезжаю.

Пришла выписаться.

– Хорошо, только схожу перекурить. Пока собирай вещи.

– Нет, я с тобой.

– Что? Ты... куришь?

– Да, курю. А что такого?

– Да нет, ничего... Просто... А ладно! Я ж тебе не опекун.

Смысл тебя переубеждать.

Мы вышли во двор, достали сигареты. Я достала свою зажигалку и успешно зажгла её. Заметив это, я тихо порадовалась за свою догадливость насчёт атмосферы на месте взрыва.

– Авдотья, как ты?

– Ты о чем?

– В смысле, находиться в этом городе тебе, должно быть, очень сложно. Постоянно прокрадываются разные мысли...
– он закончил предложение нервной затяжкой.

– Чёрт, да не бери в голову! Три года прошло. Я уже большая. И тогда была немаленькая. Ничего, перетерпела. Теперь уже намного легче.

– Ну хорошо. Просто, понимаешь... Я ведь сам ввязан во всю эту историю... Твоего отца убили прямо в моём, мать его, отеле... Просто ужас! Я помню, пришлось приводить в чувства моих работников. Почти все они свалили с работы в следующие несколько дней.

– Да уж, понимаю... Главное, что всё закончилось. Я долго искала причастных к убийству. Подозревала, честно говоря, даже тебя. Благо, у тебя было алиби. В итоге, я ничего не добила. У него не осталось ни одной записи о том шестилетнем деле, по поводу которого он отправился сюда. И, как ты сказал, он вообще не успел с тобой поговорить.

– Всё так.

– Ну и получается, что все улики уничтожены. Я не в силах ничего сделать.

– Что могу сказать?.. Хреново...

– Это, – я подавилась дымом, откашлялась, – точно...

– Да и по сути, так можно описать всю нынешнюю жизнь. Знаешь, держу пари, что, включив новостной канал, сразу наткнусь на какое-нибудь ужасное событие. Вся эта шумиха с терроризмом, всемирным кризисом, информационными войнами... Тьфу! – он снова поднёс сигарету к губам, выпустил облако верхней губой. – Ну а включишь что-нибудь другое: там сплошные скандалы, идиотские и бессмыслен-

ные обсуждения. Ну и, разумеется, промежутки между всем этим забиты рекламой.

– Да ладно тебе, не настолько всё плохо! На телевидение смотреть, конечно, печально. Но ведь в нём не отпечатана наша жизнь. По крайней мере, не настолько. Кстати, поймаю тебя на слове. Значит, держишь пари? – я дружески ткнула его пальцем. – Готова его принять. Просмотрела столько материала за эти дни. И ничего интересного. Возможно, это было затишье перед бурей. Но я готова рискнуть.

– Ах так! – фальшиво нахмурился Амир. – Тогда пойдём к телику?

– Непременно.

Потушив сигареты, мы забежали в здание. В коридоре, напротив диванчика, висел маленький телевизор. Я уверенно уселась на диване. Амир достал из-за телевизора незамысловато спрятанный пульт. Сел рядом и нацелил его на экран. Сделав интригующую паузу, он включил телевизор на новостях.

– ...Под его руководством за последнее время было отреставрировано семь исторических зданий. – начал повествование корреспондент. – Также в интервью Василий Андреевич заявлял, что планирует заняться обустройством нескольких городских парков.

– Ну, что я говорила? Ничего особо интересного. За тобой

должок.

– Да погоди ты. – махнул рукой Амир. – Уверен, сейчас они всё это восхваление прекратят, и начнётся привычная картина.

– Ну, как хочешь, давай подождём.

– А теперь к экстренным новостям. В доме, принадлежавшем некому Строганову Игорю, найдено 20 убитых студентов. Трупы содержат разнообразные увечья. Наиболее часты крупные раны, оставленные саблей. На сабле найдены свежие отпечатки пальцев хозяина дома. Игорь Строганов является главным подозреваемым. Убедительная просьба сообщить по телефону, указанному ниже, если вы увидите этого человека.

От такого у меня чуть челюсть не отвалилась.

– Чёрт возьми... Как ни печально это говорить, но я оказался прав. Так что, должок за тобой.

– Неужели так сошлось? В одно и то же время, в пределах пары часов, произошло сразу два значительных события.

– А второе какое?

– Ты разве не слышал ночью взрыв?

– Взрыв? От чего?

– Не знаю. Я съездила туда. Пустырь там в несколько километров. Я даже зашла в эпицентр взрыва.

– Как это? Ты с ума сошла?

– Успокойся. Кратер оказался пуст. Что странно. Я думала, что это метеорит.

– Чёрт, Авдотья. Ты же понимаешь, что могла заразиться чем угодно. Лучше проверься.

– Потом. Сейчас есть дела поважнее... Похоже, мне придётся остаться здесь ещё на пару дней. А сейчас я, пожалуй, съезжу по этому адресу.

– Ты собралась в дом, где ночью зарубили 20 человек? Может, хватит столько приключений на одну поездку?

– Не хочу ничего слышать. Я поехала.

Особнячок-то не хилый! Два этажа, украшенных замысловатой лепниной. Во дворе расположен сад с мощёной дорожкой и лавкой. Всё в духе Викторианской эпохи.

Когда я приехала, здание было окружено. Народу было настолько много, что люди не стояли, разве что, друг на друге. И все кричали. Выкрикивали свои вопросы, стараясь перекричать своих оппонентов. Полиция толком не успевала ответить ни на один из вопросов. Попросту теряясь в потоке шума. Я решила, что получать информацию от полиции не особо эффективно. Ведь дан приказ умалчивать о некоторых деталях. Лучше идти напролом.

Я обежала толпу, пролезла под лентой и в полуприседе подобралась к припаркованной полицейской машине. В ней сидели двое, о чём-то разговаривали. Постаравшись присесть как можно незаметней, я прислушалась.

– Чёрт, вот ведь зараза. – сказал один. – 20 человек!

– Ага, это уж точно. – ответил его приятель низким голосом.

– Ты считаешь, убийца – хозяин дома? Мне кажется, всё это... как-то странно... Зачем ему убивать в собственном доме? Да ещё и так открыто, оставлять столько улик... Ведь могло быть так, что все они были в заговоре. Устроили здесь какой-нибудь сатанинский ритуал...

– Кто его знает... Но, так или иначе, Игорь Строганов был вчера в доме во время происшествия. И только он вышел из дома живым.

– Это ещё откуда известно?

– Я поговорил с криминалистами. Все разрубленные тела собрали по кусочкам. И в конце концов оказалось, что одна рука осталась лишней. Опечатки пальцев сошлись с отпечатками Игоря. А тело его не нашли. Значит, он смог уйти. Видимо, с ним боролись. И смогли отрубить ему руку.

– Ужас, просто ужас! Меня щас от одной мысли стошнит!

– Братец, чего это ты? Не привык к подобному ещё?

– Ага... Я ещё не встречался с такой жестокостью. В смысле, не работал с ней.

Я резко вздрогнула от положенной на плечо руки. Сильная ладонь впилась в меня и потянула наверх.

– А ты ещё кто? – грозно заорал поймавший меня полицейский.

– Я... Я... Репортёрша... – язык заплетался и тяжелел.

– Да? И с какого канала?

– Я... Ни с какого... У меня... свой блог.

– А-а-а, блог значит! Ну так, добро пожаловать! Пойдём, передадим вам все материалы. Это, по-твоему, я должен сказать?

– Нет...

– Замолчи! Ты вторглась на оцепленную территорию. Лучше уходи, как можно быстрее. А не то...

– Хорошо, я ухожу...

Мигом пробежав расстояние до ленты, я поднырнула под ней. Отошла в толпу.

Чёрт, чуть не вляпалась... Но, зато узнала интересную деталь преступления. Это уже что-то. Будет, о чём написать в курсовой.

Протиснувшись через толпу, я уже думала идти в мотель. Но вдруг заметила на асфальте какое-то пятнышко бледно-алого цвета. Оно было еле заметно. Я нагнулась, соскрестила несколько частичек пятна ключом от комнаты в мотеле. Высыпав частички на ладонь, я поднесла их к носу, медленно вдохнула.

Среди всех прочих запахов, вроде запаха земли и асфальта, проскользнул слабый запах железа. И больше ничего не

чувствовалось. Похоже, это кровь...

Я подняла голову, увидела такое-же пятнышко на пешеходном переходе. А недалеко от неё прошла целая линия крови. Ага! Вот и зацепка!

Я отправилась по кровавому следу. В некоторых местах след пропадал. Приходилось повилять между улиц. Один раз я чуть не попала под машину, слишком уж увлѣкшись поиском крови. Но вот, я набрела на очень явный след. На уличной лавке был кровавый отпечаток ладони. Значит, я права насчёт крови и нахожусь на правильном пути. Всё дальше и дальше. Улица за улицей. Наконец, след привёл меня к другому двухэтажному дому. Этот был намного меньше. Кирпичный забор был избит со всех сторон так, будто его брали штурмом. Но калитка была открыта.

Войдя внутрь, я застала входную дверь выбитой. Осторожно подобралась к двери, прислушалась. Вроде, никого нет... Значит, можно зайти. Я надела свои любимые перчатки, доставшиеся мне от мамы. В детстве я всегда надевала их, представляя себя детективом. Сейчас, через много лет, они мне пригодятся для настоящего расследования.

В доме горел свет, но не было ни души. Сразу на входе я попала на развилку комнат. Слева был зал, справа кухня. Дверь передо мной вела в прихожую, а затем, рядом с ещё одной дверью, шла лестница на второй этаж. И всё было раскидано, разбито. В стене красовались дыры от пуль. В воздухе чувствовался едкий запах пороха. Я осмотрелась по сто-

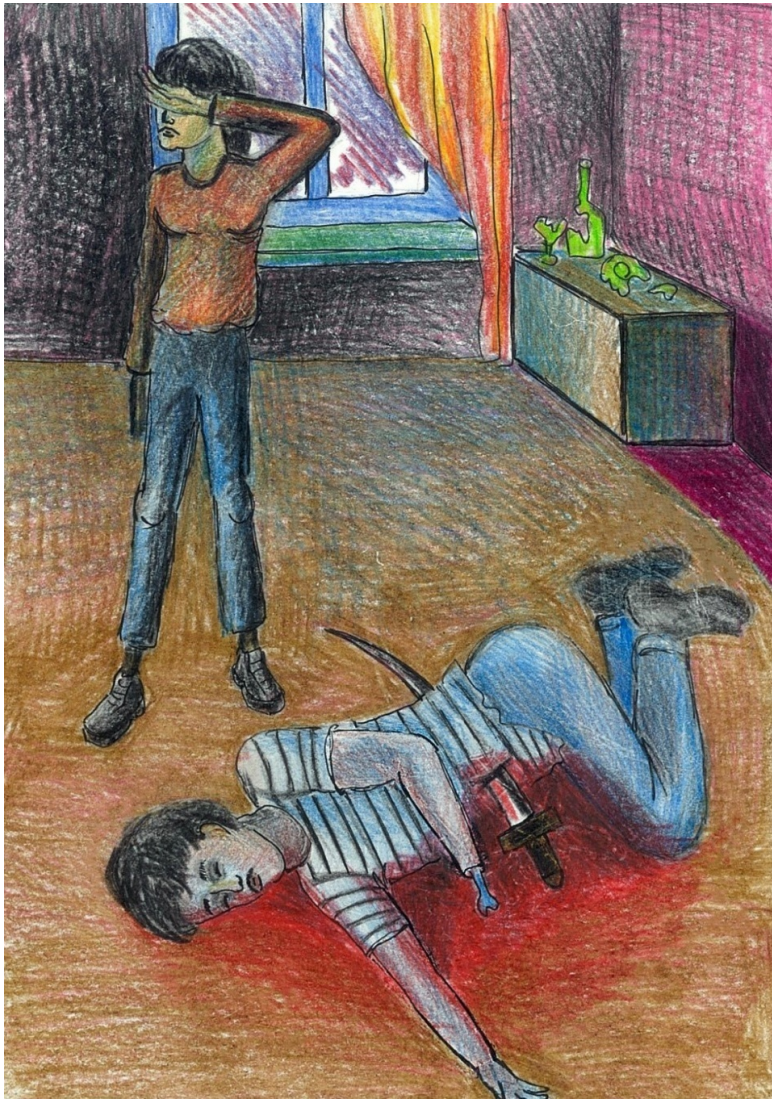
ронам, прошла нижний этаж.

Всё указывало на то, что дом грабили. Неужели, сам Игорь? Как мог он, предположительно, имея лишь одну руку, сразу после убийства двадцати человек, пойти и ограбить дом. Слишком неправдоподобно. Хотя, может у него были сообщники? Но какой вообще мотив?

Просмотрев каждый уголок первого этажа, я стала подниматься по скрипучей лестнице. Здесь выбора было не особо много: всего две комнаты. Прислушавшись ещё раз, я открыла сначала одну – там ничего интересного. Затем вторую...

Открыв вторую дверь, я отдернулась, нагнулась. Закрывает рот руками. Меня чуть не стошнило. В комнате, прямо посередине, лежало бездыханное тело. Всё в крови, синяках, без руки и с саблей в животе. Зажав нос и рот, я переборолась себя и подошла ближе. Тело лежало здесь уже несколько часов. Вокруг него собрались толстые мухи. Свободной рукой я аккуратно убрала его руку с распоротого живота. Затем медленно перевернула его голову лицом к себе. Это... Это же он! Это Игорь Строганов!

Выходит, он убил 20 человек... Потом пришёл в этот дом, хотя хозяином не являлся. Потом дом ограбили, используя огнестрельное оружие. А Игорь покончил с собой. Его, судя по всему, не убили. Либо он пришёл в уже ограбленный дом и покончил с собой от безысходности. Либо ему пришлось вступить в битву и здесь.

Но, будучи не в очень хорошей форме, он не смог дать отпор, был покалечен ещё больше. Дом всё равно ограбили, а ему осталось только проткнуть себя насквозь... Ужас...

Скоро здесь появится полиция. Надо уходить. Сняв отпечатки пальцев Игоря, а также образцы крови, пороха, взяв даже одну гильзу, я вышла из дома. Стала вызывать такси.

Пока набирала номер, столкнулась с мужчиной. Я подняла глаза на его лицо, чтобы извиниться. Но лицо его было очень знакомо. От неожиданности и лёгкого испуга я даже не смогла ничего произнести. Это был тот самый таксист, что довёз меня до места взрыва. Я хорошо запомнила его смуглое лицо и залысину.

– Прошу прощения! – наконец выдавила я.

– Ничего страшного... – ответил он, даже не приглядевшись ко мне. Он легонько дотронулся моего плеча и немного подвинул меня в сторону, чтобы пройти самому.

– Пойдите! А я вас узнала!

– Да? Откуда?

– Разве не помните? Сегодня утром вы подвозили меня к месту взрыва.

– Ах да! Я вас припоминаю... – он почесал залысину, как и в тот раз. Ну и как там. Есть что-нибудь?

– Я так и не поняла, что там произошло. Думала, метео-

рит, а его не оказалось. Зато воронка есть...

– Наверное, метеорит поднялся и убежал. – он улыбнулся.
– Ну ладно, мне пора!

– До свидания...

Он выглядел очень подозрительно. Передо мной будто стоял другой человек. Тот, с которым я говорила тогда, начал бы интересоваться моим здоровьем, как Амир. Сейчас таксист слишком спокойно отнёсся к моему появлению. Будто, со мной ничего не могло произойти...

Он продолжил идти. Я сделала вид, что завернула на другую улицу, спряталась за стеной. Шёл он уверенно и быстро. Я, перемещаясь от стенки к стенке, двигалась за ним. И любопытство моё было вознаграждено сполна. Таксист пришёл прямо к дому с телом Игоря. Оглянувшись и чуть не заметив меня, он нырнул в калитку.

Я подошла к дому, заглянула во двор. Никого. Зато дверь хлопнула. Значит, он зашёл внутрь дома. Но постойте, дверь же была выбита... Как он...

Что же ему там нужно? Я полезла к окнам, стала смотреть в них. Но все они вдруг перестали показывать что-либо. Их будто заклеили или замазали чем-то чёрным. Звуков же не было слышно вовсе.

Я бегала вокруг дома минутами. Но он, видимо, слишком хорошо всё продумал. В конце концов, мне это просто надоело. Я вышла со двора дома и отправилась домой.

По пути я раздумывала о случившемся. Мне впервые довелось видеть труп вживую. Хотя я и помогала отцу с делами об убийстве, слушала разговоры и даже участвовала в них. Но увидеть всё своими глазами, прямо перед собой. И даже дотронуться до человека, который проткнул себя насквозь... Этот факт заставлял меня трестись от ужаса. Даже сейчас меня тошнило.

Нет, так не пойдёт. Я должна выпустить пар, успокоить себя. И простой сигареты здесь не достаточно... Здесь нужен кальян... Пожалуй, мне, всё же, следует послушать совета Зинаиды и сходить в клуб. Слышала, в Казани есть одно заведение, сходить в которое стоит каждому. Клуб «У Эсс Шейкера». Говорят, хозяин там своим танцем может гипнотизировать народ, заставляя их оставаться подольше. Хм, а почему бы и нет? Да, отличная идея! Мне нужно развеяться.

Потратив минут десять на сборы, я вновь вышла из дома. Амир, увидев мой менее закрытый вид, хотел что-то спросить. Но я отмахнулась и прошла мимо. Небольшая поездка, и я у клуба. Его достаточно сложно не заметить. На здании неоновыми лампами освещается красивая вывеска с изображёнными на ней столиками, сидящими и выпивающими людьми, а также с большим подиумом, в центре которого на шесте изображена прекрасная девушка с распущенными волосами. Музыка внутри играла громко. Однако, на удивление, можно было слышать свои мысли и при надобности понять своего собеседника.

Столики были расставлены хаотично. Меня такое немного сбило в толку. У меня закружилась голова. И я, словно магнит, притянулась к стулу. Подошёл милый паренёк. Спросил, что я буду заказывать. Я уткнулась в меню. Так, посмотрим... Если честно, в алкоголе я была не сильна...

– Знаете, я затрудняюсь с выбором. Можете что-нибудь предложить?

– Я знаю, что тебе необходимо. – влез в диалог светловолосый парень, сидящий за соседним столом в компании своих друзей. – Попробуй текилу.

– Ну хорошо, – пожала плечами я, – текилу, пожалуйста.

Официант кивнул и удалился. Я осталась сидеть неподвижно, ощущая неловкость от явных взглядов со стороны компании. Они поглядывали, потом перешептывались. Наконец я не выдержала.

– Что такое?

– Прости. – сказал светловолосый. – Просто... Твои глаза. Будто, кошачьи. Кажется, что они светятся в темноте.

Я вдруг неожиданно для самой себя поменяла отношение к своим глазам. До этого их яркость казалась мне чересчур приторной и выделяющейся. Казалась мне пятном на моём теле, облачённом в тёмные цвета. Тёмные волосы, чёрная и

тёмно-серая одежда, тёмно-бордовая помада... И ярко-зелёные глаза...

А сейчас я увидела ситуацию под другим углом. Оказывается, такие «кошачьи» глаза являлись довольно символическими для профессии моей мечты. Я, будто кошка, пробираюсь сквозь тьму, наведённую неведением. И разрешаю таким образом самые сложно запутанные загадки.

– Спасибо! – ответила я.

– Слушай, не хочешь присоединиться к нам? Я оплачу напиток.

– С чего бы такая щедрость?

– Как же? Напоить тебя хочет. – вмешался друг щедрого парня. – Потом в постель затащить. Ну а дальше сама знаешь...

Компания рассмеялась. Светловолосый даже не улыбнулся. Он покраснел, сильно ткнул друга в плечо.

– Придурки... – буркнул он.

– Да ладно, мы же шутим! – похлопала его по запясти сидящая напротив девушка с тёмно-каштановыми волосами.

– Не смешно!

– Слушай, как тебя зовут? – обратился ко мне шутник.

– Авдотья.

– Хорошо. Авдотья, садись уж. Видишь, парню неловко?

Я улыбнулась.

– Хорошо, сажусь.

– Прекрасно... – обрадовался шутник. – А ну подвинь-тесь!

Я перебралась за их столик, села рядом с блондином.

– Познакомимся... – сказал он. – я Артём. Этот «остроумный» шутник – Кирилл. Это Юля, – показал он на девушку с каштановыми волосами. – Вот ещё Володя, Сеня и Ева.

Я кивнула каждому из компании, пожав им руки. Получив свою текилу, я вступила в долгий и, на удивление, интересный разговор.

Мы говорили, смеялись, выпивали. Спустя какое-то время у меня начала немного кружиться голова. В то же время на меня свалилась сильная эйфория. Тело так и просилось в танец.

– Ребята! Давайте танцевать! Ну же, парни!

– Только если Ева согласна. – заявил Сеня, – Я без неё, хе-хе, не танцую.

– Знаешь, а давай потанцуем... – облокотилась на него Ева.

– Юль?.. – Кирилл бросил на девушку быстрый взгляд.

– Согласна... – не дала ему закончить Юля.

– Отлично, – улыбнулся Кирилл. Артём, бери Авдотью в охапку, и живо на площадку! А ты, Володя... Живей ищи себе подружку и догоняй.

– Не-е... – покачал он головой. – Ты ж меня знаешь... Я пытаюсь восстановить отношения со своей бывшей. К тому же, я не люблю танцевать в паре. Поэтому пойду в одиночку... И взорву танцпол...

Артём робко глянул на меня. Мне тогда не нужно было особого предложения. Я схватила его за руку и сама потянула из-за стола.

Помимо платформ для стриптиза в клубе «У Эсс Шейкера» была площадка для танцев. Она находилась в отдельной комнате, чтобы не мешать шумом основному залу. Народу здесь было меньше. Ясное дело. Как-никак, танцы – последнее, чем можно было бы себя развлечь в данном заведении.

Кирилл и Юля энергично танцевали. Сеня с Евой старались не отставать. Володя со своими движениями превосходил всех четверых вместе взятых. У нас же всё начиналось с азов. Танцевать Артём особо не умел. Поэтому пришлось дать ему небольшой урок. Словив какой-никакой ритм, Артём начал выдавать нечто похожее на танец. Меня такая неловкость позабавила. Танцуя с ним, я скоро заметила, что сама начала невольно подражать его движениям.

Спустя некоторое время это заметила вся наша весёлая компания. Они начали заглядываться на нас, подсмеиваться. Я лишь рассмеялась, махнула на них рукой и уже нарочно начала двигаться ещё более нелепо.

Музыка сменилась на романтическую. С необъяснимой лёгкостью я вышла из очередного нелепого движения и пронеслась вперёд. Но вдруг почувствовала, что ноги меня не держат. Я пошатнулась и начала падать. Благо, меня поймал Артём. Я расплылась в улыбке, обняла его за спину, положила голову на его грудь. И закрыла глаза.

Пока играла музыка, я не думала ни о чём. Мы с Артёмом застыли в объятьях, лишь иногда переступая ногами в такт музыке.

Затем мы выехали на квартиру Кирилла. Там было проведено ещё много времени. И скучать нам не пришлось. Мы пили еще больше, чем в клубе. Даже пробовали смешивать разные напитки. Благо, выбор у Кирилла был богатый. Парни рассказали, что они являются Упырями. Что бы это ни значило...

Сидели до трёх ночи. Лишь тогда, заскучав, некоторые сказали:

– Ладно, круто посидели! Пора ложиться.

– Ложитесь, – рассмеялся Кирилл, – а мы с Юлей, пожалуйста, продолжим вечеринку. Несколько в другой обстановке...

– Придурок... – улыбнулась Юля.

– Артём, покажи Авдотье спальню. Любую свободную.

Сам тоже ложись, где хочешь...

– Да, Тём... От-отведи меня в... Ик! Спальню...

– Хотя... Думаю, я знаю, где ты ляжешь. – усмехнулся Кирилл, глядя на Артёма.

– Так значит, ты состоишь в банде?

– Не то чтобы в банде. – наклонил голову Артём. – Это, скорей, организация. Просто, ставит себя она выше закона.

– И что, бывают проблемы? С законом.

– У нас? Редко. Лидеры Упырей обещают всё устаканивать. И у них, пока что, получается. Так что бояться нечего.

– Какой ты уверенный... – я облокотилась на его плечо.

– Да брось ты! Уверенности тут лишней и не надо. Всё работает, как часы. Тем более, за что меня наказывать? Ну или, допустим, Кирилла? Мы ничего такого не натворили. Пользуемся своим положением, чтобы с большим успехом продвинуть свой бизнес. У нас фирма по отделке санузлов. Я считаю, это неплохое вложение средств, конкретно для наших предводителей. Жаль, что большая часть Упырей не разделяет моих взглядов. Среди нас есть такие индивиды, которые ежедневно грабят кого-то, устраивают драки, погромы, просто очень шумные вечеринки. И потом их нужно от-

мазывать. Ведь они тоже Упыри. Тоже важные гости банкета. Как и мы. Забавно, не правда ли?

– Ты... Такой милый... – я обняла его за шею.

– Авдотья, ты пьяна. Ложись спать.

– Но ведь я не... Ик! Хочу...

– Надо, надо.

Он вылез из объятий, удобней уложил меня на кровати, укрыл одеялом. Подойдя к двери, он выключил свет, бросил на меня последний взгляд и вышел, прикрыв дверь.

Я совершенно не хотела спать, но его слова звучали для меня, как закон. И я запретила себе нарушать его. Закрывает глаза и постаралась заснуть, как можно скорей.

Я нашла достойного парня. Подумать только! Всего-то, следовало послушать совет подруги. Зинаида, спасибо!

Мы начали встречаться еженедельно. Иногда – два раза в неделю. Я, конечно, хотела бы видеть его еще больше... Но он весь погружен в работу. Его фирма требует слишком много времени. Но и тех встреч мне хватает. Я рада любому моменту, проведенному с ним. Единственный минус, который я в нём нашла – то, что он любит рассказывать об Упырях. Мне, конечно, как детективу, интересно узнавать о криминале, но... Он часто затрагивает тему Упырей, не разделяющих его взглядов. И это иногда наводит скуку...

Помню, мы решили погулять поздно вечером. Пройдя по набережной, мы присели на лавочке...

– Предлагаю сходить в клуб Эсс Шейкера. – сказала я.

– Нет, лучше нам туда не ходить. – сказал он. – По крайней мере, не сейчас.

– Это ещё почему?

– Нас предупредили. Одна группа Упырей решила ограбить Эсс Шейкера.

– Чёрт, правда? Но это же наше любимое место встреч!

– Да, именно. Но, к сожалению, хозяин клуба не согласился сотрудничать с Упырями. Мы с друзьями пытались помешать грядущему нападению, подталкивали людей отговорить грабителей. Но кто нас послушает? Мы ведь просто потенциальные спонсоры Упырей. Совершенно незначительное звено системы...

Я тяжело вздохнула.

– Милый, не расстраивайся. Не настолько это и важно...

Мы найдём другое место для встреч.

– Да, найдём... Просто, так обидно...

– Это пройдёт. Вот увидишь.

– Тогда... Может сходим в кино?

– Прости... – подумав секунду, извинилась я. – Я совсем забыла. Записалась к врачу. Что-то голова кружится. Помнишь, три месяца назад был неизвестный взрыв? Говорят, это падение космического тела. Видимо, на меня это как-то

повлияло.

– Я могу сходить с тобой.

– Нет, не стоит.

Я бежала, как могла. Не было времени вызывать такси, ловить машину или садиться в автобус.

Недалеко послышался взрыв. Забежав за угол, я наконец увидела клуб «У Эсс Шейкера». Чёрт, опоздала! Вход в здание был разрушен. Из образовавшейся дыры валил толстый чёрный клуб дыма. Я подошла ближе. Внезапно, изнутри послышался стук, будто удар молотка. Я заглянула в окна, но их будто снова замазали чёрной краской. Дым частично рассеялся, стал светлее. Но всё равно не позволял видеть происходящее внутри. А я точно знала: внутри что-то происходит. Задержав дыхание, я принялась прислушиваться. Внутри шёл разговор. Но о чём? Я различила лишь «Эсс Шейкер», «шахид», «гетто». Что это может значить?

Спустя пять минут голоса пропали. Здание молчало. Неожиданно, с заднего двора выехала чёрная машина. Стёкла не тонированные. Значит, это не Упыри. За рулём сидел знакомый мне человек – владелец клуба, Эсс Шейкер. Так значит, он жив! Он, должно быть, был на заднем дворе. Может, там ещё остался кто-нибудь. Скорей всего, им не помешает помощь.

Я успела проскользнуть сквозь закрывающиеся ворота во двор, обошла здание. На удивление, из черного хода дым не

шёл. Я набралась смелости, достала из сумки влажные салфетки и, приложив их к носу, вбежала в здание.

– Что?! – ахнула я.

Внутри, вместо ожидаемой мной курительной комнаты, я застала чистый зал, без единого намёка на пожар. Невероятно, как дым успел выветриться так быстро? И, неужели нет ни одной жертвы этого теракта? Я ведь не спускала глаз со здания. Никто не мог выйти незамеченным. А здесь будто никого и не было. Странно это всё...

Я пришла в мотель. Зашла в свой номер. Настенная картина быстро слетела на пол. Вместо неё была прибита только что купленная пробковая доска. К доске я начала прикреплять кнопками записи, фотографии. Затем я провела через кнопки красную нить. Так делал мой отец, когда обдумывал детали расследования и пытался связать всё воедино. Пожалуй, я позаимствую у него этот метод...

Надо подумать насчёт клуба. Ведь Упыри никогда не устраивают терактов. Это слишком, даже для них. Неужели, здесь был кто-то ещё? Да и вообще... За такой небольшой отрезок времени в Казани произошло слишком много событий. Это просто не может быть совпадением. Скорей всего, это действия новой террористической группировки, или «гетто» – кодовое название какой-нибудь операции.

Значит, стоит следить за новостями. Если я права, вскоре

должны произойти новые события. Ну и Артём, как надёжный язык, мне в этом поможет. Будет доставать интересную информацию из переговоров Упырей. И, сам того не подозревая, окажет неплохую услугу.

Время шло. Я просмотрела все новости об уже прошедших событиях. Полиции не удалось найти что-то новое. Они не нашли даже того, что нашла я. Ясное дело. Ведь всё самое интересное происходит как раз во время события, а никак не через час, когда улики спрятаны, следы смыты и свидетели разбежались. Здесь нужно быть уведомлённым заранее. Тем более, это оправданно в настоящее время. Даже я, находящаяся у здания через минуту после теракта, простояв там немалый отрезок времени, так ничего не добилась. А от улик будто избавились заранее.

На время всё утихло. За несколько месяцев не было никаких происшествий, никаких зацепок. Разве что, новость о побеге из тюрьмы трёхметровой накаченной девушки. Это, безусловно, заслуживает внимания. Но я не смогла связать побег с общей чередой событий. И, решив взять небольшой перерыв, я начала заниматься собой. Вернулась в Питер, продолжила учёбу. Провела много времени с Артёмом.

Он, кстати, уже стал надоедать. Была в нём какая-то слабость... Не было энтузиазма. Он часто замыкался. Не хотел проявлять инициативу. А разговоры наши мало-помалу стали похожи на диалоги соседей, встретившихся в лифте. Почти полностью они состояли из: «Как дела?», «Что нового?»

и так далее...

Лишь иногда он заводил беседы о делах. Но и тут, он лишь ныл про несправедливость привилегий Упырей. Про то, как ему сложно поднять бизнес. Как будто, можно было ожидать другого. Ожидать, что в подобной криминальной организации все будут уважать именно бизнесменов. В реальности всем плевать.

И, однажды меня это просто довело. Артём в очередной раз завёл разговор о величайшей несправедливости. О том, как она привела к ужасным последствиям. Ночью должен был состояться общий сбор Упырей, связанный с массовой пропажей людей. Несколько групп Упырей будто испарилось. И Артём считал это своего рода расплатой за всё совершённое. Долгое время рассуждал об абсолютно неинтересных вещах. Наконец, я не выдержала.

– Послушай, Артём...

– Да?

– Я думаю, что нам нужно сделать перерыв...

– Перерыв? Хорошо. И правда, лучше передохнуть. А то я заговорился... Может, по стаканчику кофе?

– Нет, я имею в виду... Перерыв в отношениях.

Он уставил глаза прямо на меня.

– К-Как? Зачем?

– Прости, но... Я устала. Ты слишком много ноешь.

– Я ною? Когда это?

– Постоянно. Про всю эту несправедливость. Про то, какой ты несчастный. Ты уже и сам не замечаешь...

– Но ведь...

– Просто признай. И поработай над этим, прошу! А пока, сделаем перерыв.

– Нет, не нужны мне одолжения. Если тебе что-то во мне не нравится, это твои проблемы.

– Ну тогда, прощай...

– Прощай.

Я покинула его в молчании. Зато в мыслях у меня всё переливалось. На душе была необъяснимая радость. Будто, гора с плеч. Не придётся больше слушать эти унылые лекции...

Однако, меня завлекла новость об общем сборе Упырей. Там точно должна проскользнуть какая-либо интересная мысль, которая будет иметь свои последствия. Поэтому я отправилась в мотель для подготовки.

Ночи я дожидалась в одиночестве, с чашкой кофе, рассматривая все добытые зацепки. Мне нужно было освежить память, чтобы заострять внимание на определённых вещах во время подглядывания за сбором. Наконец, наступила ночь. Помывшись, переодевшись и выкурив сигарету, я поймала такси и отправилась к химическому заводу за городом.

Артём Давлетшин

– Простите, парни. Немного опоздал. Ещё не началось?

– Нет, ещё ждём некоторых. – Кирилл окинул толпу взглядом.

– Ну естественно! – буркнул Сеня. – Какие молодцы: переносить сбор на два часа раньше, да ещё и в самый последний момент.

– Да ладно вам! —возразил Володя. – Уже все пришли. Всё, тихо! Начинается!

Толпа замолкла от одного слова Августа Драмцева. Его боялись все и каждый. Я, в том числе. Но ненавидел я его больше. В основном за то, что именно он является лицом группы Упырей-беспредельщиков. Именно его злобности подражают, становясь дебоширами, о которых я так много рассказывал Авдотье...

Чёрт, и зачем я вспомнил её именно сейчас? Эту глупую дурочку, желающую лишь веселья. По её мнению, я скучен. А должно ли быть иначе? Я сам, следуя своим принципам, избрал путь бизнесмена. И у меня мало времени на развлечения. Более того, чем больше мой успех, тем меньше времени у меня будет. Таково бремя делового человека. Я то думал, что нашёл идеальную пару. Человека, который способен осознать мой жизненный путь и помогать мне в нём. Но, как вижу, я ошибся. Впредь не буду приглядываться к первым встречным...

Все мы слушали внимательно. Хойт рассказывал об опас-

ности, нависшей над Упырями. В конце концов Максим объявил, что всем нам нужно выбрать: навсегда уйти из группировки или остаться, но отказаться от многих благ, вроде семьи, отношений. Оставшиеся будут перегруппированы для борьбы с угрозой, чтобы предотвратить пропажу людей. Народ начал шептаться. Наша компания, в том числе.

– Ну что, пошли скажем, что мы готовы остаться? – сразу спросил Кирилл.

– Да, пойдём. – без колебаний ответил Сеня.

– Эх, придётся отложить воссоединение с моей бывшей. – раздосадовано заявил Володя. – Но, чем быстрее закончим эту борьбу с неизвестностью, тем лучше.

– Пойдите! – сказал им я. – Вы уверены? Сейчас ведь начнётся небывалый хаос. Все Упыри будут вынуждены следовать четким указаниям. А это уже не свобода... Это... армия. Во всеми её минусами.

– И что?

– Как «что»? Мы будем загружены приказами. У нас попросту не останется времени на бизнес! К тому же, при новом устройстве Упырей всё будет крутиться вокруг всеми нами нелюбимого Августа Драмцева и его методов.

– Ну, вообще-то... Нелюбимого лишь тобой... – исправил меня Володя.

– Соглашусь с Володькой, – кивнул Кирилл, – мы давно думали, стоит ли тебе говорить... Но, видимо, придётся...

Мы не особо-то против методов и последователей Августа. Не видим в них угрозы нашему бизнесу.

– Да и, на самом деле... Не много то и выгоды в нашей затее. Стоило давно забросить это дело и наслаждаться дарами Упырей.

– А чем мы до этого занимались? – возмутился я. – По-вашему, использовать связи для раскрутки бизнеса – не наслаждение дарами Упырей? С их помощью мы смогли поднять дело из ничего. Упыри дали нам стартовый капитал. Это и так немалая халява. А вы считаете, что недостаточно получили?

– Другие получают большее за меньшие усилия. Просто принимая предложения в отмазке от суда. И действуя методами Августа.

– Вы... Вы... Тупые ленивые халявщики!

– Поосторожней, Артём. – погрозил Кирилл. – Мы – твои единственные друзья. И если честно, в одиночку бизнес ты не удержишь. Ну не выйдет у тебя! А других друзей тебе не найти. Новые знакомства ты заводишь исключительно с нашей помощью. Даже эту... Авдотью. Не будь нас, ты бы начал нести полную чушь. Ну или рассказывать о своих сложностях... Слушай, она так тебя и бросить может...

– Мы... Уже расстались. Сегодня...

– Что и требовалось доказать. – он похлопал меня по плечу. – Послушай, друг. Не думай, что мы хотим тебя высмеять или оскорбить. Мы пытаемся дать совет. Совет, как по-

ступить, чтобы прекратить существование неудачника. Поэтому, бросай всё. Пошли с нами. Видишь, сколько людей уходит? Глянь на них, на этих трусов. Только подумай: когда всё закончится, мы все станем элитой Упырей и вместе поднимем такое предприятие, о каком ты и не мечтал. Клянусь тебе!

– Я... Не знаю...

– В жизни каждого мужчины возникает момент, когда нужно сделать сложный выбор. Главное в таком случае выбрать правильно. Чтобы потом не жалеть. Давай, Артём. Докажи, что ты не неудачник!

Я набрал полную грудь воздуха, поднял голову и, вздохнув, ответил:

– Ну хорошо. В твоих словах есть смысл. Я с вами, друзья.

– Прекрасно. Значит, пойдём.

Авдотья Григорьева

Странное место для собрания криминальной группировки. Подходит лишь, разве что, большой территорией. Но я наслушалась историй о непредсказуемости Упырей. И, если они были не преувеличены, я бы держала эту толпу подальше от всего, что может принести огромный ущерб окружающей среде. Достаточно одного неадеквата, который начнёт палить в разные стороны, и случится авария. По округе распространятся сотни тонн ядовитых веществ.

Вокруг не было ни души. Даже со стороны завода не доносилось ни одного звука. Неужели такая хорошая звукопроницаемость?

Я подошла ближе, встала прямо у входа. Огромные железные ворота казались неприступными. Если бы ни одно «но». Они были приоткрыты. С усилием подвинув створу, я создала достаточно широкую щель. Заглянуть внутрь теперь не составило труда.

Что за чёрт? Внутри никого. Но ведь здесь, по ощущениям, самое большое пространство для размещения толпы. Странно это всё...

Я пролезла сквозь щель, пошла в другой конец зала. Было не слишком светло. Ярче всего светил лишь экран ноутбука, подключённого к проектору. Значит, собрание всё-таки состоялось. Неужели я опоздала? Артём ведь сказал, что собрание состоится именно в этом часу... Может, перенесли? Кто знает...

Я насторожилась. Вряд ли хозяин будет уходить с завода, оставив монитор и некоторый свет включенным. Да ещё и вовсе не закроет завод... Нет. Либо я здесь не одна, либо что-то произошло. В любом случае, оставаться здесь долго я не хотела. Поэтому залезла в ноутбук, покопалась в открытой презентации. Она выглядела не в стиле Упырей. Состояла из кучи текста. Картинок почти не было.

Среди текста вдруг проскользнуло слово «гетто», точнее, «Татар Гетто». А далее был план по нахождению группиров-

ки, которая, видимо, так и называется – Татар Гетто. Говорилось о некой Материнской лаборатории. Был даже указан адрес, а также написано, что у Упырей имеется ключ от лаборатории. На столе лежал один. Возможно, тот самый. Вот это да! Мне очень сильно повезло. Завтра же отправлюсь по этому адресу. А сейчас надо убежать, как можно скорей.

Подумать только. Возможный ответ на вопросы таился совсем недалеко от меня. Материнская лаборатория, если верить презентации, находилась в одном квартале от мотеля. И я спокойно, насвистывая мелодию из песни, слов которой не помню, прогулялась по белоснежной улице. Падающие снежинки блестели на солнце.

По данному мне адресу находились гаражи. Что странно, один из них был отмечен, как дом со своим номером. На его двери висел замок. Я, сначала, просто подёргала его, потом достала ключ и попробовала вставить. Подошёл! Неужели всё так просто?!

Внутри оказался спуск вниз. Аккуратно пройдя по склону, я оказалась в большом помещении, являющемся подземной парковкой. Прямо передо мной находились навороченные железные двери. Их я попыталась толкнуть, раздвинуть, прикоснуться к ним, ожидая, что они разъедутся сами. Но ничего не произошло.

Вдруг дверь в гараж закрылась. Я оказалась в кромешной тишине. От страха я даже всхлипнула. Стала ещё сильнее биться в дверь. Сначала во внутреннюю, потом в первую, га-

ражную. В темноте послышалось шипение. Воздух стал сладким, убаюкивающим. Меня потянуло в сон. Тело стало тяжёлым. В конце концов я облокотилась на стену и медленно сползла на пол.

– Авдотья! Очнись! Пора вставать! – протянул незнакомый голос.

– Что? Что случилось? Где я?

– Ты добралась... Добро пожаловать в Материнскую лабораторию.

Все признаки сна словно рукой сняло. Я вскочила.

– В Материнскую лабораторию? Так значит, вы?

– Татар Гетто. – сказал стоявший у стены, со скрещенными на груди руками, мужчина. На его лбу красовался огромный шрам.

Я оглянулась. Вокруг сидело еще четверо. Передо мной – тощий парень в очках. Справа сидели двое: Эсс Шейкер и его помощница. У дальней стены стояла трёхметровая накаченная девушка. Подумать только: та самая, которая сбежала из тюрьмы. Её побег тоже был связан со всем остальным. А я этого не заметила...

– Что вам нужно? У меня ничего нет. – жалобно сказала я.

– Нам нужна ты.

– З-Зачем?

– Хотим, чтобы ты сотрудничала с нами. Ведь ты отличный детектив. Никому ещё удалось выйти на нас.

– Кроме Упырей. У них на заводе была информация о вас.

– Да, знаю. Это мы её оставили. Специально для тебя.

– Серьёзно? То есть, Упыри подчиняются вам?

– Нет. Упыри были проблемой для всей России. Поэтому мы внедрились в эту группировку и распустили её. Ну а наши координаты мы оставили, так как знали, что ты явишься.

– Отлично. Как мило. – осмелилась сострить я. – Только, вам не кажется, что оставлять информацию там – не очень хорошая мысль? Ведь на вас сможет выйти полиция.

– Не сможет. Мы уже всё убрали.

– Как видишь, мы предусмотрительны. – засмеялся Эсс Шейкер.

Я одобрительно кивнула.

– Так значит... Вы тоже криминальная группировка? Или что-то вроде того?

– Нет. У нас другие цели. Мы несколько более амбициозны.

– Ой... Да хорош интриговать! – возмутился мужчина со шрамом. – Мы готовимся к захвату власти. Хотим взять страну под контроль, так как не довольны нынешним поло-

жением дел.

– Да, спасибо, Гробовщик... – саркастично кивнул тощий.

– Гробовщик? – я немного испугалась.

– Долгая история. – кратко ответил мужчина.

– Забыл. – тощий парень аж подпрыгнул на месте. – Нам нужно познакомиться. Я Очкожуй, но в свободное от «работы» время можешь звать меня Алексеем. Это Гробовщик. Эсс Шейкера ты, наверное, уже знаешь. Это – его помощница, Татар Гёрл. По имени – Настя. Там вон Александра, – показал он на трёхметровую девушку, – или Качок. А это Идина, ну или Пустошь.

Он показал рукой куда-то в сторону.

– Идина! Ну куда ты делась?

– Я здесь, просто кольцо натёрло. – ответил голос из ниоткуда.

– Что за чёрт? – автоматически выдала я.

– Да всё в порядке. – ответил голос.

Вдруг из воздуха появилась темноволосая девушка в облегающем костюме наподобие термобелья. В миг появления она держалась за серебряное кольцо.

– Пустошь невидима. Это результат советских экспериментов. – пояснил Очкожуй.

– Вау... Ну у вас и компания. Но всё же, вам не кажется, что у вас ничего не выйдет? Без обид, но... Владелец стрип-клуба, девушка на стероидах, Гробовщик... Каким образом вы планируете захватить власть? Неужели, лишь при помощи Пустоши? Да и вообще... Кто придумал все эти псевдонимы?

– Хе-хе... Начнём с того, что, будь ты в плену у каких-нибудь террористов, за такое высказывание они бы уже тебя жестоко наказали. Тебе повезло. А теперь о псевдонимах. Их придумал Шак'Хид.

– Шахид? Террорист?

– Нет. Не шахид, а Шак'Хид. Есть разница. Это не террорист, это...

– Это я. – заявил вошедший в комнату мужик. На этот раз вспомнила я его моментально. Это же тот самый таксист... Который подвозил меня до места взрыва... Который столкнулся со мной у дома, где покончил с собой Игорь Строганов...

– Вы?

– Я. – кратко бросил он с довольной улыбкой.

– Так значит, вы пасли меня всё это время?

– На самом деле, нет. – сказал тощий. – Мы обратили на тебя внимание лишь тогда, когда Шак'Хид столкнулся с тобой во второй раз.

– Ясно... Но всё-таки, я не пойму. Как вы собираетесь захватить власть? И, неужели, я так для этого важна?

– Важна, безусловно. Но у нас есть главный козырь. – Шак'Хид.

– И что в нём та...

Шак'Хид вдруг рассыпался в песчинки. Затем песок обратился в туман. Туман заледенел, упал на пол и разбился. Из осколков вверх поднялись струи неизвестной жидкости. Они обвивали друг друга, становились толще. Вскоре получилась форма человеческого тела. В секунду с ног до головы форма залилась цветами, вернув таксиста в прежний вид. Но затем форма лица стала меняться, и в его лице я увидела отражение своего. Зрелище повергло меня в шок.

– К-Как... Как это возможно?..

– Потом объясню. Ну так что, не хочешь к нам присоединиться? Так сказать, разнообразить свою жизнь...

Я потёрла потный лоб. И задумалась. Компания ждала моего ответа в тишине. Подумав минуту, я наконец заявила:

– Хорошо. Только прошу, не давайте мне глупый...

– Прекрасно, – перебил Шак'Хид. Теперь ты... Зеленоглазка!

– Фух... Не так уж и плохо...

– Именно. – гордо задрал нос таксист.

– Итак, Зеленоглазка. – сказал Очкожуй. – Теперь ты в

Гетто. А значит, должна вникнуть в наши планы. Сегодня вечером у нас вечеринка. Там будут все. И тебя мы ждём не меньше. А завтра мы будем обговаривать детали.

– Подожди... Сегодня вечером? Но ведь это вечер перед Новым Годом!

– Так и есть. Я думаю, будет символично встретить его вместе. Таким образом, мы сможем лучше познакомиться и сговориться.

– Но... Это так неожиданно... У меня, ведь, были другие планы...

– Никаких отговорок, Зеленоглазка. – он с улыбкой помотал головой. – Ни-ка-ких!

– Ну, как тебе? Нравится? – спросил Очкожуй, остановив меня в центре квартиры.

– Нет слов... Вот это квартирка...

– Что я говорил? Три этажа. На высоте сотни метров. Плюс к тому, здесь есть все удобства. От панорамного балкона до танцпола со стойкой ди-джея.

– А что означают эти слова? – указала я на подвешенный над лестницей на второй этаж плакат.

– А, это... Наш лозунг. «Tremens. Aeternum.», – что в переводе с латыни означает «Ужасный день. Вечная жизнь.» Лозунг говорит о том, что наша работа будет далеко не лёг-

кой. А порой, даже ужасной. И, имея Шак'Хида и его исцеляющую кровь, наша жизнь может продолжаться вечно. Таким образом, мы будем вечно служить людям и нести за собой прогресс, преодолевая всё большие трудности.

– Интересно...

– Да, благодарю.

– Так значит, это теперь наша штаб-квартира?

– Формально да. Но все-таки, сама понимаешь... Лучше никому не говорить о своей реальной базе. Так что о Материнской лаборатории ни слова!

– Поняла.

– Ну и отлично.

– Ага, вот и ты! – воскликнули спускающиеся по центральным ступенькам... Как мне теперь их звать? Сотрудники? Коллеги?

– Так, с кем я ещё тебя не познакомил? – суетливо затараторил Очкожуй. – Всю Великую Восьмерку ты уже знаешь. Теперь, познакомься: это Катрен Сандр, набирающий популярность политический деятель. Для тридцати лет добился многого: получил два высших, выучил три языка, а также разобрался в мировой политике, как в своих пяти пальцах. Это Педро Бужардини. Итальянец. Особо в его историю углубиться не смог, но у него есть явное преимущество.

– Стреляю из любого оружия. С любого расстояния. В кого угодно. И всегда попадаю в цель. – похвалился Педро, протянул мне руку. – Очень приятно, Зеленоглазка!

– Да-а... Приятно... И мне тоже...

– Ну а это – Лэнс Факс. Английский бизнесмен. Планирует использовать наши технологии ради произведения разнообразных благ для народа.

– Рад знакомству! – протянул руку Лэнс. В его речи прослеживался сильно заметный английский акцент.

– Я тоже рада.

– Ну что, начнём нашу вечеринку? – задал риторический вопрос Очкожуй.

Музыка заиграла. Квартиру озарили разноцветные огни. До Нового Года оставались считанные часы. И я не пожалела, что потратила их именно здесь.

– Вы правда этого хотите? – озадачено спросил нас Гробовщик. – «Нектар жизни» – это не просто крепкий алкоголь. Он нарочно обжигает полость рта, чтобы сделать её более чувствительной.

– Так почему бы не попробовать? Это ведь принесет вдвое больше удовольствия!

– Да, но останутся ожоги. К тому же... Напиток сильно опьяняет.

– Дай хоть мне попробовать. – сказал Шак'Хид. – Со мной уж точно ничего не произойдёт.

– Я тоже, пожалуй, рискну. – заявил Эсс Шейкер.

– Налей и мне. – подвинула к нему пустой бокал Качок. –

После всего допинга, пропущенного через меня, такое вряд ли что-то со мной сделает.

– Я воздержусь. – отрезала Татар Гёрл, подталкиваемая Эсс Шейкером.

– Сделай и мне. – влез Педро Буджардини. – Два бокала.

Для Зеленоглазки тоже.

– Что? Нет! Я не хочу...

– Davvero? Не представляю, как можно отказаться выпить

с таким горячим парнем.

– Уж представь, можно...

– Я так не думаю. – он подвинул бокал «Нектара жизни»

к своим рукам. – Ведь выпить со мной хотят... нет, не хотят.

Мечтают! Выпить со мной мечтают многие.

– Интересно, почему? – улыбнулась я.

– Людей не может отпустить моё обаяние.

– Да уж, обаяния тебе не занимать.

– Ага! Я понял, в чём дело! Понял, почему ты сомнева-

ешься. Ты просто еще не слушала мою историю.

– Ты берегись! – захохотал Гробовщик. – Он ведь тебе все

уши прожужжит. Не отвяжешься.

– Пожалуй, всё же рискну. – решила я.

– Аha, eccellente! Тогда сядем где-нибудь...

Эсс Шейкер

– Лэнс, можно задать вопрос, как бизнесмен бизнесмену?

– Конечно, можно...

– Спасибо. Итак, в какие именно технологии ты хочешь вложиться?

– Отличный вопрос. Знаешь ли, с детства я удивлялся тому, как работают магниты. Как одной стороной они отталкиваются, другой притягиваются. Я стал их изучать. И понял, что с помощью магнитов можно сделать почти всё что угодно. Будущее за магнитами! И когда со мной связалось Татар Гетто... Когда я увидел, на что способен Шак'Хид... – он сделал паузу. – Меня просто осенило!

– Не очень-то понимаю...

– Как ты знаешь, Шак'Хид может принимать любую форму. Так как его атомы могут менять свой элемент. Для нас он может выступать, как живая продвинутая лаборатория.

– Ты хочешь его использовать?

– Пойми меня правильно. Шак'Хид может создавать в себе такие соединения, такие полимеры и металлы, получить которые просто невозможно с нынешними технологиями. И, я считаю, его помощь очень кстати. Ему не составляет труда сделать такую мелочь. А для нас это непосильный труд.

– Логично. – я хлебнул «Нектара жизни» и поморщился.

– Хорошо, что ты меня понял. – Лэнс сделал глоток вина. Попробовать коктейль Гробовщика он не решился.

– Но, что ты подразумеваешь под «почти всем»? Что именно ты планируешь производить?

– То и подразумеваю. Почти всё: транспорт, умную одеж-

ду, роботов. Не будет, разве что, еды. Ведь, если Шак'Хид даст мне... Подожди... Я тут подумал. Ведь Шак'Хид может не давать мне мощные магниты каждый раз, когда я попрошу. Ему достаточно дать материалы на специальное оборудование. А затем я буду производить мощные магниты самостоятельно.

– Прекрасная мысль! Предлагаю за это выпить!

– Поддерживаю.

– За тебя!

– За будущее!

– За магниты!

Зеленоглазка

Музыка приятно обволакивала ушные раковины. Наконец почувствовалось послевкусие «Нектара жизни». Неожиданно стало очень весело. Прямо как в тот раз, в клубе Эсс Шейкера. Но здесь я не была опившейся до беспамятства. Такие ощущения всего от одного бокала. При том, тело я ощущала в полной мере. Меня не шатало, глаза не расплывались. Вот это да!

– Ну что, ещё глоток? – наклонившись ко мне, спросил Педро.

– А давай!

– На брудершафт! В этот раз, тост в твою честь!

Я хихикнула, кивнула. Он обвил мою руку своей, и мы

осушили свои бокалы. Рот снова обожгло. Захотелось чем-то запить. Чем-то холодным. Но я, уже знавшая инструкции распития «Нектара», не позволила себе приглушить боль. Она должна была пройти сама собой. Поэтому, я схватилась покрепче и начала терпеть, ожидая приятный вкус.

– *Stai attento!* Ты так мне руку оторвёшь!

– Я?.. Что... Ой... – замешалась я, но наконец заметила, что схватилась я за руку Педро и неслабо сжала её. – Прости... Не заметила...

– Да ничего! Это даже, своего рода, комплимент. Так сильно хвататься за руку – это не спроста...

– Да иди ты. – рассмеялась я, толкнув его в плечо.

– Ладно, что всё о тебе, да о тебе... Давай обо мне.

– И правда, что за эгоистка... – сделала я задумчивый вид. – Давай о тебе.

– Начнём с того, что я родился на юге Италии, на острове Сант-Андреа. Знаешь... Мне кажется, у меня одно из самых странных мест рождений.

– Почему это?

– Видишь ли, Сант-Андреа – не жилой остров рядом с каблуком итальянского сапога. Туда, иногда, приезжают туристы. Посмотреть на маяк. Ну и моя мама тоже туда отправилась. Она вообще была равнодушна к маякам. Поэтому, собственно, и была мной беременна. Волей судьбы, мама родила меня прямо на маяке. Ох, и устроила она там... Эхо

разносилось по всему сооружению. Вот такой вот я «подкаблучник» ...

– Интересная история. – я подставила под голову руку, подвинулась ближе к Педро.

– Занимался я многим. От виноделия до мошенничества. Однако, ничего из этого не вышло. Однажды, друзья завели меня в тир. Так, пострелять, поговорить... И я будто там и остался. Я нашел свой талант – стрельбу. Теперь моя жизнь связана исключительно со стрельбой. Я отслужил в итальянской армии. Там я отточил свои навыки до идеала. Меня хотели повышать в звании, как наилучшего бойца. Но я считал дальнейшую службу... скучной.

– С чего вдруг? Разве, скучно иметь подчинённых, которые будут исполнять твои приказы?

– Скучно. Еще как. Я не смогу сидеть на месте и смотреть, как подчинённым достаётся всё самое интересное. Я бы согласился быть лидером, лишь если предприятие работало бы самостоятельно, без моего постоянного вмешательства. Чтобы приносило прибыль, не требуя ничего взамен.

– Интересная философия...

– Это так. Слушай, не хочешь потанцевать? Музыка отличная заиграла!

– А знаешь, почему бы и нет? – улыбнулась я.

Шак'Хид

– Шак'Хид, что с тобой? – спросил меня Гробовщик.

– Ничего. С чего ты взял, что со мной вообще что-то мо-

жет быть?

– Я же вижу. Это лицо. Оно полно отчаяния и неопределённости.

– Ладно, только никому...

– Конечно. Я буду молчать.

– Я, на самом деле, совсем не понимаю, что со мной. Но, – я сделал голос тише, – когда я смотрю на Пустошь... Меня всего распирает. Когда я в облике человека, сердце сильно бьётся, щёки краснеют.

– А-а-а... Ясно.

– Что со мной?

– Ты, друг мой, – он положил руку мне на плечо, – влюблён.

– Влюблён? Нет, быть не может! Я не могу просто так подвергнуться любви.

– С чего ты взял?

– Мне казалось, это не так просто. Ведь, любовь нельзя обрести просто так... Лишь... Со временем...

– На самом деле, всё бывает по-разному. Нет точной схемы возникновения этого чувства. Так что, в этом нет ничего странного... Но учти: ты должен делать всё предельно аккуратно. Любовь, друг мой, – опасная штука. При неправильном обращении, она может сломать тебя.

– То есть из-за неё я могу потерять свою эффективность? И что же мне со всем этим делать? Оставить всё, как есть?

– Ни в коем случае! Если будешь бездействовать, будешь

страдать. И тогда твоя эффективность упадет. Причём сильно.

– Гробовщик! Говори же! Что делать?

– Поговори с ней. Пригласи её на танец. Послушай, какая музыка играет! А потом признайся в своих чувствах. А там будь что будет.

– Что ж, попытаюсь.

– Я верю в тебя, Шак’Хид!

Осушив ещё один бокал «Нектара Жизни» и собравшись с мыслями, я наконец встал из-за барной стойки. Пора положить этим раздумьям конец. Пора поговорить с Пустошью. Но как лучше предложить ей уединиться? Пригласить её на танец?.. Или просто поговорить?

Задумавшись, я сам не заметил, как оказался рядом с ней и начал говорить автоматически...

– Как настроение?

Она замялась, буквально на секунду.

– Неплохо... Правда, здесь довольно шумно...

– Не хочешь... Не хочешь потанцевать?

– Я бы с радостью... Но... Я не умею танцевать...

– Тогда, может просто поговорим?

– Хорошо, только не здесь. Еле слышу собственный голос.

Мы устремились на верхний этаж квартиры. Здесь не было ни души. Все веселились внизу. Даже музыка с трудом доходила до сюда. Размеры этой квартиры были поистине впечатляющими.

– Так о чём ты хотел поговорить?

– Я хотел бы поговорить о тебе... И о чувствах, что давно тревожат меня.

– Каких... чувствах?

– Ты уже знаешь, что я не человек. И я вряд ли смогу понять все те чувства, что испытывают люди... Например, радость, грусть, сожаление, любовь...

– К чему ты клонишь?

– Я заметил, что когда не нахожусь рядом с тобой, меня начинает сильно тянуть... к тебе.

– Я, похоже, начинаю понимать, о чём ты... Прости, но... Я дала себе слово не влезать в любовные отношения. По крайней мере, пока не разберусь в них сполна. Я ведь тоже ничего об этом не знаю...

– Но, Пустошь... Идина... Я думал, мы сможем познать все тонкости жизни вместе...

– Я бы с радостью... Но мне нужно время. Я не могу просто так с головой погрузиться в неизведанное. Судя по моему опыту, ни к чему хорошему это не приведёт.

– «Судя по опыту»?

– Да. Я кое-что не рассказала. Когда я пошла искать отца, поиски удались не сразу. Сначала я пришла в его старую квартиру. По соседству жил один мужчина средних лет. Его прозвище – Пузан. И волей судьбы он стал насильником.

– Ты всерьёз?

– Да. И он воспользовался моим неведением, чтобы попытаться затащить меня в постель. Хорошо, что добрые люди успели прийти на помощь.

– Какая он мразь... Я его...

– Успокойся. У него были свои причины...

– Какие причины для этого?

– Тс-с-с-с.

Она прижалась ко мне своим мягким телом. На меня будто упала воздушная простыня.

– Забудь об этом. – прошептала она. – Всё уже не важно. Главное – я не заставлю тебя долго ждать. Постараюсь как можно быстрее понять все тонкости отношений и чувств. От тебя я прошу лишь одного – дай мне немного времени.

Я тяжело вздохнул, но внутри почувствовался прилив радости. Похоже, сработало. Мне стало легче. Пожалуй, и вправду, нужно дать ей больше времени. Ещё раз вздохнув, теперь уже с необычайной лёгкостью, я ответил:

– Как скажешь...

Эпилог

Очкожуй

Я проснулся первым. Не выпил ни капли спиртного за вчерашний вечер. Сразу видно разницу. Совершенно выключенный, храпел на соседнем кресле Гробовщик. Шак'Хид, чтобы не занимать места, подвесил себя к потолку. Он был погружён в глубокий сон. Лицо его переливалось волнами. Эсс Шейкер лежал на диване, обхватив его полностью, а Катрен – на полу перед диваном, видимо, свалившись с него перед тем, как заснуть.

Девушки лежали в отдельных комнатах. Я лениво проходил мимо их дверей. Одна была открыта. Заинтересованный, я заглянул внутрь. В середине комнаты, на одноместной кровати, теснясь, спали Зеленоглазка с Педро. По всей комнате были разбросаны элементы одежды. Да... Видимо, идея сдружить членов Татар Гетто была не напрасна... Я прикрыл дверь и пошел дальше.

Проходя через танцпол, я находился в свете переливающихся разноцветных огней, которые мы забыли погасить на ночь.

На полу лежал разбитый бокал. Я покачал головой, нагнулся к битому стеклу, аккуратно собрал все мелкие осколки в самый большой и выбросил получившуюся кучку в ведро.

Подойдя к выходу на панорамный балкон, я потянул руч-

ку двери вверх. Двери распахнулись, в квартиру залетел январский ветерок. На такой высоте воздух казался ещё холоднее. В первое мгновение меня даже пустило в дрожь. Но, чуть-чуть привыкнув, я вышел на балкон.

Вот это вид... Хотя я и наблюдал за планировкой квартиры, видел её на многих этапах строительства. И за всё это время ни раз выглядывал из окна... Всё равно не смог привыкнуть к такой красоте. Отсюда была видна вся Казань. Сейчас она представляла собой огромное сборище белых, блестящих на солнце, домов. Снег продолжал оседать на крышах зданий. И даже дороги покрывались белизной. Хотя и ненадолго, до первой машины, но покрывались. И это прекрасно!

Я стоял и смотрел на город ещё какое-то время. Наконец, из квартиры послышались голоса. Я радостно поднял голову и сказал сам себе:

– Ну что, приступим...

